

*Новосибирское региональное
Пушкинское общество*

*Пушкинский альманах
выпуск 8*

Новосибирск
Издательский дом «Манускрипт»
2010

ББК 94.3

П-914 **Пушкинский альманах. Выпуск 8** /Под общей редакцией В.Е. Крыжановского. – Новосибирское региональное Пушкинское общество. – Новосибирск: Издательский дом «Манускрипт», 2010. – 192 стр.

Международная Славянская академия наук, образования, искусств и культуры. Западно-Сибирское отделение

ISBN

8-й выпуск «Пушкинского альманаха» открывается разделом «65 лет Победы», но и в этом, как во всех других разделах, звучит имя А.С. Пушкина, альманах продолжает популяризацию его личности и творчества и их влияния на все стороны жизни россиян.

В разделе «Под сенью Пушкина. Стихи и проза» читатель найдет имена не только уже известных по прежним выпускам авторов литературных сочинений. Творчество лауреатов и участников областного поэтического фестиваля «Область моя – всех народов семья», живущих в городах и сёлах Новосибирской области, представляет член Союза писателей поэт Владимир Романов.

Раздел «Гости «Пушкинского альманаха» знакомит с юбилейным Пушкинским выпуском альманаха «Австралиада», пересланным нам из Австралии бывшими россиянами.

В разделе «Ученые записки» связи творчества Пушкина с творчеством других литераторов анализирует Нина Меднис, ученый и педагог кафедры русской литературы Новосибирского госпедуниверситета. Интересные статьи, очерки, рецензии, интервью ждут читателя и в разделе «Очерк и публицистика».

Так совпало, что в Год учителя мы будем отмечать 180 лет творческого взлёта у А.С Пушкина в осеннем Болдине. В проведении школьных и клубных мероприятий по этому поводу будет полезен публикуемый на «Страницах учителю» сценарий литературно-музыкальной композиции «Болдинская осень. 1830 г.», подаренный нам нашими коллегами из Пушкинского общества Омской области.

© Составление: Евдасин В.М., Крыжановский В.Е., Трухина Н.П., 2010
© Издательство «Манускрипт», 2010

*65 лет
Великой Победы*

Анна Ахматова

Мужество

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, –
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

23 февраля 1942

Ташкент

Лев Юрьев

«Александр Пушкин» в небе войны

5 марта 1943 года. Обычный день в далеком от фронта старинном русском городке Каменске-Уральском. Городской узел связи работал, как всегда, по распорядку. Но в 0 часов 40 минут этот ритм был нарушен. «Высшая правительенная», – начала прием телеграммы из Москвы телеграфистка.

И дальше – «Каменск-Уральский Челябинской области писателю товарищу Новикову Ивану Алексеевичу Примите мой привет и благодарность Красной Армии Иван Алексеевич за Вашу заботу о воздушных силах Красной Армии тчк Ваше желание будет исполнено И. Сталин».

Когда началась война, писателю И.А. Новикову шел 65-й год. «Чем помочь фронту?» – такая мысль постоянно возникала у него. И вот однажды он предложил провести «Пушкинскую декаду», посвященную 106-й годовщине со дня гибели А.С. Пушкина. В феврале 1943 года каждый вечер И.А. Новиков выступает в заводских и сельских клубах, в Доме культуры. Он читает произведения поэта, отрывки из готовящейся им книги «Пушкин на юге», рассказывает о его жизни и творчестве. В «декадных» афишах и на входных билетах сообщалось, что весь сбор от выступления пойдет на строительство самолета «Александр Пушкин».

Декада всколыхнула жителей небольшого городка. С любовью к великому поэту, желанием быть участником строительства боевой машины шли люди после трудового дня на встречи с родным Пушкиным. За короткий срок было собрано более 100 000 рублей, которые поступили в фонд обороны страны. В письме на имя Верховного Главнокомандую-

щего писатель-патриот просил присвоить самолету имя Пушкина.

28 июня 1943 года новенький Як-7 был вручен одному из лучших летчиков 162-го истребительного авиационного полка 309-й истребительной авиадивизии командиру эскадрильи капитану Ю.И. Горохову. Отважный летчик совершил около 5000 боевых вылетов, сбил 23 самолета врага лично и 10 – в групповых боях. Четыре бомбардировщика были сбиты на «Александре Пушкине» только за один день боев за город Спас-Деменск.

16 и 19 сентября 1943 года командующий 1-й воздушной армией генерал М.М. Громов и командующий Западным фронтом генерал В.Д. Соколовский подписали представление на присвоение капитану Юрию Ивановичу Горохову звания Героя Советского Союза.

Командир «Александра Пушкина» погиб в неравном бою 1 января 1944 года.

Александр Смирнов

Из поэмы «Пушкинские Горы»

*Памяти поэтов-воинов
Георгия Суворова и
Бориса Богаткова*

* * *

...В душе, исполненной печали,
Стихи еще не отзвучали:
«Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил...»

Вот где-то здесь – и, может, рядом
В осенней синей тишине
Блуждал поэт под листопадом
С тоской своей наедине.

«Где я страдал...» Разрывы близко,
И нестерпимей минывой...
«Где я любил...» А пули с визгом
Снуют над самой головой...

И землю рвут вокруг осколки,
И приподняться нету сил...
А на душе звенит, не молкнет:
«Где сердце я похоронил...»

* * *

И кажется – над полем схватки,
Над развороченной землей,

В знакомой взвихренной крылатке.
Поднялся Пушкин, как живой.

В огне бушующем по плечи,
Для вражьих пуль неуязвим
Идет поэт, идет навстречу
Освободителям своим.

Горят глаза отвагой гордой,
И кудри черные вразлет,
И на закат рукой простертой
Зовет бойцов, вперед зовет.

А возле вьется черным бесом,
Ползет за Пушкиным вослед
Тень чужеземца, тень Дантеса,
Наводит снова пистолет.

И рвутся мины, завывая,
Чтоб преградить поэту путь.
Но крепнет песня боевая,
Её назад не повернуть, –

Гремит и рядом и поодаль,
Все ближе, ближе и ясней:
«Придет ли час моей свободы?
Пора, пора! –зываю к ней...»

Идут, идут на память сами
Стихи, высок их звонкий взлет,
Пушкин близко – пред глазами
В метели огненной идет...

Феликс Кичатов Калининград

«Минувшее меня объемлет живо...»*

В каждой стране есть свой поэт, свой кумир, но ни в одной из них нет такого могучего людского потока к могиле поэта, который поражает воображение иностранцев, впервые встретившихся с этим феноменом. Им легко понять паломников, преодолевающих сотни и тысячи километров, чтобы поклониться Гробу Господню, но для них недоступно понимание того, что движет людьми, стремящимися поклониться праху поэта. Это удивительное явление свойственно лишь русскому народу.

Закупив охапки цветов у старушек, торгующих под Синичьей горой, поднялись по истертым временем каменным ступеням к могиле поэта. Сколько же людей прошло по этим камням, чтобы склониться перед прахом того, кто вот уже более полутора столетий волнует русскую душу? Сколько людских судеб переплелись благодаря тому, кто покоятся под этим пермагоровским памятником! Мы говорим «мир Пушкина», но при этом понимаем не только тот круг лиц, с кем поэт соприкоснулся хотя бы на мгновение при жизни, сделав их знаменитыми и известными всем последующим поколениям, но и тех, кто сейчас живет с Пушкиным в сердце, передавая в наследство своим детям и внукам божественную красоту его солнечных стихов и праздничное торжество его ума. Так и моя жизнь на каком-то этапе пересеклась с именем Пушкина, да так и осталась с ним навсегда.

Подходя к могиле поэта, ощущаю какой-то таинственный, незнакомый мне трепет, будто предстоит встретиться с самим Пушкиным.

* Печатается с сокращениями. См: Кичатов Ф.З. Кофейный портрет. – Калининград.: Терра Балтика, 2006. С. 12–34.

Вот и знакомая оградка. Дверца ее заперта, но за нею – горы живых цветов. Вечерело, и у памятника было пустынно.

Я должен сам увидеть, прочувствовать, осмыслить, понять... И здесь мне никто не волен мешать. Я стоял перед памятником, и мысли мои роились в переполненной впечатлениями голове, мешая сосредоточиться.

Мне не хотелось так быстро покидать это священное для каждого русского человека место. Вспомнилась моя переписка со старым сапером, бывшим начальником штаба 157-го инженерно-саперного батальона, участвовавшего в разминировании Пушкиногорья в ходе операции по освобождению псковской земли от немецко-фашистских захватчиков, Николаем Васильевичем Помилуйко. В одном из писем он сообщил некоторые подробности, связанные с разминированием этих мест. Дело в том, что в последние годы в Германии стало распространяться мнение о том, что могилу Пушкина будто бы никто не минировал, что все это выдумки Семена Гейченко и наших политидеологов. Немцы-де не могли пойти на такое кощунство. У меня в руках письмо Помилуйко, в котором по этому поводу он пишет: «Я лично установил, что могилы [Пушкина и Ганнибалов – Ф.К.] заминированы минами RM-43. Памятник обит досками, одна из которых оторвана, и можно прочесть «ПУШКИН». Но еще раньше в составе передового отряда на могиле поэта побывал командир роты 17-й инженерно-саперной бригады старший лейтенант Г.И. Старчеус, который, судя по деревянной дощечке, прибитой им на монастырской стене в то время, первым обнаружил мины у могилы поэта. На дощечке черной краской выведена надпись, подобные которой всегда оставляли саперы в тех местах, где не успевали снять мины: «Могила А.С. Пушкина заминирована. Входить нельзя. Ст. л-т Старчеус». Эта дощечка до сих пор хранится в музее Святогорского монастыря. Сколько бы интересного об этом событии мог рассказать нам Григорий Игнатьевич Старчеус, если бы не пал смертью храбрых буквально через три месяца после освобождения Пушкинских Гор.

Взвод старшего лейтенанта С.Е. Покидова из 157-го инженерно-саперного батальона 13 июня 1944 года обнаружил мины на дороге у самой монастырской стены, как раз там, где на холме возвышается памятник поэту.

Когда войска уходили дальше на запад, вспоминал Н.В. Помилуйко, саперы 157-го инженерно-саперного батальона собирались у могилы Пушкина, чтобы отдать ему воинские почести, а некоторые – навсегда проститься с этим священным местом: ведь впереди был целый год войны. Вместе с ними был и командир роты 72-го стрелкового полка лейтенант Андрей Новиков, слывший в полку поэтом. Стоя у ограды памятника, он в полной тишине прочел только что сочиненные им стихи:

*Мы сохраним в веках твои творенья,
Священные места, любимые тобой,
За гений твой в жестокий час отмщения
Мы ринемся в кровопролитный бой.
Склоняем головы мы у твоей могилы,
Любимой Родины великий сын,
Воспевший Русь могучей, полной силы,
Как патриот ее, поэт и гражданин.*

Может быть, эти стихи не столь совершенны, не в меру патетичны, но, думаю, их автору удалось выразить общий настрой всех тех, кто в жаркий июльский день 1944 года сумел выкроить минуту-другую, чтобы отдать дань памяти национальному гению.

На Синичьем холме было пустынно. Мы положили прощальные цветы к подножию памятника поэту и молча склонили головы. Мне непременно захотелось увезти с собой какую-нибудь реликвию этих мест. Вспомнив о старинном русском обычая – покидая надолго родные края, брать с собой горсть родимой земли, я окинул взором могилу поэта, но увы: вся площадка перед ней да и перед собором была настолько плотно застлана каменными плитами, что я было подумал отказаться от этой затеи. Но быстро сориентиро-

вавшись, перемахнул через парапет, ограждающий площадку, и набрал целый целлофановый мешок земли.

Каждый раз, покидая эти заповедные места, я вспоминаю веющие слова Георгия Николаевича Василевича: «Пушкинский заповедник – место отдохновения и трудов, открытий и бесед, размышления и творчества. Это подвиг, совершенный в память об Александре Сергеевиче Пушкине музыкантами, реставраторами, людьми десятков профессий в трудные для Отечества времена испытаний огнем, мечом, забвением и неустройством. Это символ возвращения к себе, возвращения Домой, в свою историю, для полного бытия в ней, для продолжения ее без разделения. Это символ труда, которым единственно только дается причастность к наследию предков. Труд души, сердца, ума и рук, не боящихся тягот и испытаний».

Стало понятно, почему многие творческие личности приезжают сюда на долгое время. Видимо, соседство праха поэта здесь ощущается сильнее, а природа, свидетельница жизни и творчества Пушкина, сама подсказывает сюжеты и мысли, которые не приходят в голову в другом месте. Но, может быть, самое главное – это дух поэта, который витает здесь повсюду, навевая мысли о нем, о его творчестве, о его друзьях, о его золотом XIX веке, названном пушкинским. Этот дух, видимо, и инициирует вдохновение и дает необычайный творческий заряд. Я ощущаю это на себе каждый раз, когда усаживаюсь за свой письменный стол: над ним уже много лет висит ладанка с той священной землей.

Елизавета Стюарт

Отрывок из «Обращения к старому городу»

...Глубокий тыл.
Сугробы стынут.
Угрюм передрассветный час...
С дежурства
улицей пустынной
Иду – ночной редактор ТАСС.
Я знаю все, чего не знают
До срока те, что спят в домах...
Поземка путь переметает,
Курится белым снежный прах.
И не укрыться в целом свете,
Колючий снег сечет остро.
Иду одна. Несу сквозь ветер
Я сводки Совинформбюро –
С боями «местного значенья»
И городами, что сданы,
Со всею болью отступленья
Тех первых месяцев войны...
Наутро будут сводки эти
Читаться тысячами глаз,
Но я пока одна в ответе
За то, что скрыто в них сейчас:
За слезы всех ночей бессонных,
За невозвратность всех утрат,
За те десятки «похоронных»,
Что разошлет военкомат...
Пусть до рассвета людям спится,
Пусть горе медлит у окна!..

Поземка белая курится.
Иду в колючий снег.
Одна.

Потом светлели сводки эти –
Все ближе был он, жданный час.
Я людям радость на рассвете
Несла –

ночной редактор ТАСС.

Была всегда со мною рядом
Моя судьба – моя страна,
Она сквозь горе и сквозь радость
Во мне звучала, как струна.
Я постигала цену слова
И цену правды в слове том.
Седые матери и вдовы
Мне были мерой и судом.
Я знала, как суровы судьи –
Солдаты праведной войны:
Мне лжи бы не простили люди,
Не отпустили бы вины.
Той строгой мерой непреложной
И ныне я жива,
пока
Народ мой верит, что надежна
Моя рука.
Моя строка.

Жэля Прухина

Сынок!

Это случилось более 40 лет назад. В феврале 1968 года молодая учительница 136-й школы и её юные воспитанники стояли возле Вечного огня.

На них проникновенно смотрела Родина-мать в образе скорбящей женщины. Потом дети говорили, что скорбящая мать будто рассказывала им страшную повесть о войне, только страницы этой книги были рядом с нами и над нами. Но не шелестела страницами страшная книга о минувшей войне, а застыли эти страницы на строгих бетонных пилонах. В тот февральский день не было столпотворения у монумента: день будний, время рабочее, погода не располагала к длительной прогулке. Но посетители были. Три человека привлекли наше внимание. Один – инвалид, примерно 45 лет, высокий, худощавый, в чёрном кожаном пальто. Правый глаз под черной повязкой. Протезы вместо руки и ноги тоже не оставляли сомнений, что перед нами инвалид Великой Отечественной войны. Он долго всматривался в надписи на пилонах монумента Славы и, поняв, что усилия его тщетны, достал бинокль. Ребяташки ахнули – ведь это был настоящий полевой бинокль. К нему сразу же устремились двое: пожилые люди, видимо, приезжие, скромно одетые. Они поняли безрезультатность поисков своего близкого человека в обилии имён: надписи были мелкими и в большинстве своём располагались высоко. «Сынок, – обратились к инвалиду эти двое, пожилая супружеская пара, – посмотри-ка на верхние надписи». И они вручили незнакомцу листок с данными об их не вернувшемся с войны сыне. Незнакомец принял записку. В следующее мгновение послышался звук от падения

тела. Бывший воин без сознания лежал на каменных плитах, но рука его крепко сжимала листок с записью. Ошеломлённые старики склонились над ним, другие посетители побежали вызывать «скорую». И вдруг раздался душераздирающий крик: «Сынок!» – и старушка без сознания упала рядом. Когда приехала «скорая», оказывать помощь пришлось сразу двоим: оба были без сознания.

И тут старика осенило... Вглядевшись в лицо незнакомого человека, он узнал в нём родные черты, и слёзы безостановочно полились из его выцветших от горя и времени глаз...

Времён связующая нить

21 сентября 2007 года. Яркий солнечный день, соединивший изумруд уходящего лета и золото прошедшей осени с ожиданием праздника в рабочем посёлке Мошково. Все 15 тысяч жителей были охвачены единым порывом – увековечить подвиг тружеников тыла: женщин и детей, ковавших победу далеко от линии фронта на полях, на фабриках и заводах, в больших и малых городах, в рабочих посёлках и в деревнях.

Жители Мошковского района, вдохновлённые идеей связи поколений, решили – памятнику быть. И полное единение граждан района, патриотов своей малой Родины, можно назвать Днём солидарности, полного единения мошковчан от мала до велика. От главы районной администрации до убёлённых сединами ветеранов войны и труда.

14 часов дня. На торжественном митинге возле Дома культуры перед жителями и гостями упало покрывало с памятника, и взорам присутствующих открылась скульптурная

группа: молодая, хрупкая, со спокойным, одухотворённым лицом женщина – мать, труженица и гражданка – нежно обнимает своего сынишку, а он, прижавшись к руке матери, обращает к ней недетские, вопрошающие глаза.

Общеизвестно, что у войны не детское лицо, но по площади словно стон прошёл, то там, то здесь слышались сдержаные рыдания. Не выплаканные когда-то слёзы безудержно катились из глаз. Седые дети войны в женщине из бетона увидели своих стареньких или уже ушедших матерей, а солидные мужчины,

словно превратились в подранков военных лет и почувствовали на себе тепло материнской заботы и любви.

Словно чудо произошло: души скульптурных фигур и души живых людей слились в едином нежном порыве. Вдохнуть душу в тяжёлый, грубый бетон сумел изумительный человек, талантливый скульптор Геннадий Парамонов. И он, и его вдохновители и помощники: Виктор Михайлович Гвоздев и Галина Александровна Родина – дети войны, беспреклонные, активные люди, протянули связующую нить между прошлым и будущим. Замечательно, когда у грядущих поко-

лений есть такие наставники и летописцы. Много тёплых слов и взволнованных выступлений прозвучало в этот день и на торжественном митинге, и по окончании его. Ведь и представителей областной общественной организации «Дети войны», и детей войны Мошковского района объединяет память сердца, не дававшая им покоя долгие годы.

Долг перед погибшими отцами и великими тружениками войны – матерями – исполнен.

За это добрую память земляков заслужил автор скульптурной композиции, один из поколения детей войны Геннадий Парамонов, почетный член Новосибирского регионального Пушкинского общества.

Isaac Asimov

«Катюша» фронтовая

Любили мы «Катюшу» нашу.
Казалось, всех она сильней.
Кормила огненною кашей
Совсем не прошенных гостей.

Фронтовику – она подруга,
Сестрой, невестою была,
И с помощью такого друга
Смелее в бой пехота шла.

«Катюша» пела – слух ласкала
Бойцов, идущих в страшный бой,
Своими залпами сметала
Заслоны крепости любой.

Жива еще «Катюша» наша,
Как сын на смену «Град» пришел,
Теперь она – уже мамаша,
Я дом ее не обошел.

Бои былые вспоминали,
Как защищали край родной,
За что награды получали,
Кто из бойцов еще живой.

Так хочется «Катюше» нашей
Победный день увидеть вновь.
Заздравную поднять бы чашу,
Благословить своих сынов.

К освобождению Крыма

Берег Крыма золотой,
Ты красив морской волной.
Солнце греет твои воды,
Где швартуют пароходы.

Где Алушта и Алупка –
Две чудесные голубки –
Мирно спят на берегу,
Не забуду. Не могу...

А теперь, мой верный друг,
Вспомним, как вскипели вдруг
Волны от огня врага,
А до смерти – два шага.

Перед нами город Керчь,
Огневой встречает смерч.
Мы идем, идем вперед,
Как наказывал народ.

Плачет море, плачут волны,
Чайки плачут, горя полны:
Топчет землю враг, лютует,
Грабит, вешает, мордует.

Думал взять нас на испуг,
Разоряя все вокруг.
Оборону мы держали,
Не пройдет – мы полагали.

Выгнал нас фашист из Крыма,
Сквозь огонь и тучи дыма...
Оставляли край родной,
Но не шли мы на постой.

Грянул год сорок четвертый.
Враг силен – калач он терпкий,
Но мы тоже не сидели –
Вражью свору одолели!

Море тишиной объято
Отдохнуть ушли солдаты

Отдохнут – и снова в бой...
Крым прощается с тобой.

Море волнами шуршит,
Море тихо говорит:
«Я хочу, чтоб не забыли
Сколько крови мы пролили».

Клятву дал боец народу:
Миру принести свободу.
Вот уже повержен враг;
Над Рейхстагом – Красный флаг!

Прощание с кортиком

В походах был ты не со мной.
Лежал в шкафу с медалью рядом.
Мечтал, что встречусь я с тобой
И как пройду печатным шагом
Давно знакомой мостовой

Ты не старел, как я, с годами,
Блестел, как в молодости, ты.
Всегда готов был в бой с врагами
До самой гробовой доски.

Отдав тебя в чужие руки
За три гроша, спасая дом,
Познал я, что такое муки
И что такое – в горле ком.

Олег Кузьменков

Физкультурный парад Победы (воспоминания старого московского студента)

О физкультурном параде Победы сейчас мало кто знает – о нём не помнят даже многие ветераны, а люди среднего возраста и молодые совсем не имеют о нём представления. На самом деле это было большое не только спортивное, но также культурное и политическое событие. Правящий режим Советского Союза хотел подтвердить свою прочность и жизнеспособность, показать, что, несмотря на изнурительную четырехлетнюю войну с фашистской Германией, страна сохранила свой резерв, свой основной потенциал в виде здорового, сильного и жизнеспособного молодого поколения, воспитанного в духе советской идеологии и готового выполнить любые замыслы советского руководства.

Значение этого события подчёркивалось тем, что физкультурный парад Победы проводился на Красной площади (в отличие от последующих, которые все проходили на стадионе «Динамо») и на нём присутствовали правительство страны и главы некоторых дипломатических миссий. Это было грандиозное представление, которое одновременно являлось отчётом о работе всех добровольных (читай, государственных) спортивных обществ страны: «Динамо», «Спартака», «Буревестника», «Локомотива» и десятков других. В нём участвовали спортивные делегации всех шестнадцати союзных республик, все выдающиеся советские спортсмены, в том числе имеющие мировую известность, а также физкультурные коллективы крупнейших предприятий и учебных заведений Москвы.

Было бы неправомерным сопоставлять историческую значимость двух парадов, ознаменовавших окончание войны – военного и физкультурного, но и тот и другой были парадами Победы и если военный – это славное и героическое, хотя и совсем недавнее, но всё-таки прошлое, то физкультурный парад – это будущее страны. Нужно было показать всему миру, что это светлое, радостное будущее.

В 1945 году я жил в Москве, будучи студентом Московского энергетического института имени Ленина (МЭИ) – одного из крупнейших и известнейших вузов страны.

Получив в Саратове, после окончания средней школы аттестат с отличием (без единой четвёрки), я имел право без экзаменов поступить в любое учебное заведение Советского Союза. Почему же выбрал именно МЭИ? Никаких советов мне никто не давал, но откуда-то возникла очень здравая мысль, что если поступать, то в самое лучшее учебное заведение по той специальности, которая мне нравилась.

А специальность была выбрана уже давно и тоже вполне самостоятельно. Еще до войны, когда мы жили в городе Пскове и я учился в седьмом классе, моему школьному другу подарили отлично изданную книгу «Моделист-конструктор» с картинками, чертежами и описаниями многих машин и технических устройств. Поначалу мы с ним хотели сделать действующую модель паровой турбины с паровым котлом, чтобы установить их на плавучую модель корабля, но для этого потребовались материалы и инструменты, которых у нас не было. Из других наиболее простой мне показалась конструкция электродвигателя, так как для его изготовления нужны были только жесть, обмоточный провод и умение паять.

Паять я научился, помогая отцу-шоферу в ремонте радиатора автомобиля, трубы которого иногда начинали подтекать, жесть нарезал по указанным в книге размерам из консервных банок (при этом получил взбучку от матери за вконец затупленные ножницы), а набор проводов купил в магазине. Удивительно, что построенный электродвигатель работал не только от автомобильного аккумулятора, для чего и

был предназначен по замыслу, но и от электрической сети освещения 127 вольт – правда, при этом он сильно перегревался. Я очень гордился своей работой, слышал много похвал от окружающих – и по этой причине с тех пор полюбил электричество (это не очень правильный словесный оборот «Любовь к электричеству» – но один очень известный писатель дал такое название своей книге) и захотел получить профессию, связанную с электротехникой. Это желание сохранилось и в последующие годы.

К тому же в Москве жили наши родственники – родные братья отца Степан с женой и сыном и Александр со своим многочисленным семейством – на втором этаже небольшого старого дома в Госпитальном переулке, невдалеке от станции метро «Бауманская».

Шла война, но во второй её половине, когда стала ясно видна реальность нашей победы, многим ведущим техническим вузам было предоставлено право давать своим студентам отсрочку от призыва в армию. Этим правом пользовались и студенты МЭИ. Как потом выяснилось, это был не только один из крупнейших вузов страны, но и в какой-то степени вуз привилегированный. Потому что директором МЭИ была Голубцова, жена Г.М. Маленкова, Председателя Совета Министров Советского Союза, в то время, второго лица в государстве после Сталина. Наверное, поэтому, когда в дальнейшем правительство СССР приняло решение о проведении физкультурного парада Победы, Московскому энергетическому институту было предоставлено право не только провести колонну своих студентов-физкультурников по Красной площади, но и участвовать в показательных выступлениях лучших спортсменов страны со своей собственной программой.

Подготовка к физкультурному параду началась примерно за месяц до его проведения. Для того чтобы институт выглядел достаточно солидно, к участию в параде отобрали не только членов спортивных секций, но и «неорганизованных» студентов подходящей комплекции, распределили их по-

взводно и стали проводить ежедневные тренировки на стадионе МЭИ. Я был назначен командиром одного такого взвода и «муштровал» своих товарищей-студентов таким же образом, как учили меня во время военных занятий, которые постоянно проводились в школе в те годы. Наша задача была приобрести красивую выпрямку, чётко и слаженно ходить строем и безукоризненно держать равнение в шеренге. Это не так легко, как может показаться, потому что шеренга состояла из двадцати человек, и нужно было много тренироваться, чтобы выдержать строгое равнение во время движения фронтом. Нашу работу регулярно проверяла специальная комиссия и, в общем, оценивала положительно, только однажды, в первые дни тренировок, какой-то старый военный сделал мне замечание:

— Что ты командуешь, как старорежимный унтер: Ать-два, ать-два?

— Виноват, увлёкся. Постараюсь исправиться!

Многочасовые строевые занятия сопровождались большими энергозатратами и требовали усиленного питания, да и сами физкультурники должны были набрать свой вес, чтобы не выглядеть такими тощими и худосочными, какими они были по причине постоянного недоедания. Это было голодное время, продукты в магазинах выдавались строго по карточкам, а на базаре всё стоило баснословно дорого и практически недоступно для большинства студентов. К примеру, буханка хлеба (как и пол-литровая бутылка водки) стоила 800 рублей, тогда как средняя заработка плата составляла 500–600 рублей в месяц. Я хорошо помню установленные нормы потребления продуктов, которые можно было приобрести по карточкам по государственным ценам. Они дифференцировались по основным категориям населения: хлеб – 800 граммов в день рабочим, 600 граммов служащим и 400 граммов иждивенцам, в том числе и учащимся школ. Мясо или рыба – до одного килограмма в месяц (по-разному для разных категорий населения), а так как эти талоны отоваривались колбасой или консервами, которые считались концентратами,

то норма выдавалась в половинном размере. Жиры 300–400 граммов на месяц, столько же сахара, но его отоваривали обычно конфетами в виде обсыпной карамели без обёртки, которая называлась «Дунькина радость».

А иногда эти талоны вообще не отоваривались из-за нехватки продуктов или отоваривались не во всех магазинах, к которым были прикреплены владельцы продовольственных карточек.

Поэтому основным продуктом питания был хлеб, и если сейчас кажется, что 800 или даже 400 граммов хлеба в день никто не съедает, то попробуйте обойтись такой порцией, не потребляя ничего другого! В современном понимании хлеб – это просто некое дополнение, разбавитель другой еды, мясной, молочной или овощной. Но я отлично помню, как здоровый парень-десятиклассник, я съедал кусок хлеба из своей школьной пайки – это было вкуснее, чем сейчас любое пирожное. С тех пор я никогда не оставляю обедов и не выбрасываю даже зачерствевшие горбушки – их можно распарить в кастрюльке или засушить и использовать для приготовления хлебного кваса.

Большим подспорьем в питании населения была картошка, но нам приходилось покупать её на базаре и по таким ценам, что её хватало лишь для того, чтобы заправить суп. Использовали для еды всяческие суррогаты: отруби, мякину, различного рода жмыхи. В Саратове мать иногда жарила оладьи из картофельных очисток с добавлением отрубей, а прессованный подсолнечный жмых называли «колоб» и грызли, как лакомство. Когда я ходил подрабатывать разнорабочим на мельницу, то с нами обычно расплачивались колобом – плитка жмыха с килограммом – полтора весом за целую ночь тяжёлой работы.

В институте мы обедали в студенческой столовой, где нас кормили пустым супом и эрзац-котлетами без признаков мяса, которые оправдывали своё название только формой, с гарниром в виде перловой каши, вследствие жёсткости и безвкусности называемой «шрапнель». За это из наших продо-

вольственных карточек вырезали купоны на мясные продукты и крупу. Правда, имелась возможность получить в деканате талоны на добавочное питание, в МЭИ они были двух сортов: ДП – дополнительное питание и УДП – усиленное дополнительное питание. Они выдавались обычно членам спортивных секций, а также за особые заслуги – профоргам, комсоргам и старостам студенческих групп. По талону ДП можно было получить порцию гарнира – каши или лапши без масла, а УДП – это порция водянистого картофельного пюре (почему-то всегда с синеватым оттенком) и маленький кусочек селёдки. Студенческие острословы, для которых дополнительное питание было недоступно, в отместку сочинили саркастическую частушку, которую я помню и сейчас:

УДП, ДП и допы
Увеличивают ж...

Но скорее были правы те, кто придумал другую расшифровку для УДП: «Умрешь днем позже».

В МЭИ, занимаясь ночами, я по-настоящему начал курить. Табачные изделия (как и водка и прочие товары) тоже выдавались по карточкам – обычно это был низкосортный табак, махорка или третьесортные папиросы «Звезда» или «Норд», которые из-за малого размера называли «гвоздиками». Курили табак или махорку двумя способами – делали «самокрутку» или «козью ножку». Для изготовления самокрутки от газеты отрывали прямоугольный клочок бумаги, загибали его край, в получившийся лоточек насыпали махорку или табак и, прижимая указательными пальцами, скатывали в трубочку, наружный край которой заклеивали слюной – получалось нечто вроде сигареты без фильтра.

Козья ножка скручивалась из косой полоски бумаги в виде рожка или узкого фунтика. Узкий край заклеивали слюной, а в широкой части рожок перегибали под прямым углом и насыпали в него табак, утрамбовывая пальцем, как в курительной трубке.

Ближе к концу войны по карточкам стали выдавать в больших стограммовых пачках новый сорт табака, который назывался «филичёвый». Упоминаю о нём потому, что он скоро исчез и боюсь, что этот шедевр нашей табачной промышленности может оказаться в полной неизвестности потомкам. Это была какая-то адская смесь грязно-коричневого цвета, где вместе с сушеными листьями находились тонкие палочки, комочки неизвестного состава и опилки. Самокрутка из такого табака горела неравномерно, то одним, то другим боком, то производя внутри какие-то микровзрывы, во время которых она стреляла крупными искрами, распространяя вокруг едкую вонь. Неизвестно, из чего изготавливали такой табак, но те же народные юмористы говорили, что это смесь сущеного конского помёта с прошлогодним бурьяном и добавлением селитры для поддержки горения. Но как ни подшучивали над филичёвым табаком, а продолжали курить – привычка сильнее здравого смысла, в чём мы убеждаемся и по сию пору.

Руководство МЭИ взяло на себя благородную задачу – за месяц привести своих студентов-физкультурников в надлежащий вид, чтобы они могли продемонстрировать на параде атлетические фигуры, а не выпирающие рёбра и ключицы. Нас стали кормить по-настоящему, в основном американскими продуктами, наверное, из армейских запасов и по армейским нормам. Для студентов это был резкий, прямо-таки фантастический переход от голодного состояния к сытому довольству. Не могу забыть, с каким удовольствием мы ели наваристый суп и рисовую кашу с американской тушёнкой, необыкновенно вкусной и ароматной. Нам стали давать пайки, в которые включались консервированная колбаса и сгущённое молоко. Колбаса была в четырехгранных жестяных банках слегка конической формы (это чтобы удобнее было вытряхивать содержимое), в неё добавляли какие-то специи, придававшие ей своеобразный вкус и приятный запах, а от сгущёнки было невозможно оторваться до тех пор, пока не выскребешь банку до дна. Вместо филичёвого табака нам выдали папиросы «Беломор» – хотя и советские, но первого

сорта. В студенческой среде (как в дальнейшем и в курсантской) всегда был недостаток курева, и, находясь в компании, редко удавалось одному выкурить целую папиросу или самокрутку. Обычно кто-нибудь из окружающих, обращаясь к курящему, говорил: «Сорок!» – это значит надо было оставить меньшую половину (сорок процентов) для докуривания своему товарищу, а то находился еще и третий, который говорил: «Десять».

В последние месяцы войны всеми овладела эйфория, происходившая от беспрерывных побед нашей армии на всех фронтах. Никто уже не следил за продвижением войск по картам, не рисовали на них линию фронта, не перемещали флаги, как в начале войны. Зачем? Почти каждый день торжественный голос Левитана сообщал о взятии тех или иных городов, вечером в Москве гремели салюты из всё большего и большего числа орудий – вплоть до трехсот, в небе светили прожектора и взлетали красочные фейерверки. Иногда за вечер давали два, а то и три салюта. В праздничный день 2 мая 1945 года сообщили о взятии Берлина, со дня на день ожидали окончания войны, радиоточки и громкоговорители не отключали ни днем, ни ночью, вся последующая неделя прошла в напряжённом ожидании. И всё-таки это оказалось неожиданным, когда в два часа ночи с 8 на 9 мая по радио передали правительственное сообщение о подписании Германией акта безоговорочной капитуляции.

Всё! Война окончилась! Наступил великий час Победы, в его приходе большинство граждан не сомневалось даже в самые тяжелые дни отступления и военных поражений, но которого пришлось ждать так долго – почти четыре года – и за который пришлось отдать свои жизни десяткам миллионов людей.

Короткая майская ночь была на исходе. Из всех двенадцати корпусов студенческих общежитий МЭИ на Красноказарменной студенты высыпали на улицу, прыгали, обнимались, кричали: «Ура!», «Победа!», «Конец войне!», неимоверную радость и счастье каждый выражал как мог, пели и кри-

чали всё, что приходило в голову. Всю оставшуюся часть ночи танцевали и куролесили, но пьяных совсем не было – видимо, огромный эмоциональный накал, который все ощущали, уже не требовал подстёгивания спиртными напитками, да и негде было их взять.

Потом я пошел на Красную площадь, была хорошая погода, ярко светило солнце, во всём окружающем пространстве ощущалась какая-то восторженная торжественность. На площади собралось очень много народа, но не равномерной массой, а небольшими толпами, кучками, которые быстро образовывались вокруг людей, одетых в военную форму. На призыв «Качать!» сбегалось множество желающих, особенно молодёжи и без различия чинов и званий их подхватывали десятки рук, с криками и смехом несколько раз подбрасывали вверх, а потом бережно опускали, помогая встать на ноги, и кто-то подавал отлетевшую в сторону фуражку. Наиболее эмоциональные женщины кидались целовать незнакомых мужчин, лишь бы на нём были погоны. Ведь они так долго ждали возвращения домой своих мужей и женихов, да и вообще полноценных мужчин, о которых истосковались не только женские сердца, но и руки, а теперь эти ожидания подошли к концу. На время все забыли свои личные беды и проблемы, свои несчастья и потери перед лицом такого огромного, долгожданного и светлого события – Победа, радость-то какая неимоверная! Сейчас можно сказать, что за все прошедшие с тех пор шестьдесят лет не было – а может быть, и не будет – такой великой всенародной радости и ликования, как в тот день. Некоторые компании образовывались песней – как только несколько человек начинали петь, к ним присоединялись подпевающие, поскольку все знали слова и мелодии так называемых «массовых» песен, теперь совершенно забытых:

Кипучая, могучая, никем непобедимая,
Страна моя, Москва моя, ты самая любимая!

Или самая известная, самая популярная, самая всенародная песня, которая потом распространилась по всему миру:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой,
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег, на крутой.

Если когда-нибудь у кого-то возникнет идея поставить памятник песне, то это должен быть памятник «Катюше».

Усталый и голодный, я прошел по набережной Москвагорки, вдоль Кремлёвской стены, через Каменный мост, мимо кинотеатра «Ударник» на Большую Полянку, в дом, куда меня всегда влекло, но куда я стеснялся ходить отчасти из-за своей плохой одежды, а отчасти потому, что у жившей там девушки, которая мне нравилась, в то время были другие кавалеры. С этим домом на углу Полянки и Серпуховской площади с большой мансардной комнатой, через окно которой виднелись в отдалении Кремлёвские звёзды, у меня связаны воспоминания о многих проведенных в ней счастливых днях и часах. В тот день там уже были двое молодых парней – лейтенанты Юра, дальний родственник хозяйки дома, и его друг Вася, носивший Золотую Звезду Героя Советского Союза. Лейтенанты принесли с собой бутылку вина, и хозяйка дома тётя Лиза накормила нас обедом. Я не помню, что было на обед в этот праздничный день – скорее всего всё те же стандартные блюда, которые она за недостатком других продуктов готовила обычно: кислые щи с грибами и гороховая каша с хреном. Никогда и нигде больше мне не доводилось есть гороховую кашу с хреном, но тогда казалось – вкусно.

Образовалась весёлая компания, состоявшая из двоих девиц Лиды и Ляли (дочери и племянницы тёти Лизы) и трёх кавалеров. Я не думаю, что пятый был здесь лишний – все от души веселились и радовались празднику, танцевали под патефон, острили, говорили скрытые и явные комплименты – каждый старался выделиться в глазах симпатичных девушек, а тётя Лиза не отставала от молодёжи и подливала масла в

огонь своими репликами, так как имела живой характер и была остра на языке.

Вечером, в девять часов, прослушали речь Сталина, в которой он говорил о полной и окончательной победе над Германией и поздравлял с нею весь советский народ. Никто и не вспомнил о той речи, которую он произнёс в самом начале войны, 3 июля 1941 года, где впервые называл народ «братья и сестры», напоминал о наших великих предках, которые до тех пор были в забвении, и призывал к священной войне против коварного агрессора. Тогда, чтобы прийти в себя после провала всех его планов и решиться выступить перед страной, ему потребовалось десять дней, теперь он нашел нужные слова без всякого промедления. Между этими событиями прошло почти четыре года, народ претерпел неисчислимые муки и страдания, погибли почти 28 миллионов российских граждан — сознавал ли он свою вину, как высший, ничем не ограниченный правитель государства, ответственный за всё, что было? Но победителей не судят, теперь все забыли о прежних ошибках — теперь имя Сталина целиком олицетворялось с Победой, он был её главным героем и кумиром, был возведён в сан генералиссимуса и провозглашен льстивыми приспешниками величайшим полководцем всех времён и народов.

В наше время все прошлые оценки меняются, но огромное значение Сталина в достижении победы над фашистской Германией остаётся неизменным и, на мой взгляд, состоит не в его полководческом гении, а в том, что он сумел создать в стране такую жёсткую партийно-государственную систему, которую невозможно было сокрушить никакому врагу.

Поздним вечером вся наша компания пошла на берег Москва-реки смотреть салют Победы. Пошли по Большой Ордынке — одной из красивейших улиц Замоскворечья, да и всей Москвы, застроенной живописными особняками, со стройными рядами ухоженных лип вдоль чистых, ровных тротуаров со старинными гранитными тумбами по краям.

Вдоль нее, в том числе и по проезжей части, беспрерывным потоком, свободно и весело шли люди, практически было тихо – никто не пел и не кричал, но чувствовалось всеобщее радостное возбуждение.

У Чугунного моста, откуда был наилучший обзор, собралась густая толпа. И вот всё небо покрыл огромный разноцветный фейерверк – пиротехники за время многих предыдущих салютов уже достаточно натренировались и строили в небе из разноцветных огней то раздувающиеся шары, то полосы в виде полярных сияний, то многолучевые звёзды, рассыпающиеся каскадом сверкающих брызг. Всё это искрилось, двигалось и переплеталось на большой высоте. Лучи прожекторов то вращались, то скрещивались над головами, образуя нечто вроде больших, во весь небосвод, светящихся римских цифр, по небу медленно поплыл огромный портрет Сталина, рядом Красное знамя, поднятые вверх воздушными шарами и ярко подсвеченные снизу десятками мощных прожекторов.

Ударил залп из тысячи орудий – такого еще не было никогда ранее. Я не знаю, как далеко от нас находились орудийные батареи – по крайней мере, вне пределов прямой видимости, – однако каждый!! залп воспринимался не только ушными перепонками как звук, но и всей поверхностью тела – как некий акустический удар.

Этот незабываемый день – первый День Победы – прошел задолго до проведения физкультурного парада, но имеет прямое отношение к нему, так как у них одна первопричина. После многодневных занятий строевой подготовкой наступила пора генеральных репетиций всего парада, они проводились ночами, когда прекращалась работа городского транспорта. Движение нашей колонны начиналось от набережной Москва-реки, вдоль стен Манежа и ограды старого университета, по Манежной площади, через проход у Исторического музея, а затем по Красной площади, мимо Мавзолея, к Васильевскому спуску. Вначале шли вольным строем, попутно веселились и дурачились, как всегда в молодёжных

компаниях, испытывали силу и реакцию свою и своих соседей и товарищей. Искали любой повод поозорничать – однажды навстречу колонне выехал открытый армейский джип с какими-то военными. Когда он остановился, чтобы пропустить нас, десятки рук подхватили его за бамперы и все высступающие части, приподняли и понесли в обратном направлении, несмотря на увещевания и ругань сидящих в нём офицеров.

Начиная с Манежной площади шли по команде, строго держали равнение. На Красной площади располагался военный оркестр из тысячи музыкантов, и уже на подступах к ней слышался его гром – ещё не различалась мелодия марша, только глухие удары: тум-м, тум-м, тум-м ...

В день парада, 12 августа 1945 года, была ясная солнечная погода, по Красной площади физкультурники проходили широкими многоцветными колоннами, с множеством сияющих шелком знамён, сотнями разнообразных спортивных стягов, значков и эмблем и морем цветов. Затем поток раздвоился – часть пошла вниз по Васильевскому спуску, другая часть, которая должна была участвовать в показательных выступлениях, свернула налево, в Ветошный переулок. В Ветошном переулке спортсмены перестраивались и, захватив необходимый реквизит, вновь выходили на Красную площадь, она вся была устлана толстым зелёным войлочным ковром, имитировавшим травяной покров. На этом ковре разыгрывался грандиозный красочный спектакль во многих актах, с участием тысяч актёров – и профессионалов, и натренированных спортсменов-физкультурников. Это были коллективы спортивных обществ, многочисленные делегации всех союзных республик – показывали гимнастические и акробатические упражнения, народные танцы, приёмы национальных видов борьбы, массовые театрализованные сцены из жизни разных народов СССР. Сюжет спортивной программы коллектива МЭИ заключался в изображении при помощи синих матерчатых полотен морских волн, над которыми поднималась вышка для прыжков в воду. На неё по-

очерёдно поднимались спортсмены-гимнасты, делали красивую «ласточку» в воздухе и ныряли вниз. Для того чтобы «ныряльщик» не разбился, внизу была установлена широкая наклонная труба, в которой гасилась инерция падения, на её выходе «ныряльщика» подхватывали ассистенты и ставили на ноги. Чтобы облегчить скольжение спортсмена в трубе, изнутри её густо посыпали тальком, и ныряльщик вылетал из неё в белом «туманном» облаке.

В этой части выступления моя роль была очень скромной – я был один из тех, кто держал трубу в нужном положении. Зато моё внимание ничем не отвлекалось от созерцания трибуны Мавзолея, на которой находилось всё руководство страны и некоторые дипломатические представители. Я мог каждого внимательно разглядывать и сопоставлять их вид с теми портретами и фотографиями, которые распространялись в сотнях тысяч экземпляров и были известны всему населению.

Конечно, портретное сходство не нарушалось, но на парадной печатной продукции все наши вожди изображались в приукрашенном виде, в таком ракурсе, который соответствовал их наилучшему имиджу. На самом деле и Сталин, и Ворошилов, и Будённый и ряд других – все были маленького роста, что особенно подчёркивалось в сравнении со стоявшим неподалеку высоченным американским послом Гарриманом, сопровождавшим генерала Д.Эйзенхауэра, главнокомандующего западными союзными войсками, будущего президента США. Из наших под стать ему был разве только Л.Каганович. У Сталина было какое-то серое, нездоровое лицо, Ворошилов выглядел сугубо простецки, как типичный русский Иван, а Буденному придавали значительно его большие ухоженные черные усы, возможно, крашеные. Негласный шеф нашего института Г.М. Маленков широким лицом и рыхлой фигуруй походил на располневшую женщину с фуражкой на голове вместо женской шляпки. В целом эти люди, известные всей стране, прославленные выдающимися деяниями на благо советского

народа, внешне выглядели совершенно заурядно, чем опровергали теорию о том, что внутреннее содержание человека накладывает отпечаток на его внешний вид. Или наоборот, оправдывали её, так как все были, грубо говоря, холопами одного хозяина. Они готовы были на всё, на любые интриги и самоуничтожение, лишь бы сохранить его благосклонность, как приближённые самовластного восточного сатрапа, каковым, видимо, Сталин и был по своему характеру и методам правления.

В настоящее время, имея полную информацию о жизни и деятельности И. Сталина, всё же нельзя склоняться к однозначной оценке его личности. Он был тонкий политик, умный и хитрый, сильный государственник-реформатор, не обременённый никакими моральными нормами и нравственными обязательствами. Родом с Кавказа, он был настоящий знаток межнациональных отношений и сумел построить такую властную систему, которая одна могла удерживать многонациональную Российскую империю в сплочённом состоянии, в то время как все остальные мировые империи уже разрушились. Он это делал для сохранения величия России или для собственного самоутверждения – кто знает... А может быть, им продолжала владеть бредовая марксистская идея о мировой революции, которую он надеялся осуществить силовыми методами, удерживая все нации в своём неразграбляемом кулаке?

Он был чистокровный грузин, но сумел подняться выше своего национального самодовольства и достойно оценить вклад русского народа в Победу над врагом и вообще его ведущую роль среди других народов нашего государства, о чём стараются не упоминать даже теперь, боясь обвинения в русском национализме.

Поэтому я хочу напомнить слова тоста, произнесённого Сталиным на большом приёме, устроенном 24 мая 1945 года в Кремле, в честь победы над Германией:

«Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза,

... я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он – руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и великое терпение».

Нельзя не поверить искренности этих слов Сталина и не согласиться с ними. Они звучат особенно актуально теперь, после распада Советского Союза. Сожалея об этом историческом событии, мы должны ясно понимать, что оно произошло не по воле какого-то человека или группы лиц, а является неизбежным последствием общего выбора нашего народа – за демократию против тоталитаризма.

Памятник воинам-сибирякам, г. Новосибирск

Под сенью Пушкина.

Стихи и проза

Софья Шапошникова

Пушкин

Он пал, и небо раскололось
Не на мгновенье – на века.
Его природная веселость,
Его невольная тоска,
Всепроницание и ясность
Молниеносного ума,
Его всечесная причастность
К тому, что в жизни – Жизнь сама.
Созвучность морю, лесу, полю,
Очарованию зимы,
Крестьянской мудрости и боли –
Все органично, не взаймы.
Нам полтора столетья это
Передавалось. Так возник
Характер русского поэта,
Души естественный язык.
«Ученых много – умных мало.
Знакомых – тьма, а друга – нет»
В нас никогда не затихала
Боль СЕРДЦА ГОРЕСТНЫХ ЗАМЕТ.

Владимир Евдасин

Этюды о моём Пушкине (начало в выпусках 5, 6, 7)

При самом начале

Уже вскоре после начала занятий в Лицее все соклассники стали звать Сашу Пушкина в обиходе Французом. Прозвище это дали ему не случайно. До Лицея мальчик получил домашнее воспитание и образование по моде тогдашних дней на французский манер и свободно говорил на этом языке. В семье поощряли его увлечение чтением литературы, а библиотека отца состояла в основном из книг на французском языке. Да и в быту только няня и бабушка общались с детьми на русском языке, а родители предпочитали французский.

Лицеист Комовский вспоминал, что Пушкин «не только знал на память все лучшие творения французских поэтов, но даже сам писал [...] стихи на этом языке». О сочинении братом пьес и стихов на французском ещё до Лицея вспоминала и его старшая сестра Ольга.

В первом варианте своих воспоминаний Комовский уточнял возникновение лицейских прозвищ товарища: «...по страсти Пушкина к французскому языку [...] называли его в насмешку французом, а по физиономии и некоторым привычкам обезьяной или даже смесью обезьяны с тигром».

Поэт не чурался последнего прозвища и в зрелые годы. На встрече лицеистов ему поручили вести протокол и он сделал такую запись:

«19 октября 1828. СПБ. Собралися на пепелище Курно-феиуса Тыркова (по прозвищу Кирпичного бруса) 8 человек скотобратцев, а именно: Дельвиг – Тося, Илличевский – Олосенька, Яковлев – пояс, Корф – дьячок мордан, Стивен Швед,

Тырков (смотри выше), Комовский – лиса, Пушкин – француз (смесь обезьяны с тигром)».

Лицейсты увлекались Вольтером, а тот ввёл в литературу выражение «смесь обезьяны с тигром» как нравственную характеристику французов, опирающуюся на бытовавшие штампы образов: обезьяна отождествлялась с щегольством и жеманством, а тигр – с силой и властностью. Сочетание этих качеств воспринималось как характер типичного француза.

Саша Пушкин вполне доброжелательно воспринимал прозвище «Француз», идущее от его достоинств, но его оскорбляло прозвище «Обезьяна», следствие его некрасивости. Будущий гений быстро нашёл выход, навязав однокашникам вольтеровское определение, и прозвище «Француз» превратилось в необидное прозвище «Смесь обезьяны с тигром», а прозвище «Обезьяна» постепенно забылось. В протоколе Пушкин расшифровкой в скобках напомнил приятелям, что оба его прозвища идут от ума и характера, а не от внешности.

Первые русскоязычные стихи Пушкина, увы, не сохранились, так как даже профессор словесности Кошанский, преподавший будущему поэту первые уроки теории стихосложения, не сразу достойно оценил дарование его и не сохранил первую пробу пера Пушкина, попавшую в портфель педагога.

Пушкин так описал рождение первых русских стихов Пушкина: «При самом начале – он наш поэт. Как теперь, вижу тот послеобеденный класс Кошанского, когда, окончивши лекцию несколько раньше урочного часа, профессор сказал: «Теперь, господа, будем пробовать перья! опишите мне, пожалуйста, розу стихами». Наши стихи вообще не клеились, а Пушкин мигом прочёл два четырёхстишия, которые всех нас восхитили».

Много позже Пушкин написал: «Начал я писать с 13-летнего возраста и печатать почти с того же времени...». То есть отсчёт своего творческого пути поэт начинал не с домашних детских стихов на французском, а с первых лицейских опытов на русском языке, с 1812 года.

18 апреля 1814 года на последней странице журнала «Вестник Европы» было помещено обращение издателей: «Примите сочинителя присланной в «Вестник Европы» пьесы под названием «К другу стихотворцу», как всех других сочинителей, объявить нам своё имя, ибо мы поставили себе законом: не печатать тех сочинений, которых авторы не сообщили нам своего имени и адреса. Но смеем уверить, что мы не употребим во зло право издателя и не откроем тайны имени, когда автору угодно скрыть его от публики».

А 4 июля 1814 года в «Вестнике Европы» напечатали-таки стихотворение «К другу стихотворцу» за подпись: «Александр Н.к.ш.п.». Это было первое опубликованное произведение лицеиста Пушкина, скрывшегося за криптонимом, составленной из поставленных в обратном порядке согласных букв его фамилии. До конца года в этом журнале под разными зашифрованными подписями опубликовано ещё четыре стихотворения Пушкина.

Осеню того же года профессор А.Галич «заставил» юного поэта готовить к переводному экзамену по литературе стихи для чтения, предупредив о возможном присутствии на экзамене крупнейшего российского поэта Державина. После многодневного творческого горения Саша Пушкин сочинил «Воспоминания в Царском Селе», которые и прочёл на экзамене 5 января 1815 года, приведя в восторг патриарха российской поэзии.

Это был первый шаг к большой популярности. Уже в середине января список стихотворения оказался в Москве, попал к Жуковскому и тот читал стихи вспыхнувшей новой поэтической звезды всем знакомым. Вяземский тут же сообщает о своём восторге в письме Батюшкову: «Что скажешь о сыне Сергея Львовича? – чудо и всё тут. Его «Воспоминания» скружили нам голову с Жуковским. Какая сила, точность в выражении, какая твёрдая и мастерская кисть в картинах. Дай бог ему здоровья и ученья, и в нём будет прок, и горе нам. Задавит, каналья!».

Батюшков, известный поэт, устремляется в Царское Село, беседует с юным поэтом, благодарит за опубликованное в журнале послание «К Батюшкову», в котором начинающий

поэт даёт советы маститому: «Любви нет боле счастья в мире: Люби – и пой её на лире», «Рази, осмеивай порок, шутя показывай смешное...». В беседе и Батюшков не удержался от напутствий юному поэту. Но, советуя сам, Пушкин уже тогда не терпел попытку навязать ему тематику и направление творчества. Вскоре в новом послании «Батюшкову» он ответил:

*А ты, певец забавы
И друг пермских дев,
Ты хочешь, чтобы, славы
Стезёю полетев,
Простясь с Анакреоном,
Спешил я за Мароном
И пел при звуках лир
Войны кровавый пир.*

*Дано мне мало Фебом:
Охота, скучный дар.
Пою под чуждым небом,
Вдали домашних лар,
И, с дерзостным Икаром
Страшась летать недаром,
Бреду своим путём:
БУДЬ КАЖДЫЙ ПРИ СВОЕМ.*

17 апреля 1815 года впервые под публикацией «Воспоминаний в Царском Селе» в журнале «Российский музей» стояла подпись: Александр Пушкин. Поэту больше не было резона скрываться.

К концу 1815 года у шестнадцатилетнего поэта уже было литературное имя. Да такое, что к нему стали поступать заказы на стихи и не от кого-нибудь, а от правительства и двора Александра I. Выполняет он эти заказы с удовольствием, ибо воспитан в монархическом духе и к императору относится с обожанием, как к победителю Наполеона. Да и лестно лицемеру признание его таланта.

28 ноября 1815 года пишет поэт письмо директору департамента Министерства народного просвещения:

«Милостивый Государь, Иван Иванович! Вашему Превосходительству угодно было, чтобы я написал письму на приезд Государя Императора; исполняю Ваше повеление. – Ежели чувства любви и благодарности к величому Монарху нашему, начертанные мною, будут не совсем недостойны высокого предмета моего, сколь счастлив буду я, ежели его сиятельство Граф Алексей Кириллович благоволит поднести Государю Императору слабое произведение неопытного Стихотворца!

Надеясь на крайнее Ваше снисхождение, честь имею пребыть, милостивый Государь, Вашего Превосходительства все-покорнейший слуга Александр Пушкин».

К письму приложено стихотворение «На возвращение Государя Императора из Парижа в 1815 году». Интересно, что Пушкин с большой буквы пишет не только величания правителей, но и себя называет Стихотворцем.

Вскоре последовал и другой заказ. По слухам женитьбы сына нидерландского короля на Анне Павловне, сестре Александра I, лицеисты просят написать стихи. Он с удовольствием сочиняет «Принцу Оранскому», стихотворение, за которое императрица наградила юношу золотыми часами. То была единственная в жизни Пушкина награда за стихи от власти имущих.

В сентябре 1815 года в Лицей знакомиться с юным поэтом приехал второй, после Державина, поэт тех лет Жуковский. После этого знакомства Жуковский пишет Вяземскому: «Это надежда нашей словесности... Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас опередит». В конце ноября Жуковский дарит Пушкину первый том своих стихотворений.

25 марта 1816 года вместе с дядей поэта Василием Пушкиным специально для знакомства с племянником Лицей посетили Вяземский и Карамзин. Они объявили, что Саша Пушкин принят в литературное объединение «Арзамас», принят заочно, так как отлучаться из Царского Села лицеистам было запрещено.

Личное общение с выдающимися литераторами, участие посланиями и эпиграммами в литературной борьбе «Арзамаса» за направление развития русского литературного языка ускорили становление поэтического таланта Пушкина. Однако он и сам упорно учился, развивал свои способности. Вот как описывает Пущин один из эпизодов, характерных для Пушкина:

«Сидели мы с Пушкиным однажды вечером в библиотеке у открытого окна. Народ выходил из церкви от всенощной; в толпе я заметил старушку, которая о чём-то горячо с жестами рассуждала с молодой девушкой, очень хорошенькой. Среди болтовни я говорю Пушкину, что любопытно бы знать, о чём так горячатся они, о чём так спорят, идя от молитвы? Он почти не обратил внимания на мои слова, всмотрелся, однако, в указанную мною чету и на другой день встретил меня стихами:

*От всенощной, вечер, идя домой,
Антильевна с Марфушкою бранилась;
Антильевна отменно горячилась.
«Постой, — кричит, — управлюсь я с тобой!
Ты думаешь, что я забыла
Ту ночь, когда, забравшись в уголок.
Ты с крестником Ванюшою шалила?
Постой — о всём узнает муженёк!»
«Тебе ль грозить, — Марфушка отвечает, —
Ванюша что? Ведь он ещё дитя;
А сват Трофим, который у тебя
И день и ночь? Весь город это знает.
Молчи ж, кума: и ты, как я, грешна,
Словами ж всякого, пожалуй, разобидишь.
В чужой соломинку ты видишь,
А у себя не видишь и бревна».*

«Вот, что ты заставил меня написать, любезный друг», — сказал он, видя, что я несколько задумался, выслушав его стихи, в которых поразило меня окончание».

Не стоит, я думаю, ужасаться пропускаемому ныне в изданиях слову. Мальчишка учился всему разнообразию родного языка, творчески применил и поговорку. Важнее для нас то, как из незначительного наблюдения юный поэт сумел развернуть сюжет стихотворного рассказа, настолько жизненного и народного, что в реальность описанного диалога веришь.

Но основой лицейского творчества Пушкина были вовсе не подобные вымышенные сюжеты, а окружающая жизнь.

Первой постоянной темой творчества стала тема дружбы, ибо именно в Лицее он впервые обрёл друзей, хотя с его характером это было не просто.

Пущин вспоминал, что «Пушкин, с самого начала, был раздражительнее многих и потому не возбуждал общей симпатии: это удел эксцентрического существа среди людей... Главное, ему недоставало того, что называется *тактом*, это – капитал, необходимый в товарищеском быту, где мудрено, почти невозможно, при совершенно бесцеремонном обращении уберечься от некоторых неприятных столкновений всеядной жизни. Всё это вместе было причиной, что вообще не вдруг отзывались ему на его привязанность к лицейскому кружку, которая с первой поры зародилась в нём... Чтобы полюбить его настоящим образом, нужно было взглянуть на него с тем полным благорасположением, которое знает и видит все неровности характера и другие недостатки, мирится с ними и кончает тем, что полюбит даже и их в друге-товарище».

К лицейскому периоду относятся стихи, посвящённые отдельным товарищам и лицейскому братству в целом. Многих друзей пятнадцатилетний Пушкин весело и лихо описал в «Пирующих студентах», о первом чтении которых Пущин оставил воспоминания:

«Нельзя не вспомнить сцены, когда Пушкин читал нам своих «Пирующих студентов». Он был в лазарете и пригласил нас прослушать эту пьесу. После вечернего чая мы пошли к нему гурьбой с гувернёром Чириковым. Началось чте-

ние... Внимание общее – тишина глубокая по временам только прерывается восклицаниями. Кюхельбекер просил не мешать – он был весь тут, в полном упоении... Доходит дело до последней строфы. Мы слышим:

*Писатель! за свои грехи
Ты с виду всех трезвее:
Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее.*

При этом возгласе публика забывает поэта, стихи его, бросается на бедного метромана, который, растаявши под влиянием поэзии Пушкина, приходит в совершенное одурение от неожиданной эпиграммы и нашего дикого натиска. Добрая душа был этот Кюхель! Опомнившись, просит он Пушкина ещё раз прочесть...».

Но не только дружба вдохновляла Пушкина. В Лицее впервые не из книг узнал он мимолётные увлечения и большую настоящую любовь.

Тот же Пущин вспоминал анекдотичный случай, когда мальчишеское увлечение едва не привело Сашу Пушкина к наказанию самим императором.

Многие лицеисты увлечены были молоденькой горничной фрейлины императрицы престарелой княгини Волконской, Наташой. Однажды в тёмном переходе дворца Пушкин попытался поцеловать встреченную случайно Наташу. Каково же было его изумление, когда по воплям возмущения понял, что ошибся и за Наташу принял её хозяйку. Княгиня немедленно пожаловалась брату, а тот – императору. Александр I сам посетил директора Лицей и высказал возмущение выходкой лицеиста. Директору едва удалось убедить императора в беззлобности поступка Пушкина и анекдотичности ошибки его и в его раскаянии. Посмеявшись, император простил Пушкина. А тема влюблённости, мимолётных увлечений сохранилась у поэта до конца его жизни.

В Лицее к Пушкину пришла и первая большая любовь, след которой мы находим и в стихах зрелого поэта.

Чтобы проводить брата, в Лицей стала наведываться Екатерина Бакунина, и красота её привела в восторг многих лицеистов. В дневнике Саши Пушкина 29 ноября 1815 года появилась запись стихами и прозой:

*«Итак, я счастлив был, итак, я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгом упивался...
И где веселья быстрый день?
Промчался лётом сновиденья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вокруг меня угрюмой скуки тень!..*

Я счастлив был!.., нет, я вчера не был счастлив; поутру я мучился ожиданием, с неописанным волнением стоя под окошком, смотрел на снежную дорогу – её не видно было? – Наконец я потерял надежду, вдруг нечаяно встречаюсь с ней на лестнице. Сладкая минута!..

*Он пел любовь, но был печален глас,
Увы! он знал любви одну лишь муку!*

Жуковский.

Как она мила была! как чёрное платье пристало к милой Бакуниной! Но я не видел её 18 часов – ах! какое положенье, какая мука! Но я был счастлив 5 минут».

Дата эта – 29 ноября 1815 года – стала днём рождения главной темы в творчестве Пушкина – темы большой настоящей любви.

В последний год в Лицее завершается становление Пушкина как поэта. Поэтому он себя считает и другой судьбы не желает. Ни до чего другого ему теперь дела нет, а лицейскими буднями он просто тяготится, что видно из письма его Вяземскому:

«Что сказать вам о нашем уединении? Никогда Лицей (или Ликей, только ради бога, не Лицея) не казался мне так несносным, как в нынешнее время. Уверяю вас, что уединенье, в самом деле, вещь очень глупая, на зло всем философам и поэтам, которые притворяются, будто бы живали в деревнях и влюблены в безмолвие и тишину.

Блажен, кто в шуме городском
Мечтает об уединенье,
Кто видит только в отдаленье
Пустынью, садик, сельский дом,
Холмы с безмолвными лесами,
Долину с резвым ручейком
И даже... стадо с пастухом!
Блажен, кто с добрыми друзьями
Сидит до ночи за столом
И над словенскими глупцами
Смеётся русскими стихами;
Блажен, кто шумную Москву
Для хижинки не покидает.
И не во сне, а наяву
Свою любовницу ласкает!..

Правда, время нашего выпуска приближается; остался год
ещё. Но целый год ещё плюсов, минусов, прав, налогов, вы-
сокого, прекрасного!.. целый год ещё дремать перед кафед-
рой... это ужасно. Право, с радостью согласился бы я две-
надцать раз перечитать все двенадцать песен пресловутой
Россиады, даже и с присовокуплением к тому и премудрой
критики Мерзлякова, с тем только, чтоб граф Разумовский
сократил время моего заточенья».

Не терпится юному поэту всецело отиться своему пред-
назначению, о котором он писал Дельвигу:

О милый друг, и мне богини песнопенья
Ещё в младенческую грудь
Влияли искру вдохновенья
И тайный указали путь:
Я лирных звуков наслажденья
Младенцем чувствовать умел,
И лира стала мой удел.
Но где же вы, минуты упоенья,
Неизъяснимый сердца жар,
Одушевлённый труд и слёзы вдохновенья!

Как поэта Пушкина всё больше ценили. 17 марта 1817 года лицеист Горчаков сообщал в письме: «Жуковский прислал Пушкину своего «Певца на Кремле»... с надписью «Поэту товарищу Ал.Серг.Пушкину от сочинителя». Маститый Жуковский, считавшийся преемником славы Державина, уже тогда поставил с собой на равных юного поэта и даже назвал товарищем.

И вот, как будто услышав стенанья поэта-лицеиста, министр просвещения санкционировал досрочное на два месяца окончание учёбы. Лицейский период жизни и творчества Пушкина завершён. Из Лицея выпущен с высшим образованием мелкий чиновник, которому призванием уготована судьба поэта.

Чей карандаш запечатлел?

Гейтман, автор гравированного портрета отрока Пушкина, оставил целый ряд до сих пор не разгаданных загадок. Как правило, гравер ставил недвусмысленные подписи под своими работами. «Рис. и грав. Гейтман» означало, что гравер выполнял гравюру по собственному рисунку, а «Рис./имярек/, грав. Гейтман» означало, что гравирование выполнялось по рисунку названного соавтора. А вот под гравюрой с портретом мальчика Пушкина стоит только «грав. Гейтман». Кто же автор рисунка?

Работая в 1822 году над гравюрой, Гейтман не мог быть знаком с мальчиком Пушкиным. Почти ровесники, учились они один безвыездно в Царском Селе, другой, живя при Академии художеств в Петербурге. Значит, создать рисунок-портрет для основы гравюры Гейтман не мог, использовал чужой.

Предполагали, что рисунок с натуры выполнен Карлом Брюловым. Но, тоже ровесники, мальчиками они с Пушкиным не встречались. Их личное знакомство состоялось лишь в 1836 году, менее чем за год до гибели поэта. Прибегнем опять же к рассуждениям по методу дедукции.

Одни искусствоведы считают, что на гравюре Гейтмана изображен пятнадцатилетний Пушкин, другие полагают, что изображённому 12–13 лет. Пожалуй, вторые ближе к истине.

На гравюре не отрок в поре перехода к юности, а скорее ребёнок, только что вступивший в отрочество.

12 лет Пушкину исполнилось 26 мая 1811 года. В июле его дядя привёз мальчика в столицу, и до начала занятий в Лицее, то есть до 19 октября, жили они вместе в квартире на Мойке. Мог в это время сентиментальный поэт Василий Пушкин перед долгой разлукой с племянником заказать его портрет профессиональному художнику? Конечно, мог. Но мог ли славоохотливый и словоохотливый дядя умолчать об этом позже, когда племянник стал знаменит? Нет, не мог. Значит, повода погордиться не было.

12–13 лет это возраст первого года учёбы в Лицее. Как будущего поэта мальчика Пушкина ещё не знали. Из Лицея, кроме прогулок строем в парке, лицеистам отлучаться запрещалось. Из родственников в тот учебный год посетил его только всё тот же дядя, да и то лишь раз, в декабре. Так что заказать портрет мальчика было некому. Да и факт позирования лицеиста перед художником-профессионалом был бы зафиксирован строгими «Ведомостями о состоянии Лицея», попал бы в воспоминания о поэте его однокашников и воспитателей и художник не остался бы неизвестным.

Мальчик запечатлён на гравюре не в форме, а по-домашнему. Таким его мог видеть и нарисовать имеющий отношение к Лицею художник.

Кое-кто из лицеистов рисовал неплохо. Особенно отмечали Илличевского, главного иллюстратора ученических будней. Сохранилось письмо Илличевского от 22 сентября 1815 года, где он сообщает другу: «Два портрета отдал точно, один Мартынова, другой Пушкина». Так может, речь об искомом портрете и автор его Илличевский?

Но сохранившиеся рисунки Илличевского карикатурны, на одном есть и окарикатуренный Пушкин. Об этих рисунках А.Эфрос писал: «Карикатура Илличевского обща и упрощённа./.../ В его рисунках были формулы вещей, а не изображения». Нет, Илличевский не мог быть автором рисунка, не та манера, не тот стиль. Сразу отметём и бредовое пред-

положение, что перед Гейтманом был рисунок-прототип, рисованный самим Пушкиным. Хотя Пушкин уже в Лицее не-плохо рисовал, а автопортрет наиболее популярный жанр его рисунков, графика Пушкина никак не похожа на ту, что переведена в гравюру.

Но был ещё учитель рисования Чириков, он же по совместительству гувернёр, живший на одном этаже с лицеистами и наблюдавший их не только в официальной обстановке. Более того, в его квартире происходили сборы литературного кружка лицеистов, образовавшегося уже в декабре 1811 года. Ведущее положение в кружке занимал Пушкин, о котором учитель-гувернёр отозвался в первый год обучения, как о добродушном, усердном, учтивом воспитаннике с «особой страстью к поэзии». Чириков первым из наставников заметил поэтичность натуры мальчика Пушкина.

Бартенев писал об издании в 1822 году «Кавказского пленника»: «К нему приложен был портрет автора, гравированный Е. Гейтманом. Пушкин изображён лет 15-ти, лицеистом, в рубашке, как рисовали тогда Байрона, подперши голову рукою и в задумчивости. Тут явственней, чем на всех других портретах, арабские черты его физиономии», – и продолжает, – «...когда Пушкин был в Лицее, тамошний учитель рисования и надзиратель лицеистов Чириков снял с него портрет, но, где он теперь, неизвестно».

Много сведений о поэте и его портретах собрал С. Либрович, который в 1890 году сообщал: «Кроме Н.И. Павлищева, заявившего, что этот первый портрет Пушкина сделан был С.Г. Чириковым, и родственники Чирикова утверждали, что последний действительно рассказывал о каком-то портрете, снятом с лицеиста Пушкина, в котором роль играла рука».

Как всякий учитель рисования, Чириков наверняка рисовал для души, мог нарисовать и воспитанника «с особой страстью к поэзии».

В 1928 году Пушкинский Дом приобрёл «Портрет Пушкина мальчиком», который искусствоведы, сравнив с уже известными работами, атрибутировали как рисунок Чирикова.

Мальчик изображён в той же позе, что на гравюре Гейтмана, правда, в распахнутой ночной рубашке, пледе поверх неё, с обнажённой рукой, не столь одухотворённым, сколько задумчивым, даже скучающим. Различия в рисунке и гравюре говорили о разном профессиональном уровне исполнения найденного рисунка и того, что явился прототипом гравюры.

А.Эфрос так оценил способности рисовальщика: «Чириков даёт о себе тончайшие показания. Они разоблачающи. Он оказывается рисовальщиком упрощённой грамотности и примитивной художественной впечатлительности. Первое заставляет его прибегать к наиболее обобщённым приёмам; второе лишает индивидуальности столько же модель, сколько рисовальщика».

Между тем Чириков вовсе не любитель. В 1794 году, после 12-ти лет учёбы, он выпущен из Академии художеств с малой серебряной медалью. Но, когда в начале следующего века другие художники активно осваивали искусство рисованного карандашом или акварелью камерного портрета, Чириков остался приверженцем рисунка пастелью и старых, 18-го века, приёмов рисования. Это сделало его художником не модным, лишило заказов и привело, наконец, на поприще рядового учителя рисования.

Образ мальчика-поэта на рисунке Чирикова мягок, доброжелателен, соответствует характеристике, что дал художник-наставник своей модели в первом же официальном отзыве о двенадцатилетнем лицеисте Пушкине. Художник не выпячивает явной некрасивости лица, а, напротив, сглаживает её, использует пастель нежнейших тонов, тонко раскрашивает рисунок акварелью. Думаю, это рисунок с натуры, набросок, сделанный в свободное от занятий время, скорее всего на собрании литературного кружка.

Рисунок Чирикова мог быть подарен или продан автором кому-то, возможно при посредничестве лицеиста Илличевского, уже после того, как Пушкин стал популярен. Каким-то образом рисунок попал к издателю Гнедичу, и тот заказал с этого «любительского» рисунка гравюру профессионалу.

Потом рисунок на многие годы затерялся и всплыл более чем через 100 лет.

Так Чириков, скромный гувернёр и учитель, способствовал популярности своего воспитанника, сам оставшись его «неизвестным» портретистом.

Однако, несмотря на вполне доказуемую обоснованность авторства Чирикова, версия, что именно его рисунок гравирован Гейтманом, всё ещё подвергается сомнениям.

Дело в том, что вскоре после смерти Пушкина в «Художественной газете» издатель и писатель Кукольник сообщал: «Портрет сей нарисован наизусть без натуры К.Б. и обличает руку художника, в нежной молодости уже обратившего на себя внимание всех тоговременных любителей. Гравирован Е.Гейтманом, который один на гравюре подписал своё имя. Доска доставлена в редакцию от Н.И.У. Разослан как воспоминание о молодых летах и Поэта и Художника; к чему побудил редакцию примеченный повсеместный недостаток оттисков с этого портрета».

Но ещё в 1822 году в послесловии к «Кавказскому пленнику» издатель Гнедич сообщал: «Издатели присовокупляют портрет автора в молодости, с него рисованный. Они думают, что приятно сохранить юные черты поэта, которого первые произведения означенованы даром необыкновенным».

Итак, два публикатора гравюры Гейтмана дают взаимоисключающие сведения. Один уверяет, что портрет «с него рисованный», т.е. с натуры, а другой – что «портрет сей нарисован наизусть без натуры». Кому верить?

Гнедич, заказчик гравюры, наверняка точно знал рисунок-прототип. Но и Кукольник пользовался источником достоверным, его другом был «Н.И.У.». За этими инициалами скрыт, безусловно, Николай Иванович Уткин, известный гравер, профессор Академии художеств. Он точно знал автора рисунка-прототипа гравюры, доску которой передал Кукольнику в редакцию.

На гравировальной доске нет имени автора рисунка, но и Кукольник, обозначив автора инициалами К.Б., тайны не открыл.

В 30-е годы XX века А.Эфрос записал свою версию. Он предположил, что К.Б. – это поэт Константин Батюшков, который посетил Пушкина в Лицее в феврале 1815 года, когда поэт лечил простуду, и мог зарисовать мальчика в лазарете. О том, что К. Батюшков баловался рисованием, известно.

«В гейтмановском прототипе, – пишет Эфрос, – есть известная артистичность, элегантность приёма, соединённая с романтизмом изображения. Рисовальщик стремится к эффектной композиции, к театральности деталей: к вольной расстрёпанности кудрей, к ритму складок одежды и плаща, к поэтической задумчивости взгляда и т.п.». Это, считает Эфрос, присуще рисовальщику-любителю К.Батюшкову: «Во всех его рисунках есть сочетание артистизма и неумелости, художественного глаза и непослушной руки, какое оказывается и в зарисовке Пушкина /.../, но в его дилетантизме всё же сохраняется капля творческого вдохновения, а не беспомощная косность и натуга самоучки». «Чириков же рисовал иначе, – пишет Эфрос, – всюду налицо упрощённый техницизм приёмов, сухая протокольность изображения и официозный строй портретов. /.../. Чириков не мог изобразить воспитанника в неглиже, или в байроническом плаще, или в поэтической позе».

Таким образом, Эфрос своё мнение о рисунке-прототипе противопоставил мнению других искусствоведов, считающих, что рисунок этот как раз характерен для манеры и техники Чирикова. Противопоставил, но не опубликовал, не будучи, видимо, до конца уверен в своих выводах.

Думаю, Эфрос ошибался. Батюшкова никак нельзя воспринять как «художника, в нежной молодости уже обратившего на себя внимание» – и нежной молодости уже не было (28 лет по тем временам пора зрелости), и художником Батюшкова никогда не считали, его ценили поэтом.

Другую расшифровку инициалов К.Б. сделали почти сразу современники поэта, назвавшие гравюру Гейтмана «копией с оригинала К.П. Брюллова». Могло ли это быть?

С одной стороны, «тоговременные любители» в 1822 году действительно знали только одного талантливого художника, «в нежной молодости», ещё студентом Академии художеств, обратившего на себя внимание и чьи инициалы совпадали с приведёнными Кукольником, – Карла Брюллова. Он был ровесником Пушкина, и потому портрет действительно мог быть воспоминанием «о молодых летах и Поэта и Художника», справедливо означенных с большой буквы.

Но, с другой стороны, «наизусть без натуры» мальчика Пушкина нарисовать К.Брюллов не мог, так как с ним не встречался и помнить не мог.

Следует, видимо, согласиться с догадкой И. Грабаря: «Пушкина не было в Петербурге, а друзьям его во что бы то ни стало хотелось выпустить книжку с портретом. Его пришлось искать, и кто-нибудь напомнил о портрете Чирикова. Брюллов, учившийся в Академии вместе с Гейтманом, заменил, вероятно, прозаический фрак поэтической сорочкой с эффектно накинутым плащом, и получился ни дать ни взять – юный Байрон. Таким образом, впредь до находки новых материалов /.../ приходится условно принять в качестве автора портрета С.Г. Чирикова, а в качестве его байронизатора, безусловно, К.Брюллова». На рисунке, атрибутированном как портрет мальчика Пушкина работы Чирикова, мальчик одет вовсе не во фрак, но дела это не меняет.

Поскольку непосредственно рисунок Чирикова без дополнительной обработки использовать было нельзя (об этом писал публикатор найденного в 1928 году портрета: «Необходимость промежуточной работы Брюллова становится особенно понятной при том, что первоначальный портрет сделан акварелью, техника которой весьма далека от техники гравюры»), то «рисовальщик-профессионал убрал ночную рубашку, открытую грудь, расстегнутый ворот, оголённую руку, ночной халат и придал одежде Пушкина иной вид: широкий отложной кокетливый воротничок, манжеты на пуговках и романтические складки плаща. Остальное – позу, черты лица, причёску – он сохранил, но тоже выправил, сде-

лав тоныше и отчёлливее». К этому замечанию Эфроса надо добавить, что в чертах лица появился лёгкий упор на африканское прошлое предков поэта, что характерно для восприятия облика Пушкина современниками.

С большой вероятностью можно утверждать, что професионалом, устранившим дилетантизм, на который была похожа устаревшая техника рисунка Чирикова, был Карл Брюллов. Да, с мальчиком Пушкиным художник не был знаком, но юношу Пушкина мог видеть не раз в обществе, что и помогло ему исправить черты детского портрета «наизусть без натуры». Не раз видел художник и Льва Пушкина, который был на шесть лет моложе брата и очень был на него похож. Черты лица этого «белого негра» тоже могли лечь в основу для правки детского портрета поэта.

Подготовительный рисунок изменился и уже не мог считаться самостоятельной работой Чирикова. Но и Брюллов, имевший уже славу талантливого художника, не захотел афишировать своё соавторство с художником, стоявшим много ниже его по таланту. Приличия потребовали бы поставить подписи обоих художников. Гордый Брюллов от этого уклонился и не разрешил поставить свою подпись как автора рисунка, а Гейтман вынужденно «один на гравюре подписал своё имя». Не решился открыть инкогнито своего друга и Кукольник, скрыв имя его за инициалами К.Б.

А почему, собственно, доска, гравированная Гейтманом, передана в редакцию не автором, а «от Н.И.У.» – Николаем Ивановичем Уткиным?

Предполагаю, что Гнедич, намереваясь сопроводить издание портретом автора, обратился за помощью к приятелю своему профессору гравировального класса Академии художеств Уткину и передал ему рисунок Чирикова. Профессор, убедившись, что напрямую с этого рисунка гравировать невозможно, поручил учившемуся в Академии Брюллову подготовить рисунок для гравирования, и тот выполнил, возможно учебное, задание профессора. Профессор, перегруженный заказами, не стал сам гравировать портрет Пушкина, а пору-

чил это своему ученику Гейтману, тоже как учебное задание. После того как с доски было оттиснуто нужное количество портретов для книги, доска осталась в гравировальном классе Академии вместе с другими лучшими работами учеников профессора Уткина, который позже и предоставил её в распоряжение Кукольника, своего приятеля.

Гравюра была высоко оценена и современниками, и более поздними ценителями. Недоволен этим своим портретом был только сам Пушкин. Он писал Гнедичу из Кишинёва 27 сентября 1822 года, сразу по получении экземпляра «Кавказского пленника»: «Александр Пушкин мастерски литографирован, но не знаю, похож ли, примечание издателей очень лестно – не знаю, справедливо ли». А в конце того же письма сообщал: «Я писал брату, чтоб он Сленина упростил не печатать моего портрета, если на то нужно моё согласие, то я не согласен». Сленин планировал издать вновь «Руслана и Людмилу», и Пушкин запретил помещать свой портрет в этой книге. Видимо, поэт боялся, что художники в его облике продолжат подчёркивать его арабскую некрасивость, да и намёки на подражание Байрону его не устраивали. 13 мая 1823 года, отвечая Гнедичу на просьбу прислать свой портрет для второго издания «Кавказского пленника», Пушкин пишет: «Своего портрета у меня нет – да на кой чёрт иметь его». Впечатления от несоответствия своему нынешнему образу известного поэта образу мальчика-мечтателя а ля Байрон ещё не изгладились.

Думаю, о сомнениях относительно похожести своего изображения на гравюре (а не литографии, как он ошибочно считал) Пушкин был не прав. Его образ, созданный на гравюре, как нельзя более точно совпадает с образом лицеиста Пушкина, описанным его однокашниками. Комовский, например, писал: «Не только в часы отдыха от учения в рекреационной зале, на прогулках в очаровательных садах Царского Села, но нередко и в классах и даже во время молитвы Пушкину приходили в голову разные пийтические вымыслы, и тогда лицо его то помрачалось, то прояснялось, смотря

по роду дум, кои занимали его в сии минуты вдохновенья. Вообще он жил более в мире фантазии. Набрасывая же свои мысли на бумагу везде, где мог, а всего чаще во время математических уроков, от нетерпения он грыз обыкновенно перо и, насупя брови, надувши губы, с огненным взором читал про себя написанное». Совпадает образ начинающего поэта на гравюре с тем, как сам он вспоминал своё состояние в дни лицейского творчества:

*Младых бесед оставя блеск и шум,
Я знал и труд, и вдохновенье,
И сладостно мне было жарких дум
Уединённое волненье.*

Иван Зайцев

Военное детство

Военных лет голодная беда
Страну постигла повсеместно.
Щавель, саранки, пучки, лебеда,
Вам гимн пою без всякой лести.

Как ждали мы приход весны, тепла:
К земле ушами припадали.
Я слышу, рвётся к солнышку трава, –
Наперебой друг другу врали.

– За мной! Бежим, бежим скорее в лес.
Саранок, может, накопаем.
О, Боже мой, как хочется мне есть!
Живот к спине аж прилипает.

Кто в детстве ел лепёшки с лебедой,
Зажмурясь, в рот толкал котлеты,
Кто вскормлен был военною бедой,
Тот не забудет лихолетье.

Давно отгрохала войны беда,
Зажили раны и воронки,
Растут щавель, саранки, лебеда,
Растут мальчишки и девчонки.

И я молюсь, молюсь за всех за вас,
Чтоб вкуса этих трав не знали,
И чтоб лихие дни, недобрый час
Вас стороною миновали.

08.07.06

Надежды зерно

Вот и я покидаю деревню,
Думал свить родовое гнездо,
По обычаю нашему древнему
Со своей ненаглядной царевной
Ветвь взрастить под высокой звездой.

Был заложен глубокий фундамент,
Возведен надежности сруб,
Но в стране поменялся регламент
И начался на прочность экзамен:
Упразднили советский наш рубль.

Неким сорвана прочная крыша,
Обветшала, упала стена,
Обвалились и погреб, и ниши.
Без усилий и хлопотов лишних
Покатилась разруха волна.

Я деревни давно уж не житель,
Испустила деревня свой пар.
Где хозяин, где наш управитель?
Я не знаю, меня извините.
Здесь остались, кто слаб или стар.

Ни тепла нет в деревне, ни света,
Заросли огороды травой,
Деревенская песня пропета.
И за что наказание это?
Учинил кто над нею разбой?
Возродятся ль семья и деревня,
Даст ли всходы надежды зерно,
Возродятся ль обычаи древние,
Зазвучат голоса ли напевные?!

Нам решать – это нам лишь дано.

Октябрь, 2009

Вячеслав Небольсин

Ты прости меня, душа

За окном синеет вечер...
Господи, мой век не вечен.
Если праведность блести,
Счёты надо бы свести:
Душу грешную спасти.

Ты прости меня, душа:
Жизнь, считай, что пролетела...
За тобою – ни гроша:
Все потрачено на тело.

Цепок был слепой рассудок,
Ненасытен был желудок...
Когда принято грести, –
Дух и совесть не в чести...

Тело – в кольцах и наградах.
Но... в кладбищенских оградах
Дважды розам не цвести
Ты, душа, меня прости!...

* * *

Если праведность блести,
Душу надо бы спасти...
Грешен, Господи, прости!...

Вера Зверева-Коренева

Пу-си-цзинь и Китай

Интерес к творчеству А. С. Пушкина проявился у меня еще в школьные годы, когда мы по программе изучали его произведения и очень много стихов учили наизусть. В том числе целые главы его знаменитого «Евгения Онегина». Много раз уже взрослой на праздничных вечерах я декламировала письмо Татьяны к Онегину и его ответное нравоучение Татьяне, а также другие близкие сердцу стихи.

Хочу рассказать о «китайской теме», точнее, ее «силуэтах» и корнях в творчестве великого русского поэта.

Дело в том, что в XVIII веке в Европе, а затем в России наблюдалась мода на «китайский стиль» – в отделке комнат, коллекционировании безделушек, а также садово-парковом дизайне. Поэтому уже в юности в царскосельских парках Пушкин встречал Китай, взращенный Екатериной: в 1784–1788 годах здесь была обустроена целая «китайская деревенька» из 19 домиков. Вокруг деревни раскинулись воспетые Пушкиным аллеи, лужайки и озера китайского парка, некоторые аллеи вели к какому-нибудь строению, к построенной среди озера беседке, каскаду или гроту. Все это – природная красота вкупе со стилизацией – отпечаталось в восприимчивом воображении юного поэта, который до 1817 года учился в Царскосельском лицее.

И становится понятным, откуда появились те причудливые образы в картинах «Руслана и Людмилы» и в других ранних стихотворениях поэта, которые также имеют следы «китайщины» (был тогда такой термин). В черновиках первой главы «Евгения Онегина», писанных в Одессе в 1823 году, также находится след его раздумий о Китае.

В истории заочного знакомства Пушкина с Китаем особую роль сыграл знаменитый китаевед Никита Яковлевич Бичурин, в монашестве о. Иакинф.

Так, познакомившись с Пушкиным, Бичурин бывал у него дома, давал для прочтения свои рукописи в переводе с китайского на русский и дарил свои книги с дарственной надписью «Милостивому государю моему Александру Сергеевичу Пушкину от переводчика в знак истинного уважения. Апрель 1828 г.».

В 1830 году Бичурин уехал в экспедицию, снаряженную Министерством иностранных дел для обследования бурят и сбора сведений о торговле у северных границ Китая, которая продолжалась полтора года.

Пушкин внимательно следил за экспедицией и литературной деятельностью русского китаеведа. Вероятно, Бичурину и был обязан Пушкин мыслью самому проситься принять участие в этом путешествии. Он написал письмо Бенкендорфу: «Покамест я еще не женат и не зачислен на службу, я бы хотел совершить путешествие во Францию или Италию. В случае же если оно не будет разрешено, я бы просил соизволения посетить Китай с отправляющимся посольством». Ответ с отказом на просьбу был получен Пушкиным через 10 дней...

Эти интересные сведения я почерпнула в свое время из книг «Пушкин в странах зарубежного Востока», изданных «Наукой» в конце 70-х гг. прошлого века. Не менее интересной представляется мне книга «Русская классика в странах Востока» того же издательства: в ней содержится довольно много сведений по теме «Пушкин и Китай».

Еще в конце XIX – начале XX веков началось распространение русской классической литературы в Китае, а с образованием КНР (1949 г.) это явление стало заметно расширяться.

Многие китайские переводчики делали переводы не с оригинала, а с английского перевода на китайский. Произведения Пушкина в стихотворной форме первоначально пере-

водились в прозу, а в дальнейшем перелагались в стихи. Эта кропотливая работа многих переводчиков останавливалась, ведь кроме рифмы нельзя было потерять и мысли Пушкина, или «Пу-си-цзинь», как эта фамилия звучит на пекинском наречии.

Вообще же знакомство с творчеством Александра Сергеевича Пушкина в Китае началось с прозы. В 1903 году вышел в свет первый перевод «Капитанской дочки», позднее читающий Китай познакомился с «Повестями Белкина», «Дубровским», «Пиковой дамой» и другими прозаическими произведениями. В 30-е годы на китайском языке появились поэмы Пушкина: «Цыганы», «Кавказский пленник», «Братья-разбойники», «Медный всадник», «Бахчисарайский фонтан», «Граф Нулин», «Руслан и Людмила» и сказки Пушкина. И только в 40-х годах был осуществлен полный перевод «Евгения Онегина».

После «годов провала», сопутствовавших китайской культурной революции, когда русская классическая литература не была востребована в КНР, в середине 70-х годов интерес к ней и творчеству Пушкина возродился вновь.

Например, в 1979 году в КНР широко отмечалось 180-летие со дня рождения великого поэта. Видный китайский литературовед, знаток и переводчик русской литературы Гэ-Баоцюань выступил в центральной китайской газете со статьей «Пушкинские места». В ней он рассказал китайским читателям о Пушкине. Сам Гэ-Баоцюань многие годы своей жизни посвятил изучению жизни и творчества Пушкина и переводу его произведений на китайский язык, в том числе и «Евгения Онегина».

Наш пекинский друг с высшим гуманитарным образованием и со знанием русского языка господин Ван Юй рассказал мне недавно по телефону о том, что в настоящее время во многих высших учебных заведениях китайские студенты изучают русский язык и знакомы с произведениями Александра Сергеевича Пушкина в первоисточнике. Изучают русский язык и во многих школах северо-востока Китая – в та-

ких городах, как Харбин, Чанчунь, Шенъян (Мукден), Гирин и Маньчжурия (на юге страны, как правило, вместо русского языка изучают английский).

И последнее. В течение своей жизни мне дважды пришлось преподавать русский язык китайским студентам. Первый раз в Шенъяне (Мукден, КНР) с 1952 по 1954 годы и ровно через 40 лет в Новосибирске с 1992 по 1994 годы. Из своего опыта хорошо знаю, что для некоторых китайцев очень сложно бывает освоить русский язык, так как в их языке отсутствует звук «р». Вот и приходится им приспосабливаться, чтобы выговорить слово «рука», заменить звук «р» на какие угодно звуки, совершенно не соответствующие. Даже иногда вместо звука «р» получается «лу», «глу», «тру» или еще что-то несуразное. Но, как известно, упорство и настойчивость всегда вознаграждаются, постепенно китайские студенты начинают букву «р» произносить правильно.

Памятник Пушкину в Шанхае

Прилагаю
фото памятника
Пушкину в Шан-
хае. На нем надпи-
си на русском и
китайском языках:
«Русскому поэту
Пушкину. 1799 –
1837». У памятни-
ка сложная судьба:
он был установлен
в 1937 году к 100-
летию со дня
смерти поэта, в

годы второй мировой войны его разрушали японские мили-
таристы, потом adeptы культурной революции. Сегодня вос-
становленный, он венчает одну из самых романтических пло-
щадей в старом Шанхае: здесь назначают встречи влюблен-
ные, собираются поэты, это любимое место отдыха интел-
лигенции.

Виктор Липланский

Слава павшим

К Победе путь был очень долг,
Кровав, коварен и тернист...
Учитель, врач, артист, геолог,
Строитель, слесарь, тракторист,

Сменив кто ручки на гранаты,
Кто долото на автомат,
Пошли на бой с врагом проклятым...
Кто офицер, а кто солдат...

Враг – ураган смертельный словно,
Но люди на его пути
Вставали все живым заслоном,
Чтоб Родину свою спасти!

Герои! Не боясь ни смерти,
Ни дьявола и ни огня,
Шли в бой за Мир, за Жизнь на свете
И опрокинули врага!

Да, Героизм во имя Жизни
И Слава русских испокон,
Святая Преданность Отчизне –
Вот неприступный бастион!

Героям Слава! Память павшим!
Пусть Слава Подвига в веках
Живёт! Живёт в народе нашем
И в монументах, и в сердцах!

Март 1995

Владимир Романов

Департамент культуры администрации Новосибирской области и Дом национальных культур им. Геннадия Заволокина провели второй поэтический фестиваль «Область моя – всех народов семья» по трем номинациям: «Я о своем народе говорю», «Брат братом силен», «Язык любви без перевода ясен». Поступило более 150 заявок, более 1000 стихов из 30 районов, городов и диаспор. Жюри пригласило на итоговый концерт 76 авторов, которые выступили с чтением своих стихов, 15 из них стали лауреатами фестиваля.

Фестиваль показал, что в нашем сибирском братстве нет духовного кризиса, что людей, разных по возрасту, профессии и национальности, объединяет поэзия.

Как председатель жюри фестиваля и составитель итогового сборника стихов «Вдохновение», предлагаю читателям «Пушкинского альманаха» ознакомиться с малой толикой стихов, прозвучавших на фестивале.

СТИХИ ЛАУРЕАТОВ

Нина Борисова

Женщины в русских шалях

О, женщины, женщины!
Мало вам радости
Досталось в суровую эту метель!
А. Воробьев

Полушалки и шали!
Нам ли, русским, не знать,

Сколько слез и печалей
Им пришлось покрывать:
Как мужей провожали
В неизвестность и дым –
Полушалком махали
И своим, и чужим;
Треугольничков ждали –
Писем с дальних фронтов –
Полушалки печали
Не спускали с голов;
Как в ту пору пахали
На коровах, быках –
Только шали мелькали
На прдоргших полях;
В сорок пятом встречали
С ликованьем родных –
В полушалки рыдали,
Не дождавшись своих.
Но не только в печалах,
Были светлые дни:
В ярких, радужных шалях
Шли на праздник они.
В оренбургских, посадских –
Павой плыли, не шли.
В праздниках залихватских
Щеки ало цвели.
В шалевых переливах,
Под малиновый звон –
Так иконно красивы
Лица русских мадонн!

Людмила Елисеева

Вдали война

Вдали война, и, может быть, иные
Пожмут плечом и скажут: Не пора ль

Кончать тревожить разумы и ныне
Рассказами, как воины стальные
Спасали мир, как женщины больные
Варили вместо каш чугун и сталь?

Нет, не пора еще и не пора вовеки.

Минувшего не сгинут голоса.

Пусть память предков в каждом человеке,
Пока жива Земля, искрятся реки,
О лагере кричит, не об Артеке,

А о таком, где ужас родился.

Там не было меня, но помню четко
И каждую разлуку у крыльца,
И пулеметных цокотов чечетку.
Я представляю заново, сечет как
Врага студент, забросивший зачетку –
Все слышу: каждый взрыв, удар свинца.

Я вижу разъяренного солдата,
Пристывшего к измученной траве,
Сжимающего черную гранату
И кроющего немца русским матом,
Как крыли наши предки супостата,
Настойчиво ползущего к Москве.

Я вижу чистый луг, такой зеленый,
Сияющий ромашками, в росе.
Суровые несутся эшелоны,
А с неба на полянки и на склоны
отвратным свистом, смертью заряжены –
Фугаски – бомбы. Утренней красе,
Нетронутой, роскошной, первозданной,

Взлелеянной людскою добротой,
Приходится терпеть каблук поганый,
С зарею из лохматого тумана
Вставать, не успевая за ночь раны
Те залечить – прикрыть. И дым густой

Я вижу, простираются повсюду,
Чадят, смердят концлагерей костры.

Какое горе перепало люду!
Пока живу, я это помнить буду,
Я буду плакать, ненавидеть буду,
Я буду славить подвиг той поры!

Николай Тришин

Шепот на сеновале

Ну, целуй, целуй меня скорее.
Что ты медлишь? Спит твоя родня.
В небе месяц стал еще бледнее,
Он средь туч болеет за меня.
Что ты тянешь? Время безвозвратно
(Кто любил, я верю, что поймут),
Унесет, усилив троекратно
Боль недоцелованных минут.
Ну, смелей! Да не шурши ты сеном,
Не случилось бы, как в прошлый раз,
Чтоб твой батя по башке поленом
Не огрел да кулачищем – в глаз.
Ох, досталось мне в ту ночь, однако,
Хочешь – смейся, ну а хочешь – хнычь,
Твой папанька на меня собаку
Натравил. Додумался же, хрыч.
Птицей я летел по огородам
По чужой картофельной ботве,
Но ваш Тузик, дурень беспородный,
Все ж догнал меня в густой траве.
Я ему и так тогда, и эдак,
С перепугу пряник твой скормил.
Слушал он меня, но напоследок
С лаем, гад, за ногу ухватил...
...У меня теперь другие брюки,
И, как конь, я ночью стоя сплю,
И болят покусанные руки,

Но тебя, как прежде, я люблю.
Ну, целуй, целуй меня скорее,
Пока спят твои отец и мать,
Чтобы мне, рубашкою белея,
Не пришлось сквозь сумрак удирать.
Обними, прошу тебя, покрепче,
Я бы сам – да видишь, весь в бинтах,
Голову склони хотя б на плечи
С нежною улыбкой на губах.
Видишь, месяц смотрит из-за тучи
Зорким взглядом, грусти не тая.
Ты на свете всех девчонок лучше,
Милая, желанная моя!
Ну, целуй! Целуй скорей, родная...
Звякнул цепью в будке кабыздох.
Вот и тень метнулась от сарая,
Все, прощай! Да помоги мне Бог!

Сергей Феденков

Великороссы

Они считали нас за грязь,
Пытались взять над нами власть,
Не уважая, но боясь, смотрели косо.
А мы стояли на краю,
Стыдясь за родину свою,
Непобедимые в бою
Великороссы.

За что же нам такой почет?
Мы не вели копейкам счет.
Не наживали жир за счет
Чужой потери.
Звенели славой купола.
А если сердце жгла вина,
Мы отдавали тем, кто наг,
Все, что имели.

Когда мы встали из руин,
Чтоб в дикой битве взять Берлин,
От наших ран умылся мир
В кровавых росах.
Погибли лучшие сыны
В огне бушующей войны, –
Но целый мир признал, что мы
Великороссы.

Как мы могли с недавних пор
Забыть вершины белых гор,
Сменить призванье на позор
На рынках спроса?
Нас мучит честь, зовет борьба,
Упряжка закупа-раба
Не по плечам, не по зубам
Великороссам.

Патрияна Крышталева

Братья славяне

Светлая речка, в березах деревня,
Люд здесь селился с временем очень древних.
Друг друга всегда понимали без слов
Хохол Москаленко и русский Хохлов.

В работе бок о бок, и в праздники вместе,
И русский жених люб хохлушке-невесте.
И выручить друга всегда был готов
Хохол Москаленко и русский Хохлов.

Июньское утро. Фашистов орава.
Над Родиной встал сорок первый кровавый.
И вместе тогда поднялись на врагов
Хохол Москаленко и русский Хохлов.

Теперь каждый берег — держава чужая,
И речка-граница меж них протекает.

Не видят друг друга с ее берегов
Хохол Москаленко и русский Хохлов.

И хочется верить, в селе над рекой
Опомняться: «Что же мы делим с тобой?»
И выстроят мост меж речных берегов
Хохол Москаленко и русский Хохлов.

Сергей Ширков

Атака

Душа в истерике и жилы на разрыв,
Четвертый раз готовятся к атаке,
И скоро сердце лопнет, как нарыв,
Не выдержав жестокой этой драки.
Был полк – остался батальон,
И скоро поредеет он до роты,
И лейтенант любимый медальон
Целует, поднимая взвод на доты.
Уже отлиты к славе ордена
И кой-кому «герой», наверно, светит.
Лишь мертвым уж не нужно ни рожна,
Живым, под орден дырку, пуля метит.
Лежит боец, глазища в небеса,
Как будто бы еще живой, уставил.
Видать, молил у Бога до конца,
Чтоб душу тог себе его оставил.
А может, перед смертью он хотел,
Пока еще в груди сердечко билось,
Последний раз увидеть ту звезду,
Что счастьем при рожденье засветилась
А где-нибудь в Сибири будет мать
Мять треугольник серенький казенный
И, слезы утирая, все же ждать,
Что сын вернется, ей судьбой даренный

Не тронуты в коробках ордена,
Посмертно к славе путь увековечен
И на могиле братской письмена,
И памяти огонь им будет вечен!

Люся Ли

Летний вечер

Зажигает звезды вечер,
Ожидая с милой встречи, –
Ночь-кокетка прячет томный взгляд.
Но зажгут сердца, как свечи,
Моря ласковые речи
И небес сиреневый наряд.

Рассыпает солнце блики,
Их встречают чаек крики, –
Пусть бегут в восторге по волнам!
Покачают их немножко
Моря нежные ладошки
И подарят это чудо нам!

Винной краской в небе судеб
Твой портрет закат рисует, –
Видно, он художник не простой!..
Почему меня волнует,
Что волна волну целует,
Укрываясь пенною фатой?

Зажигает звезды вечер...
Что-то нежно шепчет ветер,
И поет прибой для нас двоих.
В этот дивный летний вечер
Упаду звездой на плечи
И усну в объятиях твоих!..

*Очерк и
публицистика*

Валерий Болтунов, Омск

Пушкин. Прорыв в современность

Литературные мечтания

В течение последних полутора столетий немало говорилось о необходимости введения в нашу жизнь цельного пушкинского миропонимания, но во всём, сказанном на эту тему, трудно найти что-либо дельное и тем более пронзительное. Нужен прорыв...

Но где искать брешь в современном железобетонном, рыночном общественном сознании, чтобы совершить такой прорыв, достучаться до сердец, заскорузлых в погоне за материальным успехом, зашедших от зависти к другим, преуспевшим и обогнавшим?

Есть единственное направление, где сердца ещё открыты навстречу духовному миропониманию, – это воспитание детей, их образование. И отправной мыслью при изучении творчества А.С. Пушкина может стать следующая: А.И. Герценом когда-то было заявлено: «Пётр I бросил России вызов “образоваться”, и она через сто лет ответила громадным явлением Пушкина». «Образоваться... громадным явлением Пушкина!» В этой фразе заключена мысль об особом значении поэта для нашей культуры и образования. Не преувеличивая, можно сказать, что, всесторонне зная творчество только одного Пушкина, можно *образоваться*, т.е. приобрести *образ* культурного и социальноориентирующегося, самодостаточного человека.

Чем Пушкин помогает нам *образоваться*? Прежде всего, понятно, он формирует наш вкус к поэзии, к Слову, формирует наше эстетическое чутьё. Чувство прекрасного у нас, к сожалению, притупляется картинами насилия на телевидении, пошлостью его развлекательных программ. Искусство

не существует ради самого себя или, как говорят, ради искусства. Чувство прекрасного, прививаемое нам поэзией, имеет самое прямое житейское значение – оно приводит мир вокруг нас в гармонию, оно помогает нам обрести душевное спокойствие, осознать истинные, духовные ценности, отдельить их от преходящих, материальных, ради которых «люди бываются за металлы», бываются насмерть до самоуничтожения и до полного истощения природных ресурсов, и при этом поистине – «правит бал» Сатана.

Вторая исходная мысль, связующая творчество поэта с современностью... Мы вступили в век XXI, и это будет четвёртый пушкинский век. Пусть родился Пушкин в предпоследний год XVIII столетия, в недолгое царствование императора Павла, но век его рождения вошёл целиком в его творчество, получил неповторимый, пушкинский, отсвет в истории нашей культуры: его Пётр I, Ломоносов, Екатерина II, Радищев... «Полтава», «Путешествие из Москвы в Петербург», «Медный всадник», «Капитанская дочка»... Всё из века XVIII.

XIX век имел идейную преемственность века XVIII с его реформами Петра в России, с Великой Французской революцией на Западе. И многие современные литературные и социальные проблемы имеют свои истоки в пушкинском XIX веке. Пресловутый в своей жестокости XX век не решил посуществу ни одну из них. И пушкинский *духовный стержень* не помог стране в XX веке избежать многих чёрных страниц, как не помогли Бетховен и Гете немецкому народу перед лицом фашизма. Но поставим вопрос по-иному – благодаря духовному наследию национальных Гениев пропасть насилия не становилась еще страшней, не растянулась во времени на два-три столетия новой инквизиции...

Духовное наследие Пушкина было рядом, но придавлено той идеологической шелухой, что не позволяла припасть к его творчеству, как к родниковому источнику. Выпячивалась только узкая полоска свободолюбия его молодости, а христианский менталитет, его понимание свободы, его критичес-

кий консерватизм 30-х годов оставались нераскрытыми. А это как раз было бы крайне необходимо общественному сознанию в противовес классовым и прочим битвам ХХ века.

Итак, нужен прорыв... Но приведённые выше размышления, в основу которых положено выступление перед учащейся молодёжью на празднике «Литературный сентябрь»¹, не являются также откровением, не станут желаемым прорывом. Потому что ранее «всё уже сказано», всё было...

Ф.М. Достоевский: Пушкин – это «начало всех начал». Аполлон Григорьев: «Пушкин – это наше всё» и т.д. Но слова и великих людей как-то со временем затираются, и приходится заново раскрывать их значение. Некоторые авторы из эмигрантского зарубежья ехидничают по поводу часто приводимых слов Аполлона Григорьева, не зная, что у автора эти слова полновесно развёрнуты. Вот так: «Пушкин – это наше всё: Пушкин – представитель всего нашего *душевного, особенно-го*, такого, что остается нашим *душевным, особенным* после всех столкновений с чужим, с другими мирами... Все *истинные, правдивые стремления* современной нашей литературы находятся в духовном родстве с *пушкинскими стремлениями*, от них по прямой линии ведут свое начало. В Пушкине надолго, если не навсегда, завершился, обрисовавшись широким очерком, весь наш душевный процесс»².

Но такое глубинное понимание феномена Пушкина было редким исключением и для конца XIX века. Тот же Достоевский назвал Пушкина «одним из неизвестнейших русских великих людей» в том смысле, что он не был «властителем дум» в своём веке, а умер, «унеся с собою великую тайну». И дело ещё в том, что идеиный поток революционно-освободительной борьбы, борьбы за *экономическое освобождение*, шёл как-то стороной от «нашего всего», от «душевного процесса», становление и направление развития которого Ап.

¹ Омская областная государственная научная библиотека им. А.С. Пушкина, 15 сентября 2009 г.

² Григорьев А.А. Соч.: В 2 т. – М.: Худож. лит., 1999. - Т. 2. Статьи; Письма. – С. 56-57, 65.

Григорьев справедливо связывал с именем Пушкина. Это стало характерным и для XX века, хотя многие тогда пытались связать имя и целиком творчество поэта с освободительной идеей.

Среди пушкинистики XX века иногда появлялись концептуальные и пронзительные для общественного сознания работы. Например, статья В.С. Непомнящего в июньском номере журнала «Новый мир» 1987 года. В ней, прежде всего, автор замечает, что имя Пушкина периодически «вторгается в современность», то есть время от времени общественное сознание испытывает жгучую потребность в Пушкине как в Пророке.

Первое «вторжение» произошло с произнесением Ф.М. Достоевским своей знаменитой Речи о Пушкине в 1880 году. Как пишет В.С. Непомнящий, эта речь «обнаружила такую мощь художественного и духовного излучения... такое активное присутствие в умах и, главное, сердцах людей, что нарождавшейся в новом веке новой культуре стало ясно: оставить Пушкина в «прекрасном далеке» не удастся, с ним надо как-то жить и что-то делать»³.

Новая российская эпоха после 1917 года «признала Пушкина неотъемлемой и необходимой принадлежностью своего культурного обихода. Для общества, захваченного идеей революционной ломки и революционного переустройства, он, понятый как прежде всего певец декабризма, то есть как поэт в первую очередь политический, сразу становился «своим», «близким и понятным». Но это понимание было слишком узким по качеству: тут не было кратности, Пушкин «не делился» целиком на такую концепцию, «остаток» получался огромный, в него уходила вся многоплановость и живая глубина пушкинских творений; и чем глубже внедрялась, чем ортодоксальнее проводилась эта концепция, тем более плоским и упрощенным представлял поэт, тем скучнее становилось читать о нем (да и его самого), тем больше он походил на любого другого «великого писателя» – «проводника» ка-

³ Непомнящий В.С. Пророк // Новый мир, № 6, 1987. – С. 133.

ких-нибудь других «идей», «выразителя» каких-нибудь иных «тенденций»⁴. Такой «выразитель», конечно же, ни с какой стороны не мог быть пророком, и «вторжение» Пушкина в социалистическую действительность не состоялось.

В.С. Непомнящий в год 150-летия памяти А.С. Пушкина лелеял мысль, что наше общественное сознание стоит на пороге нового вторжения. Во всяком случае, он своей статьёй пробил широкую брешь в крепости советской пушкинистики, куда должно было ворваться новое Слово о Пушкине, соединяющееся с духовной компонентой культуры, с духовной жаждой нового времени. Время, названное «перестройкой и гласностью», казалось, вселяло надежды... И жажда нового слова – здесь у Непомнящего прозвучала неожиданная мысль – шла не от специалистов по А.С. Пушкину; про «войско» пушкинистов он отзывался словами из «Бориса Годунова»: «Я сам скажу, что войско наше дрянь». Жажда Пушкина формируется в общественном мнении, и «разговор о нем... стремительно перерастает рамки литературы, переходя на главные проблемы и ценности человеческого бытия, на «последние вопросы». Так Пушкин становится «горячей точкой», его пророческий «угль» возрождает «русскую традицию художества как совестного служения»⁵.

Конец 80-х прошлого века, в самом деле, отмечен в российском обществе взлётом духовной жажды и духовного возрождения. Имя Пушкина, конечно же, стояло в программе этого возрождения первым. Журнальные публикации на эту тему воспринимались как божественные откровения: «Теперь в разряд неотложных попадают хрестоматийные вопросы, которые вчера ещё были темами школьных сочинений. Пушкин и политическая власть... Достоевский и революционное насилие, Чехов и русский интеллигент – всё это составляет предмет волнения для современного ума и души... Классика приобрела функцию текущей литературы. Мы отожде-

⁴ Там же.

⁵ Непомнящий В.С. Пророк. – С. 135–136.

ствляем свои заботы и своё бытие с её образами и темами», – писали известные философы литературы⁶.

Но рыночная эпоха отвергла задачу «совестного служения» художественного слова обществу в выборе им нового вектора. Это – вектор экономических свобод без духовного осмыслиения средств и последствий подобного выбора. И все надежды Валентина Семёновича Непомнящего остались его литературными мечтаниями. Жёсткая характеристика им культуры XX века по нашим современным представлениям может быть только усугублена. Так, двадцать лет назад он писал: «В эпоху величайшего торжества научного знания и практического опыта – и величайшего смятения перед лицом иного знания, иного опыта, напомнившего в нынешнем веке, сколь бесконечно высокий дух дан человеку и до какой бесконечной низости он может пасть, если вознесется выше простых человеческих ценностей и отменит все святыни и заповеди; в эпоху, когда «наливные, золотые» плоды цивилизации стали оборачиваться отправленными яблочками, когда могущество самовлюбленного и самообожествляющегося разума достигло уже порога безумия и не скрывает своих самоубийственных наклонностей... впервые за всю Историю нам и нашему Дому угрожает не какое-либо отдельное зло под именем ли угнетения, или болезни, или голода, или стихий природы, или войны, но – просто смерть, всеобщая смерть, стоящая лицом к лицу с нами»⁷.

И всё же автор идеи «современности Пушкина» оставил обнадёживающую мысль: духовную составляющую культуры продолжает подпитывать «уголь» Пушкина, Достоевского, Л. Толстого... Пушкин гордился тем, что в свой «жестокий век» восславил свободу (надо заметить, *свободу духовную* как конечную цель всякой культуры – в понимании философов, начиная с И. Канта). Но XIX век, согласимся с В.С. Непомнящим, «всё же оставался веком перспектив и упо-

⁶ Гальцева Р., Роднянская И. Журнальный образ классики // Литературное обозрение, 1986, №3. – С. 48.

⁷ Непомнящий В.С. Пророк. – С. 136.

ваний, веком надежд на прогресс». Выходит, на будущий век, который по жестокости, как известно, обошёл все предыдущие, Пушкин оставлял свой уголь, *пылающий огнём*, – творчество, наполненное описанием своих «маленьких», но трагедий. «Ситуации его главных произведений предельны и катастрофичны», – в связи с этим замечает Непомнящий⁸. Всем своим творчеством Пушкин дал предостережение веку грядущему, предостережение о грядущем культурном мраке, оставаясь в то же время *светлым Пушкиным*. На этот феномен указывал ещё А.А. Блок: несмотря на предчувствие сложного пути России, «мироощущение и поэтика Пушкина совсем иные», светлые.

Светлый Пушкин пронизывает общественное сознание, вызывает в нём духовную напряжённость, внутренние потоки. По духовной преемственности эти потоки также светлы, они «обнажают души, жаждущие правды главной и высокой». Но, следует заметить, высокая правда здесь не в необходимости насильтственного отсекания тотчас *низкой действительности*, а в том, что «бытие есть безусловное единство и абсолютная целостность, в которой нет ничего «отдельного», «лишнего» и самозаконного – такого, что нужно было бы для «улучшения» бытия отрезать и выбросить».

Это, называет Непомнящий, – «конституирующая черта пушкинского художественного мира», его «оркестр, в котором *низы* звучат в полную силу лишь в единстве с верхами, лишь на фоне верхов, образуя то, что и в переносном и в буквальном – музыкальном – смысле называется гармонией»⁹.

На наш взгляд, пушкинская гармония как раз и даёт необходимую для каждой переломной эпохи житейскую мудрость, состоящую в том, что *духовные ценности и духовная свобода человека должны стать приоритетами в культуре. Материальные ценности и все экономические свободы*

⁸ Там же.

⁹ Непомнящий В.С. Пророк. – С. 135, 137.

имеют подчинённую роль – лишь обеспечивающую духовное развитие общества.

И данная мысль не может претендовать на то, чтобы быть абсолютно новой, потому как «всё уже сказано, все понятия выражены и повторены в течение столетий». Это написал Пушкин, написал в некотором отчаянии, но тут же задал вопрос: «Что же из этого следует? Что дух человеческий уже ничего нового не произведет? Нет, не станем на него клеветать: разум неистощим в соображении понятий, как язык неистощим в соединении слов»¹⁰.

Такое вот, ободряющее всех слово Пушкина, дающее всё-таки надежду на прорыв поэта в современность.

¹⁰ Пушкин А.С. Об обязанностях человека. Сочинение Сильвио Пеллико / Собр. соч. в 10 т. – Т. VII. – М., 1981. – С. 291–292.

Юрий Ключников

Венок поэту

Новосибирск отпраздновал 210-летие со дня рождения А.С. Пушкина великолепной литературно-музыкальной композицией, подготовленной камерным хором под руководством народного артиста России Игоря Викторовича Юдина. Прославленный коллектив, руководимый маститым маэстро, на этот раз превзошёл самого себя. Два часа программы, где стихи «нашего всё» в отличном исполнении ведущей Марины Якушевич чередовались с сольными и хоровыми музыкальными номерами, а также выступлениями новосибирских поэтов, пролетели незаметно, как говорится, на одном дыхании, сопровождаемые горячими аплодисментами зрителей и криками «браво».

Мне приходилось не однажды бывать на концертных юбилейных торжествах во многих городах России и в Москве, и, смею утверждать, не часто получал столь полное эстетическое наслаждение. Обычно высшая оценка какой-либо провинциальной культурной акции характеризуется словами: «столичный уровень». Такой уровень, несомненно, присутствовал во всех номерах юдинского хора (я бы даже сравнил его по мастерству со столичным камерным хором Владимира Минина) с одним добавлением. Высокий профессионализм столичных коллективов не всегда сопровождается духовным накалом; мастерству порой недостаёт душевного огня и непосредственности. Так вот наш замечательный коллектив в полной мере проявил единство этих двух составляющих – высочайшего мастерства и душевной самоотдачи. Прав критик, говоря, что душа России живёт всё-таки не в Москве, а в провинции.

Прекрасно прозвучали романсы на стихи Пушкина, арии и дуэты из опер «Евгений Онегин» и «Пиковая дама» в исполнении Ирины Гайдуковой, Ульяны Выграненко, Анастасии Шукан, Алексея Светлова, Евгения Чайкина и других артистов; фрагменты свиридовского «Пушкинского венка» в исполнении хора. Долго не отпускали зрители солиста хора заслуженного артиста России Бориса Назарова, проникновенно спевшего знаменитый «Романс» Георгия Свиридова.

Весь концерт сопровождало яркое голограммическое изображение А.С. Пушкина во весь рост работы неизвестного мастера в правом углу сцены. Как объяснил по окончании концерта И.В. Юдин, это макет будущего скульптурного изображения поэта работы томских художников Н. и А. Гнедых (отца и сына), которое, возможно, украсит наш город уже в 2010 году. Присоединяемся к пожеланию маэстро и к страстным усилиям О.П. Кузьменкова, руководителя Новосибирского регионального Пушкинского общества, который бился идеей памятника Пушкину в Новосибирске не первый год.

Надеемся, что такой символ очень необходим нашему городу. То, что Пушкин – Божественное явление, что его личность – безусловный авторитет для людей самых разных национальных, конфессиональных и партийных принадлежностей, признаётся этими людьми во всём мире и Православной церковью – тоже. Крупнейший город Сибири заслужил право быть обогреваемым лучами Божественной благодати, льющейся через нашего национального гения.

Валентин Курбатов, Псков

Выше и вместе

Хотел, было, начать словами, что о Пушкине сказано всё – теперь пора подумать о себе. Но ведь и то, что написано о нём, хоть одними только русскими людьми, разве только о Пушкине? О себе, о себе. И когда Достоевский о «всемирной отзывчивости», и когда Ильин о «солнечном центре нашей русскости», и когда Розанов о том, что, поживи Пушкин подольше, мы не поделились бы на славянофилов и западников – стыдно было бы его цельности. И когда сейчас об щим хором, что Пушкин – «наша национальная идея», – это ведь не свидетельство гордости, а крик о неблагополучии. Это: «батюшка Пушкин, помоги!», «Дай нам руку в непогоду, укрепи в немой борьбе». Правда, борьба не немая, а очень даже разговорчивая, так что иногда с горечью думаешь, что само слово уже и мешает нам, что слово, которое было у Бога и было Бог, потеряло таившееся в нем дело, забыло землю и небо и стало **только** словом. А человек и народ тотчас узнают эту пустоту и охотно освобождаются от обязывающей памяти о земле и роде, потому что в пустых словах легче спрятать нечистоту сердца и отдельного человека, и народа.

Сейчас мы узнали, чем кончается такое «освобождение», став, кажется, впервые за русскую историю из народа населением частных людей. И, слава Богу, начинаем остро чувствовать это и, может быть, дозреем до пушкинского народного безмолвия, которое и есть настоящая полнота Слова, как полнота Разума. Хочется верить, что и мы собрались не для очередной конференции, а как собираются в опасный час, чтобы быть вместе и слышать друг друга для оразумления души, чтобы сказать, что пришло время Пушкина, как сим-

воля национального воскрешения *не кому-то другому, а самим себе*, потому что мы и сами уже мало чем отличимы от мертвых.

Перед отъездом сюда я прочитал горький том «Последний год жизни Пушкина», а в нем тяжелейшие последние страницы о днях, когда Александр Сергеевич умирал, приговаривая, когда его поворачивали: «Вот и хорошо! Вот и прекрасно!», хотя боль была выше человеческих сил, и на утешения уже спокойно говорил: «Не надо. Теперь уж всё». И опять все болит, когда Наталья Николаевна, еще вчера утешавшая мужа привычно французским: «*Tu vivra*», в отчаянии толкает уже мертвое тело, чтобы разбудить его, и по-русски, проснувшимся *русским сердцем* кричит: «Пушкин, ты жив? Ты жив?». И как дочитаешь до последнего «Ну, поднимите же меня и пойдем. Да выше! Выше! Ну, пойдем же, да вместе», так и поймешь, что это он, предчувствя нашу беду и сиротство, *нам уже кричит, чтобы и выше и вместе*. И смерть становится его последним собирающим делом.

И помните это воспоминание Жуковского о первых минутах пушкинской смерти, как разливалась по лицу поэта «какая-то глубокая удивительная мысль.., какое-то полное, глубокое, удовольствованное знание... выражение величественной торжественной мысли». Если бы не стыдиться великих слов, а нас отучают от них, потому что знают, что великие слова – это зеркало великого сознания, можно было бы сказать, что *это было лицо России перед Богом*. И каждый его тогда таким и видел, почему и бросились к дому тысячи, чтобы еще побывать в его свете. И кто теперь напишет в некрологе, как тогда Одоевский: «Солнце нашей поэзии закатилось! .. всякое русское сердце будет растерзано. Пушкин! Наш поэт! Наша радость, наша народная слава. Неужели, в самом деле, нет уже у нас Пушкина? К этой мысли нельзя привыкнуть».

Самое время и нам спросить себя: неужели, правда, нет у нас уже Пушкина, раз мы живем так, будто его нет, и осталось одно опустевшее имя? Подлинно к этой мысли нельзя

привыкнуть. В первые пореволюционные годы Владислав Фелицианович Ходасевич жестко говорил о новых поколениях «Необходимость учиться и развиваться духовно сознается недостаточно, хотя в иных областях жизни, *особенно практических*, они проявляют большую активность». Да уж, что до практических областей жизни, то наши хищники тем дадут сто очков вперед. Даже и в литературе, впервые ставшей отраслью легкой промышленности, что заставило Андрея Битова ядовито заметить, что русская литература наконец стала профессиональной, то есть перестала быть русской литературой. И когда меркнет, несмотря на громадные усилия его организаторов удержать его высоту, Пушкинский праздник, который в советские времена был зеркалом нашего духа, а теперь становится зеркалом национального легкомыслия, то это потому, что и в поэзии умирает голос внутренней правды. Художник уже не ставит себя «лицом к лицу с совестью», что, как отмечал Ходасевич, было первой чертой Пушкина, который остро чувствовал «роковую связь человека с художником, личной участи с судьбой творчества».

Наша личная участь пасётся на других полях, не граничащих с судьбой творчества. Не потому ли мы всё больше отодвигаем его в дым слов и постепенно выводим из прямого повседневного духовного обихода, как уже отодвинули в безопасную историю литературы Державина и Сумарокова, а там Баратынского и Лермонтова, Некрасова и Тютчева и совсем вчерашних Твардовского и Смелякова. И вон уж и Евтушенко с Вознесенским вполне Державин и Сумароков. Время торопится проститься с минувшим, нарочито сбив систему координат, чтобы начать мир с себя и не отвечать перед традицией. И тут – освободиться, освободиться...

Шестого июня в святой день его рождения, в Троицкую родительскую субботу не в одном Михайловском вспомним его, как родителя нашей национальной целостности, нашего языка, нашей духовной зрелости в мировом саду народов. И может, воскликнем с Игорем Северянином, чтобы на минуту обмануть себя: « Любовь! Россия! Солнце! Пушкин!

Могущественные слова. И не от них ли на опушке Нам распускается листва? И молодеет не от них ли Стареющая молодежь? И не при них ли в душах стихли Зло, низость, ненависть и ложь?».

Не стихли они – низость и ложь, зло и ненависть, а только раскидываются на полсвета. И если сказать словами другого «серебряного» поэта – Георгия Иванова «И ничего не исправила, Не помогла ничему Смутная, чудная музыка, Слышная только ему». Но могущественные слова «Любовь! Россия! Солнце! Пушкин!», слава Богу, не торопятся исчезнуть из словаря и терпеливо ждут нашего оразумления.

Нам сразу не своротить историю, которая хочет по своей воле пожить, но хоть сказать это с должным беспокойством за судьбу русской культуры, оказавшейся на опасном пороге, мы властны. А там потихоньку с состраданием и любовью, глядишь, и поднимем его.

И пойдем *вместе*. Если не *выше*, то хоть прямо и не теряя себя.

Владимир Никифоров

Пушкинский час в лицее

Так получилось, что несколько последних лет День памяти А.С. Пушкина приходится на мою командировку в поселок на Енисее Подтесово. Здесь я провожу консультации с заочниками, в основном работниками Подтесовского судоремонтного завода, проверяю контрольные работы, принимаю зачеты и экзамены.

Своего помещения у бывшего учебно-консультационного пункта, ныне именуемого представительством, нет, приходится заниматься в речном лицее – среднем профессионально-техническом учебном заведении, которое готовит рулевых-мотористов и даже штурманов-механиков. Есть в лицее группа, куда берут девушек, будущих поваров.

Обычно февраль у лицейцев загружен до предела: занятия, кружки, а еще Масленица, Валентинов день, День защитников Отечества... Но вот уже второй год мы с руководителями и преподавателями лицея проводим Пушкинский час. На этот раз со словом о Пушкине выступила преподаватель литературы Елена Константиновна Варыгина, и было ее слово теплым, проникновенным, взволнованным. Потом мальчики и девочки читали стихи Пушкина – кто-то наизусть, кто-то по книжке, и все в это в серьезной атмосфере, без обычного баловства.

А я говорил с ними о прозе Александра Сергеевича Пушкина, о непостижимой ее простоте и глубине. Взять ту же «Капитанскую дочку», в нескольких словах целая картина, настроение, мысль: «Я выглянул из кибитки: все было мрак и вихорь». И пожелал лицейцам испытать счастье общения с великим поэтом над страницами его бессмертных книг.

Матвяна Шипилова

«Уроки русского» как свежий воздуха глоток

Людмила Аркадьевна Монахова – руководитель областного образовательно-просветительского проекта «Уроки русского», член общественной палаты Новосибирской области, учитель МБОУ гимназия № 16 города Новосибирска.

Видимая «часть айсберга» без преувеличения подвижнической деятельности Людмилы Аркадьевны и творческой группы проекта по сохранению «великого и могучего», русской языковой культуры вообще – это плакаты в вагонах метро с образцами грамотного правописания и ударения и такие же просветительские блоки на мониторах «ТВ-метро»...

– Людмила Аркадьевна, знаете, вы как-то нас, новосибирцев, этой акцией приободрили: мол, кто-то печется о русском языке. Среди рекламных наклеек, предлагающих продажу всего и вся, это стало глотком свежего воздуха, источником оптимизма, что ли... И все-таки как зародилась идея?

– Спасибо. Необходимость в такого рода просветительской работе, в общем-то, очевидна любому здравомыслящему человеку. Посмотрите, что творится с речью, как изъясняются наши чиновники, не говоря уже о дикторах радио и телеведущих! Они чаще всего не имеют специального образования, и основной допуск в такую важную для самочувствия общества профессию – умение балабонить перед микрофоном с невероятной скоростью... А как агрессивна рекламная среда, какие дикие неологизмы-однодневки появляются в СМИ! Я и мои коллеги-педагоги в этой ситуации со всей очевидностью поняли: на сегодняшний день школа не может самостоятельно решить проблему хорошего, грамотного – великого! – русского языка, содержательной и краси-

вой, культурной речи. Потому что дети находятся в социуме. В стенах школы мы стараемся, учим ребят хорошему литературному русскому языку. Они пишут рефераты об англизмах и сленговых словечках, засоряющих русский, а затем выходят за порог школы – и что вокруг? – попадают в сферу «языкового беспредела». Значит, все наши усилия напрасны?! Примерно с такой речью я обратилась в июне 2007 года на педсовете к коллегам и объяснила, как я вижу реализацию этого проекта. Он изначально был задуман на нескольких уровнях: школьный уровень, затем районный, но главная цель моя была – уровни городской и областной. То есть просветительская работа с населением.

– Представив в апреле прошлого года свой проект на конкурс областных социально значимых проектов, вы стали обладательницей гранта губернатора Новосибирской области. А кто помогал проекту материально предыдущие полгода?

– Понимаете, идея эта, скажем так, спасения русского языка, к счастью, многих и многих не оставляет равнодушными. Прежде всего это родители учеников нашей школы, недавно получившей статус гимназии. С ними мы тоже проводим просветительские мероприятия. И хотя гимназия наша с углубленным изучением иностранных языков, свою ответственность за «самочувствие» русского языка они с нами полностью разделили.

И я безгранично благодарна, конечно, за гражданскую позицию в этом деле начальнику Новосибирского метрополитена Владимиру Михайловичу Кошкину. Потому что с самого начала он проявил себя именно не как чиновник, а как гражданин. Когда в конце 2007 года я обратилась к нему с просьбой развешивать в вагонах метро наши просветительские листовки, то, наивная, не предполагала, что все это очень непросто, ибо все внутривагонные площади принадлежат на условиях долговременной аренды рекламному агентству, а не метрополитену. Но, тем не менее, Владимир Михайлович сразу меня поддержал, и несколько месяцев, пока мы не выиграли грант, метрополитен решал вопросы о размещении и

проплачивал изготовление наших «стикеров». Так называют рекламщики kleящиеся объявления и, к сожалению, русского аналога не применяют... С середины мая 2008 года к нашей акции подключилось ООО «Телевидение в метро»: на мониторах за это время появилось более 120 выпусков на тему «Трудности русского языка» и других просветительских материалов. Если бы эта информация размещалась не бесплатно, а по рекламным расценкам, то за полтора года нам бы пришлось истратить ни много ни мало 1 млн. 800 тыс. рублей!

— Людмила Аркадьевна, а как горожане реагируют на проект, есть обратная связь?

— Люди реагируют замечательно, и не только горожане. Когда я стояла в апреле у стенда на презентации своего проекта на «Сибирской ярмарке», от него целый день не отходили и жители сельских районов области: задавали десятки вопросов, просили меня прислать материалы, потому что проблема защиты русского языка и культуры встала за последние годы действительно в полный рост. Как только появляется какое-то сообщение о наших акциях в новосибирских СМИ, в том числе и электронных, люди пишут отклики, комментарии, дают советы. Случается, сокрушаются и возмущаются тем, что, допустим, с портретом Василия Макаровича Шукшина и его мудрыми словами в метро соседствуют антиалкогольная и антинаркотическая реклама и тому подобное. Но чаще все-таки благодарят. Кто-то признается, что после наших «метроуроков» рука потянулась к словарю и учебнику русского, кто-то заучивает стихи в метро наизусть и от этого у него весь день хорошее настроение. Наша же акция «Калина красная», посвященная юбилею Шукшина, послужила темой дискуссии о русском человеке на форуме портала НГС.

— А вам самой проект или какая-то его акция поднимали настроение?

— Как и во всякой работе, радости и огорчения здесь обычно чередуются. Но мое сердце пело, когда 6 июня, в день рождения Пушкина, в Пушкинский день России в метро читали главы из «Евгения Онегина»...

– Но пушкинская тематика, если я не ошибаюсь, обозначилась в метро задолго до этого дня?

– Это была большая акция к 210-летию поэта, которую я назвала «Мой Пушкин». Началась она 1 июня и продолжалась больше месяца. Акция включала 20 вариантов стихотворений Пушкина на вагонных листовках (кстати, на электронный портал НГС сразу пошли отклики: наконец-то есть что почитать в метро!) и такой текст: «6 июня 2009 года исполняется 210 лет со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина – величайшего поэта и писателя, создателя современного русского литературного языка. У каждого из нас свой Пушкин, остающийся одним для всех. Он входит в нашу жизнь с самого начала ее и не покидает нас до конца. Пусть эти прекрасные строки напоминают нам о поэтическом гении Александра Сергеевича, красоте и богатстве великого русского языка!» Еще были информация о поэте и его стихи на мониторах в метрополитене, передача на радио «Слово», но самую эмоциональную отдачу лично мне дала моя же задумка «СМС-стихотворение «Мой Пушкин». С 1 июня на мониторах метро шло сообщение: «Авторы проекта «Уроки русского» просят вас принять участие в этой акции: пошлите 6 июня вашим родным и близким СМС-письмом строки из произведений А.С. Пушкина, поздравьте друг друга с Пушкинским днем России!»

И вот у меня самой в телефоне 45 сообщений от родных, коллег, учеников с великолепными строками, которые я до сих пор не могу стереть... А сколько послала я сама! Но самым трогательным было под занавес дня электронное письмо от уважаемой Натальи Юрьевны Домбровской, кавалера ордена Александра Невского – руководителя нашего школьного музея «Нормандия-Неман»: «С праздником, «мой верный друг, мой друг бесценный!» Горда, что мы одной крови, что в ней – Пушкин!» Оказывается, Наталья Юрьевна весь этот день работала с французами. А ей беспрестанно шли СМС с пушкинскими строками от разных людей. Французы спросили: «Что происходит?», на что Домбровская отвеча-

ла: «Сегодня – день рождения Пушкина, меня поздравляют друзья...» Французы были поражены, восхищены и от души радовались за нас: «Русские поздравляют друг друга с днем рождения Пушкина!»

– На самом деле – трогательно до слез... И какие же перспективы у проекта?

– Планов не просто много, а множество.

Но хочется надеяться, что они абсолютно реальные. Во-первых, потому что идею проекта «Уроки русского» изначально поддержал губернатор Виктор Александрович Толоконский. Во-вторых, Общественная палата Новосибирской области внесла на рассмотрение областного Совета проект закона Новосибирской области о просветительской деятельности, который меня по прочтении очень обнадежил: русскому языку, его защите там найдется место. Кроме того, при областном департаменте образования создается координационный совет по русскому языку, который привлечет к этой работе как экспертов-специалистов, так и, надеюсь, самую широкую общественность. Ведь форм просветительской работы много – от тех же листовок с объяснением трудностей правописания до серьезных, вдумчивых, неконъюнктурных передач о русском языке по радио и телевидению или даже автоматов типа «быстроплат», где всякий при желании может проверить свою грамотность... Словом, хочется развернуть этот проект по-настоящему масштабно – новосибирцы и жители области, без сомнения, пойдут этому начинанию навстречу: все мы в равной мере устали от тех издевательств, которые сегодня претерпевает русский язык. Ведь не зря на Грамоте.ru не так давно появились эти строки:

Поговори со мной на русском языке:

Я так устал от СМС и смайлов,

От слоганов, жаргона файлов –

Поговори со мной на русском языке!

Дай насладиться музыкой в строке,

Живописуй картины вместо слайдов.

Поговори со мной на русском языке,

Я так устал от СМС и смайлов!

Mark Minnik, IIIA

Покорение «Карса»

В 1830 году в книжном магазине Сленина на Невском проспекте в Петербурге была выставлена для продажи замечательная старинная копия картины Рафаэля Санцио «Бриджуотерская мадонна». Под впечатлением этой картины А.С. Пушкин создал одно из прекраснейших произведений русской лирической поэзии – сонет «Мадонна».

Г.М. Кока в статье «Пушкин перед мадонной Рафаэля» («Временник Пушкинской комиссии» 1964, с. 38–43) выражает мнение, что именно об этой картине А.С. Пушкин писал Н.Н. Гончаровой из Петербурга в Москву 30 июля 1830 года:

«Прекрасные дамы просят меня показать ваш портрет и не могут простить мне, что его у меня нет. Я утешаюсь тем, что провожу часы перед белокурой мадонной, похожей на вас как две капли воды, я бы купил ее, если бы она не стоила 40 000 рублей».

Екатерина Николаевна Ушакова, поклонником которой А.С. Пушкин был в течение нескольких лет, имела резвый и шаловливый характер. Узнав, что поэт также увлечен Натальей Гончаровой, но не имеет успеха, она стала называть Гончарову «неприступным Карсом», по имени турецкой крепости. В альбоме Ушаковых появились карикатуры на Пушкина с подписью: «О, горе мне! Карс, Карс! Прощай, бел свет! Умру!».

В 1828–1830 годах поэт одновременно ухаживает за Екатериной Ушаковой и Натальей Гончаровой. Современники говорили, что он мечтается между Старой Пресненской, где жили Ушаковы, и Большой Никитской, местом проживания семьи Гончаровых. Можно предполагать, что это усиленное ухаживание после неудачного сватовства к Софье Пушкиной и

Анне Олениной вызвано желанием Пушкина устроить, наконец, свою личную жизнь. Справедливости ради следует отметить, что отказы исходили не от невест, а от их родителей.

В отличие от московских невест женское общество его соседей в Тригорском Псковской губернии имело серьезные виды на поэта как на потенциального жениха, особенно дочь Прасковьи Александровны Осиповой от первого брака Анна Вульф. Однако Пушкин развлекался, шутил, влюблялся почти во всех дочерей Осиповой, но предложения никому из них не сделал.

Что касается самой П.А. Осиповой, то ее взаимоотношения с поэтом можно толковать по-разному, но в некоторых письмах к Пушкину после его отъезда в Москву чувствуется ее растерянность, а подчас скрытая ревность.

Пушкин увлекся также и младшей дочерью Осиповой – Евпраксией. Соседи даже стали поговаривать о скорой свадьбе.

«На днях мерялся поясом с Евпраксией, – пишет поэт брату осенью 1824 г., – и талии наши нашлись одинаковы. Следственно, из двух одно: или я имею талию 15-летней девушки, или она – талию 25-летнего мужчины. Евпраксия дуется и очень мила...».

Талия Евпраксии (Зизи) удостоилась чести быть увековеченной в «Евгении Онегине»:

*«...строй рюмок узких, длинных,
Подобных талии твоей,
Зизи, кристалл души моей,
Предмет стихов моих невинных,
Любви приманчивый фиал,
Ты, от кого я пьян бывал!..»*

Пробыв в Москве полтора месяца, Пушкин возвращается в Михайловское и вновь посещает Тригорское. Алексей Вульф, сын Прасковьи Александровны, записывает в своем дневнике, что желание Пушкина ехать с его матерью в Малинники ему неприятно, ибо пострадает ее добре имя или

сестры. Но Вульф ошибался, так как романы с Анной и, возможно, с самой Прасковьей Александровной, были уже в прошлом. Теперь поэта занимали иные женские образы – в великосветских московских и петербургских салонах. Приезд Пушкина в Москву, беседа с царем осенью 1826 г. совпали с началом его славы как первого поэта России.

Современница рассказывает:

«Появление Пушкина в московском театре... можно сравнить только с волнением толпы в зале Дворянского собрания, когда вошел в нее Алексей Петрович Ермолов... Мгновенно разнеслась по залу весть, что Пушкин в театре; имя его повторялось в каком-то общем гуле; все лица, все бинокли обращены были на одного человека, стоявшего между рядами и окруженнего густою толпою».

Конечно, поэту были лестны эти знаки внимания, но постепенно его настроение изменилось к худшему: восторженные отклики сменились враждебной критикой тех его произведений, которые особенно нравились читателям и которые сам он очень ценил. Несмотря на крупные литературные гонорары, денег не хватало, так как поэт много проигрывал в карты. В целом жизнь холостяка без семейного уюта и удобств носила отпечаток неустроенности и беспорядочности. Все это привело Пушкина к решению обзавестись семьей. Еще совсем недавно он писал по поводу женитьбы Е.А. Баратынского князю П.А. Вяземскому: «Правда ли, что Баратынский женится? Боюсь за его ум. Брак холостит душу».

Однако поэт начал понимать, что молодость уходит безвозвратно, и впервые в жизни всерьез задумался о женитьбе.

Отказ Софьи Пушкиной в ответ на его предложение не обескуражил поэта. Он настойчиво продолжил поиски невесты. В это время, по свидетельствам современников, Пушкина часто можно было видеть в Москве и Петербурге в великосветском обществе, на балах, различных салонах, в театре.

В конце 1826 г. поэт знакомится с Екатериной Ушаковой и сильно увлекается ею. Одна из светских знакомых Ушаковых, посетившая их дом в Москве, записала в своем дневни-

ке в июне 1827 г.: «...на балах, на гуляньях он говорил только с нею, а когда случалось, что в собрании (Ушаковой) нет, то Пушкин сидит целый вечер в углу задумавшись, и ничто уже не в силах развлечь его!...»

Перед отъездом из Москвы Пушкин вписал в альбом Ушаковой стихи «В отдалении от Вас...». С перерывами в течение 1826–1828 гг. поэт часто посещает дом Ушаковых. В это же время Екатерине Ушаковой становится известно о параллельном романе его с А.А. Олениной в Петербурге и о его знакомстве с Н.Н. Гончаровой.

Роман с Анной Олениной начался у Пушкина зимой 1827 г., и в мае–августе 1828 г. Пушкин нередко бывает в доме Олениных. По-видимому, у него были самые серьезные намерения. На страницах рукописи «Полтавы» (лето 1828 г.) появляются портретные зарисовки Олениной и даже пометки «Annette Pouchkine». Поэт посвящает ей цикл стихотворений: «Ее глаза», «Увы! Язык любви болтливый», «Вы избалованы природой», «Город пышный, город бедный». С.Д. Полторацкий (со слов самой Олениной) считает, что посвящение поэмы «Полтава» адресовано Анне Олениной. Пушкин сватается к Олениной, но получает отказ. Ее отец, президент Академии художеств и директор Публичной библиотеки, давний друг Пушкина, резко изменил свое отношение к поэту после возвращения его из ссылки. Как член Государственного Совета он подписал протокол заседания об учреждении секретного надзора над Пушкиным. Отказ Олениных выдать свою дочь за поэта внука А.А. Олениной О.Н. Оом впоследствии объясняла тем, что мать Анны Елизавета Марковна была религиозной, консервативной женщиной, и ее возмущали кощунственные стихи Пушкина, особенно «Гавриилиада», ходившая тогда по рукам.

После полуторагодичного пребывания в Петербурге поэт возвращается в Москву и вновь наносит визиты Ушаковым. Екатерина рада этому и надеется, что после неудачного сватовства к Олениной Пушкин сделает предложение ей. Однако поэт не спешит; более того, в альбоме Ушаковых записи-

вает имена женщин, в которых когда-то был влюблён, т.е. до 1829 г. Некоторые исследователи считают этот список шуточным, но в XIX и начале XX века о нем было написано множество статей, а П. Губер опубликовал книгу «Дон-Жуанский список Пушкина».

Мне лично это представляется попыткой Пушкина смягчить боль разрыва отношений с ранимой, чувствительной Екатериной, показав себя отпетым Дон-Жуаном.

В конце 1828 г. в Москве, в доме Кологриловых (ныне Тверской бульвар, 22), танцмейстер Петр Андреевич Иогель давал очередной бал. В числе гостей присутствовал и Пушкин, который когда-то бывал на таких балах маленьким мальчиком. Здесь, на этом балу, Пушкин впервые увидел Наталью Гончарову. Ей было всего 16 лет. Девушка необыкновенной красоты затмила все прежние увлечения поэта. С этого момента все его внимание было сосредоточено только на Наталье.

На первых порах знакомства Пушкин испытал даже неподобающее ему доселе чувство робости. Через Ф.И. Толстого он был представлен семье Гончаровых, которая в это время переживала большие материальные затруднения: дед Натальи Афанасий Николаевич растратил огромное состояние, основой которого являлись Полотняные заводы в Медынском уезде Калужской губернии. Доход с заводов был незначительный. Отец Николай Афанасьевич Гончаров страдал душевной болезнью. В 1832 г. его старший сын Дмитрий Николаевич, брат Натальи, принял на себя в связи с этим опеку над Полотняным заводом. В семье Гончаровых кроме Натальи были еще две сестры в возрасте невест – Александра и Екатерина. В Москве Гончаровы занимали дом по Б. Никитской (ныне ул. Герцена, 50).

Вскоре после знакомства с Натальей Гончаровой, в мае 1829 г., Пушкин делает ей предложение, но получает неопределенный ответ. На следующий день поэт уезжает на Кавказ в действующую армию, не получив на это разрешения властей, и только в сентябре возвращается в Москву из путе-

шествия в Арзрум. За самовольную поездку поэт получил выговор от шефа жандармов Бенкендорфа.

Вторично Пушкин сватается к Наталье в апреле 1830 г., и на этот раз успешно. Семья Гончаровых, боясь потерять жениха, который не требует никакого приданого, дает положительный ответ.

После получения согласия на брак Пушкин обратился к родителям с письмом следующего содержания:

«Мои горячо любимые родители, обращаюсь к вам в минуту, которая определит мою судьбу на всю остальную жизнь.

Я намерен жениться на молодой девушке, которую люблю уже год, – м-ль Натали Гончаровой. Я получил ее согласие, а также и согласие ее матери. Прошу вашего благословения, не как пустой формальности, но с внутренним убеждением, что это благословение необходимо для моего благополучия – и да будет вторая половина моего существования более для вас утешительна, чем моя печальная молодость.

Состояние госпожи Гончаровой сильно расстроено и находится отчасти в зависимости от состояния ее свекра. Это является единственным препятствием моему счастью. У меня нет сил даже и помыслить от него отказаться. Мне гораздо легче надеяться на то, что вы придетете мне на помощь».

Ответ отца А. С. Пушкину от 16 апреля 1830 г.:

«Тысячу, тысячу раз да будет благословен вчераиний день, дорогой Александр, когда мы получили от тебя письмо. Оно преисполнило меня чувством радости и благодарности. Да, друг мой. Это самое подходящее выражение. Давно уже слезы, пролитые при его чтении, не приносили мне такой отрады. Да благословит небо тебя и твою милую подругу жизни, которая составит твое счастье. Я хотел бы написать ей, но покуда еще не решаюсь, из боязни, что не имею на это права. С большим чем когда бы то ни было нетерпением ожидаю я Льва, чтобы поговорить с ним о тебе или, вернее, чтобы он о тебе мне рассказал. Оленька как раз была у нас, когда принесли твое письмо. Ты легко можешь представить себе, какое впечатление произвело это на нее...».

Чтобы успокоить мать невесты, сомневающуюся в его политической благонадежности, Пушкин отправляет Бенкендорфу письмо следующего содержания:

«Генерал,

Я женюсь на м-ль Гончаровой, которую, вы, вероятно, видели в Москве. Я получил ее согласие и согласие ее матери; два возражения были мне высказаны при этом: мое имущественное состояние и мое положение относительно правительства. Что касается состояния, то я мог ответить, что оно достаточно, благодаря Его величеству, который дал мне возможность достойно жить своим трудом...

Г-жа Гончарова боится отдать свою дочь за человека, имеющего несчастье пользоваться дурной репутацией в глазах государя...».

В ответном письме Бенкендорф сообщает, что государь принял с чувством благосклонного удовлетворения известие о предстоящей женитьбе Пушкина и, кроме того, разрешает печатание его трагедии «Борис Годунов».

Таким образом, поэт постарался преодолеть все препятствия, связанные с предстоящей свадьбой. Наконец-то его желание сбылось: после многих лет неустроенной холостяцкой жизни он обретет семью, домашний уют и красавицу жену.

Некоторые исследователи считают, что Наталья Николаевна до свадьбы не была увлечена Пушкиным, а только хотела уйти из родительского дома, но факты говорят о другом.

Как известно, в первые годы после приезда Пушкина в Москву из Михайловского о нем ходили различные неблагоприятные слухи. Дошли они и до деда Натальи Афанасия Николаевича. В ответ на его сомнения относительно жениха юная невеста становится на защиту своего будущего мужа и направляет деду письмо от 5 мая 1830 г., за день до официальной помолвки:

«Любезный дедушка!

Узнав... сомнения ваши, спешу опровергнуть оные и уверить вас, что все то, что сделала маменька, было согласно с моими чувствами и желаниями. Я с прискорбием узнала те

худые мнения, которые вам о нем внушают, и умоляю вас по любви вашей ко мне не верить оным, потому что они суть не что иное, как лишь низкая клевета. В надежде, любезный дедушка, что все ваши сомнения исчезнут при получении сего письма и что вы согласитесь составить мое счастье, целую ручки ваши и остаюсь навсегда покорная внучка ваша

Наталья Гончарова».

6 мая 1830 г. семья Гончаровых известила родных и друзей о предстоящей помолвке: «Николай Афанасьевич и Наталья Николаевна Гончаровы имеют честь объявить о помолвке дочери своей Натальи Николаевны с Александром Сергеевичем Пушкиным сего Мая 6 дня 1830 года».

При напечатании извещения была допущена и так и не исправлена ошибка в отчестве матери невесты, Натальи Ивановны.

Все дни, предшествующие помолвке, поэт посвящает своей невесте. Он посетил с ней зал Благородного собрания в Москве, где давали драму Коцебу «Ненависть к людям и раскаяние» с участием трагической актрисы Екатерины Семеновой.

Пушкин обращается к княгине Вере Федоровне Вяземской с просьбой быть посаженной матерью на свадьбе. Он совершенно счастлив. В письме к П. А. Плетневу от 5 мая 1830 г. он пишет: «Ах, душа моя, какую женку я себе завел!».

Но до свадьбы было еще далеко. Пока решались вопросы материального характера, Пушкин в августе 1830 г. выезжает в Болдино. Время, проведенное им в этом старинном имении, известно как знаменитая «болдинская осень». В эти несколько месяцев поэт создал более 40 изумительных произведений.

В сентябре Пушкин пытается покинуть Болдино, но на его пути встают карантины, воздвигнутые в связи с эпидемией холеры. Только 5 декабря 1830 г. он возвращается в Москву. И, наконец, спустя 8 месяцев после помолвки, 18 февраля 1831 г. в Москве в церкви Большого Вознесения на Никитской улице состоялось венчание Пушкина с Натальей Гончаровой.

Первое время молодые живут в Москве, но после нескольких конфликтов с тещей Пушкин переезжает в Петербург и

снимает квартиру в Царском Селе. В письме к П.В. Нащокину поэт пишет: «Мы здесь живем тихо и весело, будто в глухи деревенской...».

Итак, «Карс» покорен, мечты поэта осуществились. Но был ли счастлив он в семейной жизни? Тем, кто сомневается в этом, советуем прочесть письма поэта к невесте и жене. Сохранившиеся 78 писем Пушкина – это подлинный роман о любви и семейном счастье. За шесть лет брака Наталья Николаевна родила четверых детей.

Пушкин неустанно заботился о семье. Будучи всегда в напряженном литературном труде, часто связанном с дальними поездками, поэт шлет жене письма, в которых все его мысли — о здоровье и благополучии семьи.

В ряде исследований Наталью Николаевну характеризуют как женщину, чья жизнь была посвящена только светским удовольствиям и дорогим нарядам. Но это не совсем верно. Она растила и воспитывала детей и посвящала также немало времени литературным трудам своего мужа во время его отсутствия. Стارаясь облегчить материальные заботы мужа, она просит брата выделить ей содержание, какое получают ее сестры: «Сейчас мое положение таково, что я считаю долгом помочь моему мужу в том затруднительном положении, в котором он находится; несправедливо, чтобы вся тяжесть содержания большой семьи падала на него одного...».

Несмотря на то, что в задачу данной статьи не входит разбор обстоятельств, приведших к трагической гибели поэта, все же нельзя не упомянуть некоторые статьи враждебного характера, направленные против жены поэта. Писатель Н.А. Раевский в книге «Портреты заговорили» подробно и убедительно показывает несостоятельность подобных версий. К этому можно добавить, что исследователи, избравшие Наталью Николаевну мишенью для своих нападок, рикошетом попадают в самого Пушкина, который более 160 лет назад сделал свой выбор.

Письма самого поэта, свидетельства современников доказывают нам, что Пушкин был счастлив в семейной жизни, и это – самое главное.

Жэля Прухина

Вас приветствует салон «На Советской»

«Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен...»

А.С. Пушкин

Наш Новосибирск – город культурных традиций: старых, устоявшихся, и совсем молодых, но уже заявивших о себе. Это и Союзы (художников, архитекторов, писателей, журналистов, библиотекарей и др.), Дом актера, Дом М. Цветаевой, Музей Рерихов, «Дворянское собрание», «Пушкинское общество», Фонд В. Высоцкого, клубы («Зажги свечу», «Контакт»), и среди всего многообразия официальных и неофициальных объединений кружок любителей и почитателей искусства, назвавший себя почти 10 лет назад Салоном «На Советской». При выборе названия мы обратились к этимологии слова «Салон», изучив все 4 значения слова, остановились на 2 устаревших значениях: литературно-музыкальный кружок из людей избранного круга, собирающихся обычно в доме какого-либо частного лица.

Обратившись к истории салонной культуры, мы узнали, что зарождение её в России можно отнести к 18 веку (1-ой хозяйкой салона была Наталья Алексеевна Романова, любимая сестра Петра I), но расцвет приходится на 1-ю половину 19 века. К салонной культуре начала 19 века имело отношение не всё дворянство, а только тонкий слой образованной, мыслящей его части. Изначально салоны создавались аристократическими семьями. В их домах собирались писатели,

художники и музыканты, одухотворённые исполнители и благодарные слушатели. Так было на Западе, так было и в России. Умение держать салон П.А. Вяземский называл искусством. Он отмечал как главную особенность салона то, что им может руководить только женщина: «В звании и обязанностях гостеприимной хозяйки дома есть, без сомнения, своя доля художества: тут надо признание и умение. Для полного владычества в салонном царстве женщине не нужно быть первой молодости и даже не второй. Молодость живет только для себя. Нет, лучше, если хозяйка дома в зрелом возрасте, более беспристрастном и бескорыстном». Лишь хозяйка салона с такими данными могла соединить представителей большого света, сановников и красавиц, молодежь и зрелый возраст, людей умственного труда, профессоров, писателей, журналистов, поэтов и художников.

К салонам предъявлялись 2 требования – постоянное место и периодичность встреч. Попасть в салон можно было благодаря родственным или дружеским связям, но стать его постоянным гостем мог тот, кто заинтересует общество своими личностными качествами или творчеством. Хотя не все присутствующие профессионалы, но все разбираются в искусстве, литературе. В салоне можно было послушать живую музыку, обменяться мнениями по тому или иному вопросу. Ведь именно в салоне происходит взаимодействие различных искусств и творческие диалоги. Возрождение ста-ринного обычая музыкально-литературных салонов – это изысканный способ проведения досуга. Граф Матвей Виельгорский (1794 – 1866 гг.) первым в России ввёл моду на знаменитые музыкальные салоны, которые посещали Пушкин, Тургенев, Гоголь, Толстой.

Именно в литературно-музыкальных салонах В.Ф. Одоевского, княгини З. Волконской, братьев Виельгорских и др. проходили вечера, на которых музыка была равноправна с поэзией, философией и политикой.

И вот, по прошествии 2х столетий появляется кружок под названием «Салон на Советской», объединивший любителей

Салон Зинаиды Волконской.
Картина работы Г. Мясоедова

пушкинской поэзии и музыки. Квартиру-салон наполняют звуки фортепиано, скрипки, альта, виолончели, флейты, контрабаса, домры и др., звучат дуэты, квартеты, арии и ариозо.

Прологом к созданию салона стало заседание клуба пенсионеров, любителей искусства, посвященное 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина, и «круглый стол» «Ай да Пушкин!» Хозяйки дома: мать, Анна Ивановна Шибанова, и её дочь, Вера Григорьевна Овчинникова, радушно приняли гостей и поразили их не только хлебосольством, но и солидным интеллектом, нежностью и полным взаимопониманием.

ем между матерью и дочерью. Анна Ивановна, инженер-химик по образованию, диспетчер химзавода в прошлом, изучила самостоятельно историю судеб 104 декабристов и историю царской семьи Романовых, особый интерес у неё вызывала личность Павла I. Любовь к Пушкину, как к «солнцу русской поэзии», мать привила своей единственной дочери Верочки с детства. И её девочка, инженер-программист по образованию, стала пушкинистом, ярким, эмоциональным просветителем и организатором. Желая создать интеллектуальную среду для любимой матери, дочь организовала салон. Как уже было сказано, мы споткнулись на выражении «избранный круг людей». Что за избранный круг среди людей в возрасте от 60 до 90 лет? Но природное чувство юмора, обострённое чувство справедливости и уверенность, что молодым везде у нас дорога, а старики всегда у нас почтё, заставили нас вспомнить, что наши года – это наше богатство. И мы решили щедро поделиться этим сокровищем с другими людьми, тем более, что Пушкин был с нами, и пушкинская тропа привела нас в Новосибирскую консерваторию, к её студентам и преподавателям, в филармонию, в театры города, к писателям, поэтам, художникам, путешественникам и просто душевным людям, жителям Новосибирска, Академгородка и других мест России.

Всё и все оказались на своих местах: хозяйка салона, благодарные слушатели (гости, посетители, завсегдатаи или постоянные посетители и даже ядро салона) и одухотворённые исполнители.

76 тематических встреч и более 100 музыкальных концертов при отличнейшем качестве исполнения – это ли не показатель расцвета салонной культуры в XXI веке? А как раздвинулись возрастные рамки посетителей? – от 17 до 98 лет. «Это невозможно!» – воскликнет обыватель. – «Это естественно и закономерно,» – с достоинством ответят пушкинисты из салона «На Советской».

Это подтвердят и приглашенные – профессора и доценты консерватории: Шевчук Д.Л., Полякова И.В., Робинсон

Б.В., Койфман-Кузина М.А., Сидоров М.А. и др., музыканты камерного оркестра, «Филармоника», «Инсула Магика», «Камерное собрание» (творческие коллективы филармонии); артисты новосибирских театров: Дмитрий Суслов и Татьяна Фомичёва (Музкомедия), Юрий Усачёв (Русский классический театр), Юлия Никифорова и Ольга Колобова (НГАТО-иБ), Евгений Балданов (Красноярская опера). Если сравнить салон с небосклоном, то за это время ярко засветились и звёздочки, и крупные созвездия, освещая пушкинскую тропу. Талант и душевное тепло исходят от двух молодых дам, тонких музыкантов и благородных просветителей. В истории салона у них особое место. Не будем же томить читателя, назовём эти имена... Татьяна Макарова и Елена Иващенко.

Татьяна – скрипачка, создатель камерного собрания, 2-ой концертмейстер камерного оркестра филармонии, большой друг обездоленной детворы, поэт, просветитель. (О Татьяне Макаровой подробно в отдельном очерке).

Елена – пианистка, великолепный аккомпаниатор, преподаватель консерватории, человек фантастических организаторских способностей. За эти годы она привела в салон многих своих питомцев – студентов и даже своего мужа, замечательного певца Д. Суслова. Никто в салоне не сомневается: где Лена – там успех и победа.

Приток молодых свежих сил – это процесс постоянный. Приходя в салон робкими и молодыми, похожими на птенчиков, они улетают в большую жизнь красивыми, гордыми, сильными птицами. Любовь и нежность, восхищение, забота и вера в победу наших юных друзей – музыкантов помогают им твердо и уверенно подниматься к вершинам музыкального Олимпа. Мы болеем, переживаем, молимся за их победу и с нетерпением ждём их возвращения с конкурсов, словно мы их родители, бабушки и дедушки и даже прабабушки и прадедушки.

Леночка Садчикова, Илья Тарасенко и Татьяна Шевченко, Исаак и Анна Нуразяны, Сергей Кузьмин и др. стали Лауреатами и дипломантами международных конкурсов.

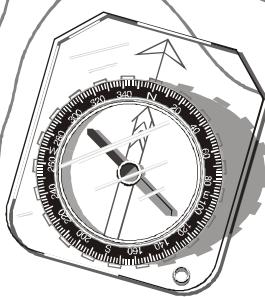
На наших глазах выросли и стали счастливыми семейными парами Исаак и Анна Нуразяны, Илья Тарасенко и Татьяна Шевченко.

Нет сомнений, что наши юные дарования в недалёком будущем не что иное, как интеллектуально-нравственная элита общества.

Сегодня на наших глазах рождается прочный союз поколений, основанный на сочетании благородства, просветительства, высокого чувства благодарности с уверенностью, что Русь-матушка не погибнет, её национальная гордость и культура не исчезнут с лица земли, так как старшее и молодое поколение протянули руки навстречу друг другу с благодарностью и пониманием.

Ученые записки

Нина Медник

“Стансы” (“В надежде славы и добра...”) и их отзвуки в русской литературе

Стансы “В надежде славы и добра...” не принадлежат к числу стихотворений, горячо любимых пушкинистами. Они всегда вызывали смущение и желание у Пушкина – оправдаться, у исследователей – оправдать поэта. Между тем абсолютно прав П.В. Анненков, заметивший, что в Москве, в доме Зубовых, Пушкин написал “превосходные стансы “В надежде славы и добра...”. Действительно, стихотворение это художественно совершенно, в отличие от многих образцов русской и иноязычной политизированной лирики. В нем не заметен след творческого усилия, а тем более насилия, каковыми часто бывают отмечены подобные тексты даже у больших поэтов. Оно цельно и искренне. Сложная же судьба этого стихотворения обусловлена тем, что в нем совместились вещи в культурном сознании непримиримые – абсолют художественности на одном уровне и приятие персонифицированной власти на другом. При этом первое как бы санкционировало возможность второго, усиливая интенцию приятия, обретшую максимальную силу выражения в первых двух стихах. Энергия этих стихов насыщает весь следующий за ними и из них вытекающий текст произведения, и, более того, – выплескиваясь за границы “Стансов”, она порождает связанный с ними сегмент интертекста, простирающийся в постпушкинской литературе вплоть до наших дней.

В этих стихах, особенно в первом из них, создающем сильное резонансное поле, мы обнаруживаем прецедент, обратный тому, который в свое время был описан независимо друг от друга Ю.М. Лотманом и И.Р. Гальпериным. Оба ис-

следователя говорили о возможном в поэзии художественно мотивированном нарушении принципа лексической сочетаемости слов, что, с точки зрения И.Р. Гальперина, способствует возрастанию эстетической информативности текста. В случае же с пушкинскими “Стансами” мы видим, как яркая поэтическая формула образуется и достигает максимума внутреннего сращения не за счет нарушения вышеозначенного принципа, а за счет полноты его реализации. В первом двустишии и особенно в первой строке стихотворения лексический ряд образован словами с предельной степенью сочетаемости, обеспечивающей одновременно максимум семантической энергии. Стихи эти в начале “Стансов” до такой степени органично-уместны, что, кажется, именно здесь место их рождения, определенное поэтом и судьбой. Между тем они имеют текстовую предысторию, которую необходимо учитывать, чтобы понять семантическую полноту сильного поэтического посыла, брошенного Пушкиным в будущее русской литературы. Так, поразительна и одновременно показательна как смысловой интенцией, породившей, пусть не прямое, текстовое эхо, так и родством жизненных ситуаций перекличка пушкинских стансов с почти наверное неизвестной поэту, но, возможно, озвученной в беседе с ним записью Жуковского в дневнике от 27 октября 1817 года, сделанной вскоре после приглашения его ко двору в качестве учителя великой княгини: “*Без всякого беспокойства желания смотрю на будущее и весь отдан настоящему. Милая привлекательная должность. Поэзия, свобода!*” (курсив наш. – Н.М.).

Продолжение этой переклички можно усмотреть и в стихотворении Жуковского “Цвет завета” (1819), написанном по желанию великой княгини Александры Федоровны и, следовательно, соотносимом с тем же фактом биографии поэта:

Что выпал мне на часть удел желанный:
Что младости мечты совершены;
Что не вотще доверенность к надежде
И что *Теперь* пленительно, как *Прежде*.

Надежды, укрепленные оптимистическим соотношением *Прежде и Теперь*, связаны у Жуковского (и, как покажет история, не без оснований) с рождением в 1818 году великого князя Александра Николаевича, на которое поэт откликнулся посланием “Государыне великой княгине Александре Федоровне...” В стихотворении “Цвет завета” он повторяет сюжетный ход послания, соотнося величие прошлого со сладостным предчувствием будущего:

Дойдут к нему возвышенные вести
О праотцах, о доблести, о чести...
О! да поймет он их знаменованье,
И жизнь его да будет им верна!

Этот же ход воспроизводит в “Стансах” Пушкин, берущий на себя миссию *носителя возвышенных вестей*.

Роднит Пушкина и Жуковского в разных, но сходных ситуациях и реакция друзей, которые, как известно, опасались *оцаредворивания* Жуковского и выражали недовольство по поводу его сближения с монаршей семьей (А.И. Тургенев, Вяземский, Блудов и др.).

Имеется определенная предыстория начальной формулы “Стансов” и в творчестве самого Пушкина. За год с лишним до их написания формула эта в несколько измененном и усеченном виде возникает в трагедии “Борис Годунов” в знаменитом монологе Пимена “Еще одно, последнее сказанье...”:

Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро –
А за грехи, за темные деяния,
Спасителя смиренно умоляют .

(курсив наш. – Н.М.)

В этом фрагменте, по сути, уже присутствуют составляющие концептуальной модели будущего стихотворения: царская власть, творимые ею слава и добро, но и темные деяния (в “Стансах” – казни). Говоря о важности этого фрагмента

для интерпретации “Стансов”, следует отметить два момента: один – упомянутый только в плане постановки проблемы – связан с автоцитированием у Пушкина, с “подхватом” им своих поэтических формул, как приведенная выше “за славу, за добро” или “и слезы, и любовь” в “Андрее Шенье” и в послании “К***” (“Я помню чудное мгновенье...”) и других; второй, более важный для нас в данном случае, связан с семантикой слова “слава” в контексте “Стансов” и перекличкой их в этом плане с “Борисом Годуновым” в более широком нежели родство формул аспекте.

В первом стихе “Стансов”, как и в родственной ему формуле из “Бориса Годунова”, слово “слава” может быть прочитано в своем обычном значении – известность, хвалебная мольва, но соседство его со словом “добро”, их парность в контексте двух произведений подталкивают к поиску нетрадиционных семантических вариантов. Обнаруживаются таковые в тексте все той же трагедии “Борис Годунов”, где за словом “слава” порой закрепляется значение не выделенности, исключительности, превосходства, а всеобщего блага. Может быть, наиболее ясно это выражено в монологе царя Бориса, сетующего на невзгоды свои и государства, им возглавляемого:

Мне счастья нет. Я думал свой народ
В довольствии, во славе успокоить,
Щедротами любовь его снискать... (V, 242)

Словосочетание “во славе успокоить” в случае привычного означивания обретает смысл, сходный с выражением “почивать на лаврах”, что для данного контекста решительно неприемлемо. Очевидно, что слово “слава”, будучи вписано в ряд “народ”, “в довольствии”, “щедротами”, обретает новые семантические отсветы, которые в языке закреплены не столько за самим этим словом, сколько за производным от него прилагательным “славный”, которое Пушкин употребляет в третьем стихе “Стансов”, характеризуя дело Петра I – “Начало славных дел Петра...”. В “Борисе Годунове” слово “слава” в таком значении встречается не однажды:

Борис –

О праведник! О мой отец державный!
Воззри с небес на слезы верных слуг
И ниспошли тому, кого любил ты,
Кого ты здесь столь дивно возвеличил,
Священное во власть благословенье:
Да правлю я во славе свой народ,
Да буду благ и праведен, как ты (V, 229);

Пимен о царе Федоре –

И Русь при нем во славе безмятежной
Утешилась... (V, 235).

Таким образом, в первом стихе “Стансов”, как и в “Борисе Годунове”, слова “слава” и “добро” в определенной мере синонимичны и первое фактически обозначает высшую степень второго, представленную в масштабе всеобщности.

Перекличкой с “Борисом Годуновым”, правда, на сей раз не текстуальной и концептуальной одновременно, а только концептуальной, отмечен не только первый, но и последний стих “Стансов” – “И памятью, как он, незлобен”. В трагедии качество это даровано царю Борису, который в диалоге с Шуйским говорит:

Подумай, князь. Я милость обещаю,
Прошедшей лжи опалю напрасной
Не накажу (V, 267).

Та же мысль выражена и в словах Патриарха о Борисе, прозвучавших в ответ на реплику царя: “Предупредить жела л бы казни я” –

Благословен всевышний, поселивший
Дух милости и кроткого терпенья
В душе твоей, великий государь;
Ты грешнику погибели не хочешь,
Ты тихо ждешь – да пройдет заблужденье (V, 290).

Так в “Стансах” возникает своего рода рама, безошибочно ориентирующая их на трагедию “Борис Годунов”, и это важно потому, что конкретика монарших персон, с коими связано стихотворение, при расширении контекста в значительной мере снимается, произведение выходит за, кажется, заданные в нем исторические пределы и концепция его *универсализируется*. Обнаруживается, что “Стансы” базируются на нескольких константах, по отношению к которым Николай I и Петр I есть лишь частности. Первая константа фиксируется во вновь и вновь воспроизводимой, но каждый раз новой и живой для субъекта психологической ситуации, связанной с неугасающими при любых перипетиях надеждами, что очень хорошо понимал и точно обозначил Пастернак, указавший на силу соблазна, не зависящую от временных координат:

Столетье с лишним – не вчера,
А сила прежняя в соблазне
В надежде славы и добра
Глядеть на вещи без боязни.

Именно угадывание вечного *соблазна*, скрытого за первыми стихами “Стансов”, обусловило постпушкинское литературное бытование начальной поэтической формулы их, сделав ее в чем-то похожей на известную формулу “все прекрасное и высокое” у Достоевского, формулу, которая, не утрачивая своей прямой семантики, нередко обретает в произведениях писателя разоблачительное, насмешливое, даже ёрническое звучание. Именно поэтому оказалось возможным использование первого или первых двух стихов “Стансов”, с одной стороны, в речи Достоевского о Пушкине, где стихи эти, приобретая дополнительный пафос, оказываются, по мысли автора, применимыми “ко всей его (Пушкина. – **Н.М.**) национальной творческой деятельности”, в стихотворениях Вяч. Иванова (“Палачам”), Пастернака (“Столетье с лишним – не вчера...”), Е. Евтушенко (“Псковские башни”), А. Городницкого (“Стансы”). С другой стороны, равно возможным ока-

зывается использование первого стиха стансов со сниженным, ироническим значением, как это делает Салтыков-Щедрин в сказке “Соседи” или Набоков в романе “Дар”, где он вкладывает слегка измененную и наполненную язвительной иронией пушкинскую формулу в уста Васильева: “Ну, в те годы, когда я видел его (некоего советского деятеля, потерявшего власть после смерти Ленина – Н.М.), он был в зени-те славы и добра”, – говорил Васильев, профессионально перевириая цитату”.

Вторая константа, содержательно выходящая за пределы чистой субъективности, обнаруживает свою универсальность не только в интертексте, но и в пределах собственно пушкинского жизненного и дискурсивного локуса – она связана с проблемой отношений поэта и власти и шире – художника и власти. Не будем воспроизводить здесь известную всем историю, обусловившую создание Пушкиным стихотворения “Друзьям” (1828). Напомним лишь об оговоренной уже ситуации с призванным ко двору Жуковским, несомненно важной для Пушкина, и о двух пушкинских заметках – “Воображаемый разговор с Александром I”, написанной за год с небольшим до “Стансов” и в шутливой форме моделирующей беседу поэта с государем, которая уже в серьезной форме с другим монархом состоялась 8 сентября 1826 года, то есть примерно за три с половиной месяца до создания “Стансов”, и сохранившийся фрагмент из воспоминаний, написанный в годы ссылки в Михайловском, где речь идет об “Истории государства Российского” Карамзина и в связи с этим воспроизводится ситуация, почти зеркально подобная той, в какой окажется автор “Стансов” в 1826–1828 годах. “Молодые якобинцы негодовали, – пишет Пушкин, – несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным рассказом событий, казались им верхом варварства и унижения. Они забывали, что Карамзин печатал “Историю” свою в России; что государь, освободив его от цензуры, сим знаком доверенности некоторым образом налагал на Карамзина обязанность всевозможной

скромности и умеренности <...> Повторяю, что “История государства Российского” есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека” (VIII, 67-68).

Таким образом, в жизни Пушкина в 1826 году происходят события, *уже имеющие опережающую их интерпретацию*. Весьма вероятно, что в сознании поэта “Стансы”, как и “Борис Годунов”, связаны с “Историей государства Российского” и даже ориентированы на нее, а следовательно, гораздо более масштабны по своему значению, чем принято считать.

Как и первая, эта константа с учетом последующего исторического опыта воспроизводится в стихотворении Пастернака “Столетье с лишним – не вчера...” В целом контексте жизненной и творческой ситуации, связанной с этим стихотворением, у Пастернака много “общих точек” с Пушкиным. Известно, что Пастернак не однажды встречался со Сталиным. Встречи эти были для него глубоко знаменательны, и не только не исключено, но почти наверное впечатления от личной беседы с главой государства во многом определили интенцию стихотворения “Столетье с лишним – не вчера...”, как и других стихотворений, вошедших в книгу “Второе рождение”.

Роднит Пушкина и Пастернака и ощущение некой двойственности при абсолютно искреннем приятии персонифицированной власти: тень ее в лице Бенкендорфа давит на Пушкина, что ясно видно из писем поэта, а Пастернак во время, близкое к созданию интересующего нас стихотворения, в том же 1931 году, во второй части “Охранной грамоты”, говоря о Тинторетто, воспроизводит как неизбытно универсальную, неизменную в своем трагизме модель отношений художника и власти. Следует также учесть, что пастернаковские стансы, как о том свидетельствует рукопись, хранившаяся у Вл. Лидина, были включены поэтом в трехсоставный цикл, последнее стихотворение которого (“Будущее! Облака встрепанный бок!”) задает новое направление теме соблазна, представляя его как лукавое искушение и таким образом корректируя пафос первых двух произведений цикла.

Третья константа надсубъектна, хотя и порождена конкретным авторским сознанием. В “Стансах” она реализуется в виде концепта, связанного с представлением об истории как о череде и сложном внутреннем соотношении темных и светлых времен и деяний. До “Стансов” тот же концепт в виде нелинейного коррелята замысла и результата, а также поступка, его резонанса и последствий был образно и сюжетно воплощен в “Борисе Годунове”, что позволяет говорить о нем как о важной составляющей пушкинской философии истории в целом. В “Стансах” все эти ситуационные ряды соединились в напряженно-компактной свертке лирического текста, образовав некую надвременную универсалию, которая в значительной степени определила звучание дальнего эха, порожденного пушкинским стихотворением. Именно культурно-историческая константность, всеобщность модели, представленной в “Стансах”, позволяет вполне корректно соотносить их с произведениями, лежащими в совсем иных временных и пространственных пределах. Не случайно М.Л. Гаспаров, говоря о IV эклоге “Буколик” Вергилия для характеристики ее использует два начальных стиха пушкинских “Стансов”. “Для Вергилия, – пишет он, – это примирение (Октаавиана и Антония. – Н.М.), прославленное IV эклогой, было первым случаем без боязни взглянуть в будущее “в надежде славы и добра”, и, взглянув, он уже не отводил от него взгляда”.

Долго-вечность этой константы определяется ее способностью оживать и актуализироваться в различных условиях благодаря тому, что она не только не срастается с конкретными именами властителей, но и не содержит указания на *форму* власти. Речь во всех случаях идет о лучшем в сравнении с прошедшим или настоящим, будущем, приближающимся или осуществляемом некой силой, принимающей в истории разные обличья, силой, которая порой несет в себе самой потенциал реорганизации и глубоких внутренних ценностных преобразований. В “Стансах” воспроизведен лишь один из возможных ликов этой силы – царская власть в ее

одновременно и конкретно-именном и универсальном воплощении, но далее в произведениях, содержащих отзвуки пушкинского стихотворения, субъекты действия меняются: Сталин, но и более – некий Властитель – у Пастернака; не обретшая ясного обозначения новая сила у Вяч. Иванова, которая у Пушкина в таковом же качестве до “Стансов” была представлена в стихотворении “Андрей Шенье”; символически наделенные царственными признаками и выполняющие миссию хранителей-воскресителей государства псковские кузнецы у Е. Евтушенко. Отсылка к “Стансам” во всех этих случаях закрепляет за *частным* явлением статус универсальной исторической модели, выводя частное за его собственные пределы. Именно о такой модели говорит Л.Я. Гинзбург в заметках «Еще раз о старом и новом (Поколение на повороте)», бесценных по глубине понимания неких исторических коллизий и поведения человека в этих ситуациях (*завороженность, поиск совместности*). Слом данной модели происходит лишь в “Стансах” Александра Городницкого, которого более занимает не третья, а вторая из описанных нами констант. В результате его стихотворение задает иную универсалию, связанную с *всегда* страдательными отношениями художника с властью, *неизменно* представленной в виде злодеев и мучителей. Такая интерпретация, однако, лежит в стороне не только от магистральной линии порожденного пушкинскими “Стансами” интертекста, но и от самого стихотворения Пушкина и явно подразумеваемого А. Городницким стихотворения Пастернака “Столетье с лишним – не вчера...”, *цельные* тексты которых остаются вне поля зрения современного поэта. И все-таки в плане самого факта *универсализации* лирической и/или исторической ситуации А. Городницкий остается в русле тенденции, заданной Пушкиным.

Таким образом, до сего дня принятное толкование “Стансов” в системе конкретики факта (встреча и разговор Пушкина с Николаем I, Николай I и Петр I) представляется нам как минимум узким, как максимум – некорректным.

В “Стансах” счастливо встретились, образовав единый узел, точность и емкость поэтических формул и общезначимые, непреходящие проблемы творческого и исторического бытия *в их универсализированном воплощении*. Именно поэтому пушкинское стихотворение ныне звучит столь же актуально, как и в момент его создания, как и почти “столетье с лишним – не вчера”, когда из “Стансов” заимствовал Пастернак язык интерпретации истории.

*Страницы
школьному
учителю*

Наталья Иванова, Омск

Болдинская осень

Литературно-музыкальная композиция

Звон колокольчиков, приближающаяся тройка

1 -й чтец:

*Везде холера, всюду карантины,
И отпущеня вскорости не жди,
А перед ним пространные картины
И в узких окнах долгие дожди.
Но почему-то сны его воздушны,
И, словно в детстве, бормотанье – вздор,
Но почему-то рифмы простодушины
И мысль ему любая не в укор.
Какая мудрость в каждом сочиненье!
Согласный с гласным, есть ли в том
корысть?
И кто придумал это сочиненье?
Какая это радость – перья грызть!
Быть хоть ненадолго с собой в согласье
И доверяться своему уму.
Кому прочесть – Анисье иль Настасье,
Ей-богу, Пушкин, все равно кому!
И заполночь пиши и спи за полдень,
И будь счастлив, и бормочи во сне,
Благодаренье богу, ты свободен
В России, в Болдине, в карантине! (Д. Самойлов)*

1-й ведущий:

Среди бескрайней волнистой равнины раскинулось старинное русское село Большое Болдино. Живописно расположенное по возвышенному берегу небольшой реки Азанки, летом оно тонет в зелени, сквозь которую сверкает синева прудов. Но необычайное чувство охватывает

нас при въезде в это село: здесь жил Пушкин, здесь создал многие из своих бессмертных произведений; по этой дороге не раз ходил или ездил верхом в рощу Лучинник, обдумывая свои творческие замыслы; в этих прудах отражалась его невысокая фигура.

Болдинская осень. Три месяца, проведенные Пушкиным в глухом нижегородском селе. Три месяца... В истории мировой литературы по накалу творческой энергии – небывалый, необъяснимый, ослепительный всплеск пушкинского вдохновенья.

2-й ведущий:

В начале XVII века русские потомственные дворяне Пушкины получили в наследственное владение землю «в Арзамасском уезде, залесном стану.. под большим мордовским черным лесом...» Каким же увидел Пушкин этот уголок?

1-й ведущий:

Открытые безлесные пространства по обе стороны от дороги, сжатые поля. Стога соломы на желтеющей стерне, прозрачный сентябрьский воздух... У самого въезда в село – пустынное кладбище. И вот – низкие избы, порыжевшие ветлы, пруд и величественно вознесшаяся надо всем вокруг белая церковь.

2-й ведущий:

Барская усадьба – большой дом с мезонином. Белые колонны поддерживают кровлю над крыльцом. Так строили в начале прошлого века.

Более ста шестидесяти лет прошло с тех пор. В наши дни в Болдине открыт музей-заповедник А.С. Пушкина, ставший местом паломничества для тысяч людей. Он включает в себя усадьбу Пушкиных, заповедную рощу Лучинник, дом и сад старшего сына поэта в селе Львовка. С недавнего времени к нему относится и здание Болдинской церкви, построенное в конце XVIII века дедом А.С. Пушкина; ведутся работы по реставрации этого памятника.

Многое изменилось с течением лет в болдинской усадьбе... Вероятно, в начале XIX века в дни приездов поэта дом выглядел беднее и не был еще достаточно приспособлен и удобен для жизни. Позднее потомки Льва Сергеевича, младшего брата поэта, жившего постоянно в Болдине, расширили усадьбу, посадили большой фруктовый сад. Но, несмотря на перемены, в этом заповедном уголке – в тишине его дома, в тенистых аллеях, где живы еще деревья – современники поэта, в шуме ветра, в пении птиц, в запахах цветов и трав – сохранился аромат пушкинского времени.

Живописна центральная часть усадьбы.

В середине ровной, посыпанной песком площадки стоит деревянный барский дом. В нескольких шагах от него блестит зеркало верхнего

пруда. Ветлы склонили над черной неподвижной водой гибкие ветви с узкими серебристыми листьями. Изящный белый мостик перекинут с одного берега на другой. Над перилами нависают густые ветки наклонно растущей ели.

В низине прячется маленький колодец.

Дом Пушкиных – архитектурный центр усадьбы. Он кажется внушительным и рассчитан на жизнь нескольких поколений владельцев. Подобно жилищу Онегина,

*«Почтенный замок был построен,
Как замки строиться должны:
Отменно прочен и спокоен,
Во вкусе умной старины...»*

Со времени приездов Пушкина здание неоднократно перестраивали, расширяли, но и сейчас облик его характерен для жилых построек начала прошлого столетия.

Дом соснового и дубового леса, одноэтажный, с мезонином, обшит тесом. Облицовка углов и наличников окон напоминает каменную рустовку. Центральный вход украшен верандой с невысокой балюстрадой и портиком, служащим основанием для балкона. Имеется боковое крыльце с двумя колоннами. Обычна для пушкинского времени двухцветная охристо-белая окраска.

Перед домом растет высокая, стройная, с раздвоенной верхушкой лиственница. По преданию, Пушкин привез ее совсем молоденьким дедушкой с Урала в 1833 году. Осенью мягкая хвоя лиственницы желтеет, опадает, весной появляется вновь. Иногда ветер обламывает со старого дерева хрупкие ветки; увядая, иголки пахнут терпко и нежно...

В доме семь комнат. Давайте навестим дом поэта, приют его трудов и вдохновенья.

1 –й ведущий:

В парадном зальце над диваном – знакомое изображение самого Пушкина. На столе в альбоме одного из гостей – стихотворение, записанное рукой поэта.

Следующая комната представляет собой уголок помещичьей гостиной. На стене – портрет неизвестного в костюме османнадцатого столетия. На простом крестьянском столе – «ревизские сказки села Болдино, списки недоимок», «оброчные книги», «тетрадь приходу и расходу», «книга для записи расходу мирских денег», на старинном бюро – календари-месяцесловы. Далее – кабинет: легкий письменный стол красного дерева, высокий подсвечник с оплавившей свечою, чернильный прибор, открытая книга – сочинения четырех английских поэтов. Рукописи разложены, перо небреж-

но брошено поверх, ящик стола приоткрыт, кресло слегка отодвинуто в сторону. Хозяин отлучился ненадолго, сейчас вернется.

2-й ведущий:

Пушкин приехал в родовое имение, чтобы вступить во владение, но, задержанный холерой, остался в Болдине до зимы. И вот судьба повернула беды оборотной стороной.

Не раз уже в жизни Пушкина бывало – вынужденное бездействие вызывает в нем творческие силы. Здесь, в Болдине, за три осенних месяца вынужденного одиночества великий поэт одарил мир множеством произведений: стихами, прозой, драмами. Так неудачи и горести вознаграждаются вечными художественными ценностями.

Из болдинского поэтического календаря Пушкина.

3-й ведущий:

7 сентября – «Бесы».

8 сентября – «Элегия».

9 сентября – «Гробовщик», письма: к Н.Н. Гончаровой, к А.Н. Гончарову, к Плетневу.

13 сентября – «Сказка о попе и работнике его Балде», «Сказка о медведицах».

14 сентября – «Станционный смотритель», «От издателя» к Повестям покойного Ивана Петровича Белкина.

15–18 сентября – «Путешествие Онегина».

19–20 сентября – «Барышня-крестьянка».

21–25 сентября – «Евгений Онегин», песнь IX.

26 сентября – «Труд», «Ответ анониму».

29 сентября – Письмо Плетневу.

30 сентября – Письмо Н. Н. Гончаровой.

1-й ведущий:

Пятый день пребывания в Болдине. Он отыскал черновой набросок стихотворения. Раскрыта толстая тетрадь, рядом положены листки для чистовика. Взял перо, подумал... Заглавия до сих пор не было. И сразу набело – «Бесы». Первая строка – набело из черновика, а потом исправления, варианты. Напишет, зачеркнет, напишет по-другому – проще, точнее. Фантазия рождает образ за образом. Стихотворение закончено. Изящный росчерк пера, дата – 7 сентября, Болдино. Первое болдинское стихотворение. Болдинская осень началась.

2-й чтец:

Мчатся тучи, вьются тучи;

Невидимкою луна

*Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!
«Эй, пошел, ямщик!..» – «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.
Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон – теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... «Что там в поле?» –
«Кто их знает? Пень иль волк?»
Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вот уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслися;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собралися
Средь белеющих равнин.
Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре*

Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! Куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

(А. С. Пушкин. «Бесы»)

2-й ведущий:

Пушкин приехал в Болдино в подавленном настроении. Не случайно первыми стихотворениями этой осени были, во-первых, одно из самых тревожных и напряженных стихотворений Пушкина «Бесы» и, во-вторых, отдающая глубокой усталостью, в которой даже надежда на будущее счастье окрашена в меланхолические тона, «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...»). Но «Элегия» – это и полуоткрытый болдинский дневник – тревога и постепенное облегчение, пора гармонии и чудного вымысла.

3-й чтец:

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино, – печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:

Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть – на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

(А. С. Пушкин. «Элегия»)

1-й ведущий:

Пушкин чувствовал, что обретает столь необходимое ему душевное спокойствие. Всем своим существом он ощутил тогда благотворное влияние любимой им деревенской осени. Счастливо работалось.

4-й чтец (мужчина, читающий письма Пушкина):

«Ах, мой милый! Что за прелесть здешняя деревня! Вообрази: степь да степь; соседей ни души; езди верхом сколько душе угодно, пиши дома сколько вздумается, никто не помешает. Уж я тебе наготовлю всячины, и прозы, и стихов».

(Пушкин – Плетневу. 9 сентября 1830 г. Болдино)

2-й ведущий:

Еще никогда ему так не писалось! И вот снова ясный сентябрьский вечер, зажженные свечи, раскрытая тетрадь на столе, тишина. Завершена очередная повесть – скатая, легкая, точная, как две предыдущие. Ивана Петровича Белкина еще нет, но уже есть три повести этого замечательного цикла – «Гробовщик», «Станционный смотритель», а сегодня – «Барышня-крестьянка». С какой-то особенной тщательностью и точностью Пушкин ставит дату: Болдино, 20 сентября. 9 часов вечера.

5-й чтец:

«...что за прелесть эти уездные барышни! Воспитанные на чистом воздухе, в тени своих садовых яблонь, они знание света и жизни почерпают из книжек. Уединение, свобода и чтение рано в их возрасте развивают чувства и страсти, неизвестные рассеянным нашим красавицам. Для барышни звон колокольчика есть уже приключение, поездка в близкий город полагается эпохой в жизни, и посещение гостя оставляет долгое, иногда и вечное воспоминание. Конечно, всякому вольно смеяться над некоторыми их странностями, но шутки поверхностного наблюдателя не могут уничтожить их существенных достоинств, из коих главное: особенность характера, самобытность, без чего, по мнению Жан-Поля, не существует и человеческого величия. В столицах женщины получают, может быть, лучшее образование; но навык света скоро сглаживает характер и делает души столь же однообразными, как и головные уборы. Сие да будет сказано не в суд и не во осуждение, как пишет один старинный комментатор.»

(А. С. Пушкин. Отрывок из «Барышни-крестьянки»)

1-й ведущий:

«Вот начало большого стихотворения, которое, вероятно, не будет окончено», – пишет Пушкин в предисловии к первой главе «Евгения Онегина». «Живой и постоянный, хоть малый труд» следует повсюду за тем,

кто однажды вызвал его на свет. И вот – конец. Сталкиваются, переплетаются разные годы, разные края – вся жизнь; окончательное воссоединение частей – здесь, за Арзамасом и Лукояновом. Точная дата события: 25 сентября, 3, 1/4 часа. Наверное, ночи...»

Мы привыкли читать «*Онегина*», каким он стал согласно последней воле Пушкина, но девятая глава еще не стала восьмой; мы в Болдине и обязаны представить себе эту главу именно так, как она была закончена здесь в сентябре 1830 года – как предпоследнюю волю поэта.

6-й чтец:

*В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал,
В те дни в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муга стала мне.
Моя студенческая келья
Вдруг озарилась: муга в ней
Открыла пир младых затей,
Воспела детские веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.
И свет ее с улыбкой встретил;
Успех нас первый окрылил;
Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.*

(«Евгений Онегин». Песнь IX, в болдинском варианте, или VIII глава варианта общеизвестного)

7-й чтец:

*Миг вожделенный настал:
окончен мой труд многолетний.
Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?
Или, свой подвиг свершив,
я стою, как поденщик ненужный,
Плату приявшим свою, чуждый работе другой?
Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатов святых?*

(А. С. Пушкин. «Труд». 26 сентября 1830 г. Болдино)

2-й ведущий:

Теплый солнечный сентябрь кончился. Полили дожди. Все вокруг заполнили лужи и липкая грязь. Потемневшие низкие домики, казалось, вросли в землю. В эти дни Пушкин узнал, что холера в Москве. Сентябрьские работы окончены, а уехать не довелось. Стало быть, рано складывать тетради и листы и садиться в экипаж.

Начинается болдинский октябрь – время настоящего холерного заточения, одиночества, мучительного неведения о невесте, друзьях, близких. Было неизвестно, что ждет его самого.

4-й чтец:

«Въезд в Москву запрещен, и вот я заперт в Болдине. Во имя неба, дорогая Наталья Николаевна, напишите мне, несмотря на то, что вам этого не хочется. Скажите мне, где вы? Уехали ли вы из Москвы? Нет ли окольного пути, который привел бы меня к вашим ногам? Итак, вы в деревне, в безопасности от холеры, не правда ли? Пришлите же мне ваш адрес и сведения о вашем здоровье. Что до нас, то мы оцеплены карантинами, но зараза к нам еще не проникла. Болдино имеет вид острова, окруженного скалами. Ни соседей, ни книг. Погода ужасная. Я провожу время в том, что мараю бумагу и злюсь...»

(Пушкин – Н. Н. Гончаровой. 11 октября 1830 г. Болдино)

1-й ведущий:

Стояла поздняя осень с бесконечными темными ночами, с ветрами, дующими по нескольку дней кряду. Пушкин работал, устроившись на диване, и здесь же засыпал, иногда под утро.

Из болдинского поэтического календаря Пушкина. 3-й ведущий:

1 октября – «Царскосельская статуя», «К переводу Илиады».

2 октября – «Глухой глухого звал к суду...»

3–4 октября – «Дорожные жалобы».

5 октября – «Прощание».

6–7 октября – «Паж, или Пятнадцатый год».

8 октября – «Я здесь, Инезилья», «Пред испанкой благородной».

10–11 октября – «Рифма», «Отрок», Письмо Н. Н. Гончаровой.

12–14 октября – «Выстрел».

15–16 октября – «Эпиграмма» («Не то беда, Авдей Флюгарин»), «Моя родословная», «Два чувства...», «Когда порой воспоминанье».

17 октября – «Стамбул гяуры нынче славят», «Заклинание».

18–19 октября – сожжена X глава «Евгения Онегина».

20 октября – «Метель».

21–23 октября – «Скупой рыцарь».

24–25 октября – «Об Альфреде Мюссе», «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы», «В начале жизни школу помню я».

26 октября – «Моцарт и Сальери», «Отрывок» в прозе.

27–29 октября – «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений», «Оправдания на критики и замечания на собственные сочинения», «Заметка о поэме «Граф Нулин», «Дельвигу».

30–31 октября – «Герой».

2-й ведущий:

Замечательно разнообразные творения, иногда непосредственно связанные с тем, что вокруг; порою – далекий полет воображения, воспоминания... Какая-то особенная, внутренняя раскованность, свобода: ответ на непредвиденное препятствие или подарок судьбы. Холера, пожары, смерть ходят рядом – вот что беспрерывно питает важные мысли о жизни, о прошлом, о судьбе... На большом листе бумаги Пушкин пишет на бело: «Долго ль мне гулять на свете...».

Стихотворение, начатое, задуманное раньше на какой-нибудь из больших дорог – в Арзрум, Москву, Болдино? Пушкин – беспокойный скитающийся, странник, размышляющий о горестной разлуке, блуждающей судьбе, но страстно желающий жить, «мыслить и страдать».

Романс «Дорожные жалобы»

Музыка Бернарда, стихи А. С. Пушкина.

8 октября родилось новое стихотворение «Я здесь, Инезилья». Поэтическое воображение легко и смело устремляется в любые края и века. Испания чем-то особенно влечет поэта и его современников. Испанская баллада была внушена Пушкину Барри Корнуоллом, томик стихов которого он привез в Болдино.

По словам Анненкова, Пушкин «до последнего времени сохранил особенное расположение к этому поэту, вероятно, – столько же за энергию его произведений, сколько и за его подражания стилю и приемам старых драматургов Англии». Из его сочинений, между прочим, заимствован «Пир во время чумы». За два дня до своей смерти Пушкин писал о нем А.О. Ишимовой, рекомендую для перевода его драматические очерки и прибавляя: «Вот как надо писать».

«Я здесь, Инезилья» – подражание «Серенаде» Барри Корнуолла, из которой взят только один первый стих, все же остальное принадлежит самому Пушкину. Читаешь стихотворение, а в памяти возникает музыка Глинки. Оба произведения почти неразделимы, ведь читатели впервые познакомились с «Инезильей» по отдельно изданному романсу.

Романс «Я здесь, Инезилья»

Музыка Глинки, стихи А.С. Пушкина.

1-й ведущий:

Болдинская осень продолжается... Еще один лист... Пушкин начинает переписывать набело черновик другого стихотворения: «Два чувства Богом нам даны...». Поэт обращается к важнейшей, дорогой ему мысли – о том, как связана любовь к своему дому, селению, «пепелищу» с почитанием прошлого, предков, истории, традиции.

4-й чтец:

«Гордиться славой своих предков не только можно, но и должно, не уважать оных есть постыдное малодушие». (А.С. Пушкин).

1-й ведущий:

В Болдине, в старом доме, где обитало несколько поколений, особенно легко, естественно ощущалась связь времен – «любовь к родному пепелищу и к мертвым прадедам любовь». Переписывая стихотворение, поэт продолжает зачеркивать, менять слова, строки – и лист беловика постепенно становится опять черновым. Стихотворение осталось незаконченным, но и в таком виде оно прекрасно.

8-й чтец:

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.
Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Без них наш тесный мир – пустыня,
Душа – алтарь без божества.*

(А.С. Пушкин. «Два чувства дивно близки нам»)

2-й ведущий:

За окном непроглядная темень. Окно только отражает освещенный горящими свечами стол, часть стены с темными пятнами портретов и Пушкина, сидящего у печи в старом, обитом кожей кресле, рассеянного и грустного. Кажется, никогда еще поэт не оставался в таком одиночестве и никогда не был так поглощен мыслями о своей судьбе. О своем прошлом, о смысле бытия. Осенней ночью в пустом деревенском доме Пушкин размышляет о смысле жизни.

9-й чтец:

*Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня.
Парки бабье лепетанье,
Сияющей ночи трепетанье,
Жизни мышия беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шепот?
Укоризна или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...*

(А. С. Пушкин. “Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы”)

2-й ведущий:

В последние дни месяца Пушкин завершает стихотворение, в котором многое сплелось: мысли о «достопамятной эпохе» и о событиях буквально сегодняшних, раздумья исторического масштаба и беспокойство о близких, оставшихся в зараженной Москве. Стихи, как и книги, имеют свою судьбу.

Это стихотворение напечатано еще при жизни поэта, в 1831 году. Но никто не знал тогда, что оно принадлежит Пушкину: таково было условие поэта.

Современники словно бы дважды открыли для себя стихотворение «Герой» – сначала как стихотворение вообще, потом – как стихотворение Пушкина. Что же за тайна окружила это произведение? Приоткроем ее.

Известия о холере в Москве вызвали энергичные меры правительства. Николай I, проявив решительность и личное мужество, прискакал в охваченный эпидемией город. Для Пушкина этот жест получил символическое значение: он увидел в нем соединение смелости и человеколюбия, залог готовности правительства не прятаться от событий, не цепляться за политические предрассудки, а смело пойти навстречу требованиям момента. Он ждал реформ, надеялся на прощение декабристов.

«Каков государь? молодец! того и гляди, что наших каторжников простит – дай бог ему здоровья».

(Пушкин – Вяземскому. 5 ноября 1830 г. Болдино)

Тайно ото всех Пушкин переслал «Героя» в Москву Погодину.

«Посылаю вам... Апокалиптическую песнь. Напечатайте, где хотите, хоть в «Ведомостях», но прошу вас и требую именем нашей дружбы не объявлять никому моего имени. Если московская цензура не пропустит ее, то перешлите Дельвигу, но также без моего имени и не моей рукою переписанную...»

(Пушкин – Погодину. Начало ноября 1830 г. Болдино)

Стихотворение посвящено Наполеону: величайшим деянием его поэт считает не военные победы, а милосердие и смелость, которые он якобы проявил, посетив чумный госпиталь в Яффе. И тема, и дата под стихотворением (29 сентября 1830 г. Москва) намекали на приезд Николая I в холерную Москву. Этим и была обусловлена конспиративность публикации: Пушкин боялся и тени подозрения в лести – открыто высказывая свое несогласие с правительством, он предпочитал одобрение выражать анонимно, тщательно скрывая свое авторство.

Однако, стихотворение имело и более общий смысл: Пушкин выдвигал идею гуманности как мерила исторического прогресса. Не всякое движение истории ценно – поэт принимает лишь такое, которое основано на человечности. “Герой, будь прежде человек”, – писал он в 1826 году в черновиках “Евгения Онегина”. Теперь эту мысль поэт высказывает печатно и более резко:

*«Оставь герю сердце! Что же
Он будет без него? Тиран...»*

1-й и 2-й чтецы:

Что есть истина?

Друг:

*Да, слава в прихотях вольна.
Как огненный язык, она
По избранным главам летает,
С одной сегодня исчезает
И на другой уже видна.
За новизной бежать смиренно
Народ бессмысленный привык;
Но нам уж то чело священно,
Над коим вспыхнул сей язык.
На троне, на кровавом поле,
Меж граждан на чреде иной
Из всех избранных кто всех боле
Твою властвует душой?*

Поэт:

Все он, все он – пришелец сей бранный,
Пред кем смирилися цари,
Сей ратник, вольностью венчанный,
Исчезнувший, как тень зари.

Друг:

Когда же твой ум он поражает
Свою чудною звездой?
Тогда ль, как с Альпов он взирает
На дно Италии святой;
Тогда ли, как хватает знамя
Иль жезл диктаторский; тогда ль,
Как водит и кругом и вдаль
Войны стремительное пламя,
И пролетает ряд побед
Над ним одна другой вослед;
Тогда ль, как рать героя плещет
Перед громадой пирамид,
Иль как Москва пустынно блещет,
Его приемля, – и молчит?

Поэт:

Нет, не у счаствия на лоне
Его я вижу, не в бою,
Не зятем кесаря на троне,
Не там, где на скалу свою
Сев, мучим казнию покоя,
Осмеян прозвищем героя,
Он угасает недвижим,
Плащом прикрывшись боевым.
Не та картина предо мною!
Одров я вижу длинный строй.
Лежит на каждом труп живой,
Клейменный мощною чумою,
Царицею болезней... он,
Не бранной смертью окружен,
Нахмурясь ходит меж одрами
И хладно руку жмет чуме
И в погибающем уме
Рождает бодрость... Небесами
Клянусь: кто жизнью своей
Играл пред сумрачным недугом,

*Чтоб ободрить угасший взор,
Клянусь, тот будет небу другом,
Каков бы ни был приговор
Земли слепой...*

Друг:

*Мечты поэта –
Историк строгий гонит вас!
Увы! его раздался глас*, –
И где же очарованье света!*

Поэт:

*Да будет проклят правды свет,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, к соблазну жадной,
Он угождает праздно! – Нет!
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возышающий обман...
Оставь герою сердце! Что же
Он будет без него? Тиран...*

Друг:

Утешься.....

(29 сентября 1830 г. Москва)

1-й ведущий:

Октябрь на исходе. Пушкин пишет письмо Плетневу:

4-й чтец:

«Я сунулся было в Москву, да узнав, что туда никого непускают, воротился в Болдино да жду погоды. Ну уж погода!.. Мне и стихи в голову не лезут, хоть осень чудная; и дождь, и снег, и по колено грязь...».

1-й ведущий:

На дворе «встает заря во мгле холодной». Ноябрь. Холера не унимается, карантины – на всех дорогах. Болдинская осень продолжается.

Из болдинского поэтического календаря Пушкина.

3-й ведущий:

1 ноября – «История села Горюхина», «О втором томе «Истории русского народа» Полевого». Письмо Погодину.

2–4 ноября – «Каменный гость», «Отрывою» («Не розу пафосскую...»). Письмо Н. Н. Гончаровой. Письмо Дельвигу.

* *Memoires de Bourrinne* (Примечание А. С. Пушкина).

5 ноября – «Возражения критикам «Полтавы», «Баратынский», Письмо Вяземскому, Письмо Осиповой.

6–8 ноября – «Пир во время чумы». «На перевод Илиады».

18 ноября – Письмо Н.Н. Гончаровой.

19–26 ноября – «О народной драме и Марфе Посаднице» М.П. Погодина.

26 ноября – Письмо Н.Н. Гончаровой.

27 ноября – «Для берегов отчизны дальний...».

28 ноября – Предисловие к «Евгению Онегину», «Цыганы».

2-й ведущий:

В широкополой шляпе, со шпагой, в плаще бесстрашный рыцарь и пылкий любовник стоит под деревом за городскими воротами, ждет темноты. Вдали видны кровли домов. Шпили соборов. Еще немного, и Дон Гуан войдет в Мадрид, где узнает новое чувство, от которого «весь переродится» – и умрет от тяжелой руки Командора. А пока полная прекрасных опасностей жизнь манит его.

Первая песня Лауры из оперы «Каменный гость»

Музыка Даргомыжского

1-й ведущий:

Хорошо, что Пушкин в Болдине! Вдохновение его не оставляет, и не слышит он вокруг пересудов о неудавшемся его счастье. Благодатная пора!

4-й чтец:

«Посылаю тебе, барон, вассальскую мою подать, именуемую Цветочную, по той причине, что платится она в ноябре, в самую пору цветов... Нынешняя осень была детородна... Скажи Плетневу, что он расцеловал бы меня, видя мое осеннее прилежание».

(Пушкин – Дельвигу. 4 ноября 1830 г.)

1-й ведущий:

Почти месяц сидеть ему еще в Болдине, отрезанному от бела света. Он не просто сидит – работает. Перевод одной неполной сцены из Вильсоновой драматической поэмы превратился в Маленькую трагедию, по глубине мысли и художественному совершенству намного превосходящую обширный английский подлинник.

Человек и неминуемая гибель. Как встретить смерть, противостоять черному поветрию, уносящему людей в мрачную бездну? Как жить накануне – за час, за минуту до рокового мгновения? Об этом говорят, спорят герои. Лондонская чума 1665 года и российская холера, державшая Пуш-

кина в Болдине... В песнь Председателя он вложил то, что сам постиг в эту тревожную осень.

Болдинская осень. Пир вдохновения. Мужество, мужество... До последнего мгновения, до выстрела на Черной речке, до тихого звона часов в кабинете, с которого начнется бессмертие, гордо и непреклонно будет встречать Пушкин судьбу.

И не о своей ли жизни, не о своей ли «блуждающей судьбе» думает он, вдохновенно трудясь в окруженней карантинами наследственной «берлоге» над последней своей Маленькой трагедией, название которой войдет в пословицу – «Пир во время чумы».

10-й чтец:

*Когда могущая Зима,
Как бодрый вождь, ведет сама
На нас косматые дружины
Своих морозов и снегов, –
Навстречу ей трещат камини,
И весел зимний жар пирров.
Царица грозная, Чума
Теперь идет на нас сама
И льстится жатвою богатой;
И к нам в окошко день и ночь
Стучит могильною лопатой.
Что делать нам? и чем помочь?
Как от проказницы Зимы,
Запремся так же от Чумы,
Зажжем огни, нальем бокалы,
Утопим весело умы
И, заварив пиры да балы,
Восславим царствие Чумы.
Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.
Все, все, что гибелю грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья –
Бессмертия, может быть, залог,
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог.*

*Итак, – хвала тебе, Чума,
Нам не страшна могилы тьма,
Нас не смутит твое призванье.
Бокалы пеним дружно мы,
И девы-розы пьем дыханье, –
Быть может... полное Чумы.*

(А. С. Пушкин. «Пир во время чумы». Песня Председателя)

2-й ведущий:

Болдинская осень близится к концу. Но в последние дни вдохновение покидает Пушкина. Образы прошлого тревожат его. Пламенная и мучительная любовь к Амалии Ризнич, воскреснув в памяти, волнует воображение. Воспоминания о невозвратных днях явились поэту одинокой болдинской осенью и пробудили в нем поэзию.

Романс «Для берегов отчизны дальней» Музыка Бородина, стихи А.С. Пушкина.

1-й ведущий:

Еще один перевод... Стихотворение Пушкина «Из Barry Cornwall» не датировано, но прочитаем его, прежде чем отложить книгу английских поэтов – спасибо ей; в болдинском заточении она принесла Пушкину радость, умножила счастливые часы творчества.

Кто знает, может быть, чужое имя «Мери» с новой силой пробудило в поэте воспоминания о той, против имени которой «Мария» он написал на полях «Полтавы»: «Я люблю это нежное имя». Кто знает, быть может, и это стихотворение – прощание...

Романс «Пью за здравие Мери»

Музыка Глинки, стихи А.С. Пушкина

2-й ведущий:

Лошади запряжены, поставлен в коляску дорожный сундучок, а в нем несколько больших тетрадей и стопы бумаги, которые за месяцы болдинского затворничества словно бы потяжелели. Свидетельство на проезд в кармане. Чего ждать? Пушкин выбегает на крыльцо. Ветер, по-зимнему холодный, морщит темную поверхность пруда, у которого под ивой Бурмин открыл свои чувства Марье Гавриловне. Вдали, на отлогом холме, темнеет роща, уже отряхнувшая листву; там пробивается из земли чистый родник. Пушкин часто ездил в рощу верхом. Раздолье вокруг...

Он забирается в кибитку. «Пошел!» Возница тряхнул поводьями, звякнули бубенцы, и кибитка, ускоряя ход, катит вниз с косогора. Бегут на-

встречу убогие темные избы, низкие заборы, над которыми тянутся к небу черные ветви деревьев. Только яркая гроздь рябины сверкнет иногда.

Но вот и большая дорога. Лошади бегут резво. Оцепление где-то вовсе снято, а там, где еще осталось, карантинные смотрители, заглянув в свидетельство, поднимают шлагбаум перед отставным чиновником 10-го класса Александром Сергеевым Пушкиным, спешащим в Москву по собственной надобности.

Лошади несут его прочь от Болдина, и он не знает, вернется ли когда-нибудь в бедную свою вотчину. Но воспоминания о вдохновенном труде никогда не оставят его, будут манить, тревожить. Он вернется...

А пока лошади бегут резво, и последний проклятый карантин позди, и дорожный сундучок, набитый рукописями, тешит взор, и будущее манит надеждами – Москва!

Фонограмма: звон колокольчиков удаляющейся тройки.

Ирина Иванова

О конкурсе в «Юниоре»

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»

Под таким названием прошел городской конкурс книго-чев, посвященный

210 летию со дня рождения А.С. Пушкина.

Цель конкурса – приобщение учащихся образовательных учреждений к творческому наследию А.С. Пушкина, лучшим образцам художественной литературы и искусства.

Организаторы конкурса ставили следующие задачи: развитие интеллектуально-творческих способностей школьников, патриотическое воспитание юных граждан на основе духовного наследия, ценностей и традиций отечественной культуры.

Учредителями конкурса выступило Главное управление образования мэрии города Новосибирска, организатором – Дворец творчества детей и учащейся молодежи «Юниор». Более тысячи участников представили творческие работы по следующим номинациям: поэтическая – «Пробуждается поэзия во мне ...». Участники представили стихи собственного сочинения, посвященные А.С. Пушкину. Интеллектуальная – «Что за прелесть эти сказки!..».

Участники составляли интеллектуальную игру, викторину, кроссворд по сказкам А.С. Пушкина. Иллюстративная – «И божество, и вдохновенье...».

Участники конкурса представили более 600 рисунков и иллюстраций к произведениям А.С. Пушкина. Исследова-

тельская – «О, сколько нам открытий чудных готовит просвещенья дух...».

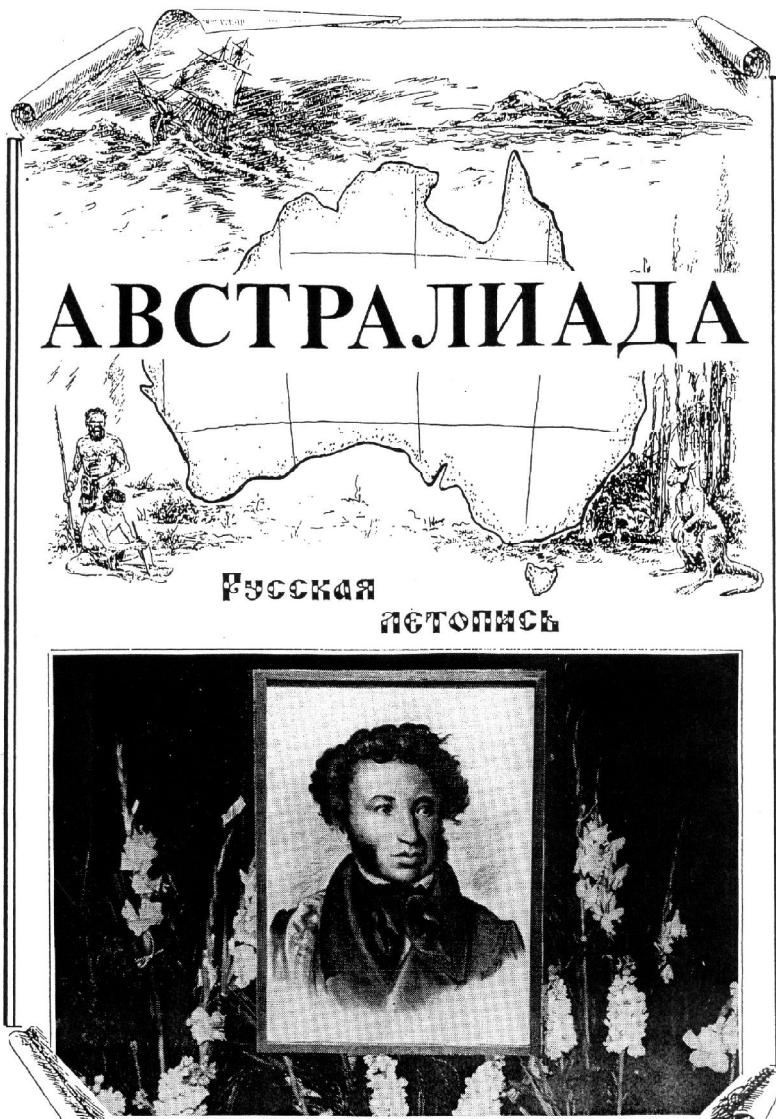
Конкурс привлек к себе внимание многочисленных юных почитателей творчества великого поэта и показал, что с годами А.С. Пушкин, его творчество не отдаляется от нас, а он приближается.

Перечитывая пушкинские строчки
Без анализа сюжета и имен,
Ты почувствуешь особенные точки,
Где невольно отразилась связь времен.

*Гости
Пушкинского
альманаха*

Австралиада

Русская
история

СИДНЕЙ

19

Апрель 1999 г.

Пушкин в Австралии

Для многих художников, скульпторов, поэтов Пушкин являлся предметом их вдохновения. Ниже помещаем произведения австралийских талантов, посвященных Пушкину.

Анатолий Кафель

Пушкину

*Я не учился с Пушкиным в Лицее,
С ним в царскосельском не гулял саду,
Но с талисманом русскости бесценным –
С его поэзией – я через жизнь иду.*

*С ним я иду в Кремлёвские палаты,
С ним слушаю царя Бориса речь,
С ним захожу в украинские хаты,
С ним обнажаю Командора меч.*

*Я с ним спешу к Онегину на Невский,
С ним плачу над Татьяниным письмом,
С ним я на кладбище, где похоронен Ленский,
С ним няню слушаю под бурю за окном.*

*С ним я скачу на битву под Полтавой,
Где бой решал: России быть иль нет?!*
*В шатре с Петром мы пьём вино за славу,
За честь России и её побед.*

*С ним догоняю злобного Кащея,
В глухой стени ищу богатыря –
И отрок Царскосельского лицея
Навек со мной, как русская земля.*

Людмила Осмакова

Пушкин в движении эпох

Жил в России скульптор Александр Михайлович Опекушин. Он родился через год после смерти Пушкина, в 1838 году, а умер в XX веке, в 1923 году. Был он крепостным, а стал академиком и прославил себя и свою страну замечательными памятниками: Александру II, Александру III, генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву-Амурскому и др.

Самым знаменитым его творением стал памятник А.С. Пушкину в Москве. Москва гордится тем, что она – родина великого Пушкина. В метрической книге церкви Богоявления, что в Елохове имеется запись: «Во дворе коллежского регистратора Ивана Васильевича Скворцова у жильца его Мо-эора (майора – Л.О.) Сергея Львовича Пушкина родился сын Александр».

Эту запись нашли в 1927 году, и только тогда после долгих поисков было установлено место рождения великого поэта. И тогда же, в 1927 году, накануне дня рождения Пушкина к стене дома №10 по Немецкой улице, что находится теперь на месте не существующего ныне дома Скворцова, прибили мемориальную доску со словами: «Здесь был дом, в котором 26 мая (6 июня) 1799 года родился А.С. Пушкин». С тех пор почитатели поэта установили традицию: каждый год в день рождения А.С. Пушкина они собираются в маленьком садике, примыкающем к дому, и заканчивают день в библиотеке имени Пушкина.

Москва неразрывно связана с его именем. Здесь он провел свои детские годы, здесь он впервые познакомился с русской литературой – прочитал «Бедную Лизу» Карамзина, «Душеньку» Богдановича, басни Крылова.

Здесь, в Москве, впервые выступил он как поэт. В июле 1814 года в №8 журнала «Вестник Европы» было напечатано стихотворение «К другу стихотворцу», подписанное та-

и единственным псевдонимом «Александр Н.К.Ш.П.». Этой публикации предшествовала коротенькая заметка от редактора. Заметка гласила: «Просим сочинителя присланной в «Вестник» пьесы под названием «К другу стихотворцу», как и всех других сочинителей, объявить нам свое имя; ибо мы поставили себе законом не печатать тех сочинений, которых авторы не сообщили нам своего имени и адреса. Но смеем уверить, что мы не употребим во зло прав издателя и не откроем тайн имени, когда автору угодно скрыть его от публики».

Надо полагать, что пятнадцатилетний «сочинитель» явился в редакцию и раскрыл тайну своего псевдонима: он был составлен из согласных букв фамилии поэта, поставленных в обратном порядке.

Здесь, в Москве, Пушкин написал десятки стихотворений. Здесь жили его друзья. Здесь он женился.

Сюда 8 сентября 1826 года после восстания декабристов на фельдфебельской коляске приехал опальный Пушкин, вызванный Николаем I, и на вопрос царя: «Принял ли бы ты участие 14 декабря, если бы был в Петербурге?!» – открыто ответил: «Непременно, государь, все друзья мои были в заговоре, и я не мог бы не участвовать в нем».

Отсюда, из Москвы, он передал через княгиню Марию Волконскую свое знаменитое послание друзьям в Сибирь.

*Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье.
Не пропадет ваши скорбный труд
И дум высокое стремленье.*

Последний раз Пушкин приехал в Москву в 1836 году для работы в архивах Коллегии иностранных дел над материалами по задуманному труду о Петре Первом.

А через несколько месяцев газета «Московские ведомости» напечатала сообщение:

«29 января, в 3 часа пополудни, скончался Александр Сергеевич Пушкин. Русская литература не терпела столь важной потери со дня смерти Карамзина».

Памятник А.С. Пушкину работы скульптора Опекушина был водружен в Москве много позже, в 1880 году.

С этим Пушкиным прошли мои детство и юность. Он стоит на пьедестале близ Тверской улицы... Тёмная бронзовая фигура его обращена лицом к потоку машин и толпе, переливающейся у его ног. Чуть подавшись вперед, смотрит поэт задумчиво, и я бы сказала, даже слегка саркастично, на людей, суетливо снующих у его подножия...

Он всё видел, ему всё ведомо, и, наверное, он всё понял за время долгого стояния здесь, на этом шумном месте Москвы.

Он всё понял еще при жизни. Иначе как бы он мог написать в тридцать лет:

*Не дай мне Бог сойти с ума,
Нет, легче посох и сумма...*

Или *Гений и злодейство –
Две вещи несовместные...*

Или *Мы все глядим в Наполеоны,
Двуногих тварей миллионы,
И почитаем всех нулями,
Но единицами себя...*

Или *Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

В свое время, уже в советскую эпоху, поэтесса Марина Цветаева написала специальный трактат «Мой Пушкин». Да, у каждого из нас свой Пушкин, свое восприятие этого величайшего русского поэта, всемирного гения слова. И каждому из нас он дает ответы на наши вопросы, на наши сомнения, на наши радости и тревоги.

Особенно поражает в Пушкине его виртуозное владение словом, иллюзия необычайной легкости поэтического или писательского труда. Словно бы ни малейшего усилия не стоили ему написанные строки – сел и написал. На самом же

деле каторжный труд писания знал даже и он, с которым еще никто не сравнялся.

Наряду с Шекспиром и Гете Пушкин признан гением мира. Гений – не звание Героя Советского Союза и не дается произвольно. Признание гениальности слагается из множества достоинств и подтверждается столетиями.

Я помню, как в преддверии одного пушкинского юбилея советским писателям предложили ответить, в чем они видят индивидуальность и исключительность Пушкина как поэта. Вопрос был вроде обычный, но с закавыкой – ответ требовалось дать одним предложением, не распространяясь на рассуждения. Наиболее точно приближенным к цели оказался ответ: раскованность мысли и слова. Иным путем – способность поэта выразить в слове все измерения бытия, самую плоть жизни, все оттенки чувств, все жизненные коллизии, малейшие переливы сердца и движения ума. Только гению подвластно такое. Пушкину было подвластно всё.

И каждая эпоха, каждое поколение берет из этого «всего» близкое себе, своему времени, народу, национальности. И абсолютно прав был Белинский, когда сказал, что «Пушкин принадлежит к тем живым и вечно развивающимся явлениям, о которых каждая эпоха скажет свое слово, но ни одна и никогда не скажет всего полностью».

Но даже гении знают взлеты и падения. Пушкин вошел в русскую литературу в начале XIX века под гром аплодисментов как талантливый ученик великих учителей – Ломоносова и Державина, был обласкан читающей публикой на некоторое время, но уже его поэму «Руслан и Людмила» встретили неоднозначно, если не сказать, равнодушно. Особенно читатели элитарного круга, которые осудили поэта за то, что он якобы этой поэмой ввел в русскую литературу «простого мужика в смазных сапогах», хотя Пушкин выступил здесь в области языка как реформатор, расширив пределы русского литературного языка за счет разговорной лексики, искусного смешения в едином потоке речи самых различных жанров и стилей русской поэзии. И это было великой победой

Пушкина, которую признал сам Жуковский, подарив ему свой портрет с надписью: «Победителю ученику от побежденного учителя».

Даже роман «Евгений Онегин» имел непростую историческую судьбу. Начало романа увидело свет, когда слава поэта вошла в зенит. Публика выражала поэту свое восхищение за художественное совершенство. Многие из современников согласились с Жуковским, что новое произведение Пушкина закрепляет за ним «Первое место на русском Парнасе». Но уже 60-е годы XIX века воспринимают роман преимущественно как социальный, развенчивающий Онегина и пишут на него пародии. Достоевский, Тургенев и Гончаров переносят всю силу своих симпатий на Татьяну.

90-е годы XIX века делают роман хрестоматийным, и его вносят во все школьные программы, и долгое время он остается в сфере академической жизни: о нем пишут научные работы и решают историко-литературные проблемы.

К произведениям Пушкина как эстетическому феномену взор читателей обратился вновь в начале XX столетия. Я «пробежалась» по русской поэзии конца XIX – начала XX вв., чтобы посмотреть, как же относились к Пушкину его талантливые потомки, стоявшие у истоков или представлявшие собой «серебряный век» русской поэзии. Картина поразительная!

«Сбросим Пушкина с корабля истории» – был почти общий воинствующий клич модернистской молодежи. Но по существу никто из поэтов «не перепрыгнул» Пушкина: все они ему подражали, у него учились и к его поэтическим высотам тайно или явно стремились. Больше того, эти мятежники поэзии открыто посвящали ему свои стихи и хотели видеть в нем предтечу своего нового искусства.

Наиболее яркий пример внешнего отталкивания от Пушкина и внутреннего притяжения к нему является собой один из главных апологетов символизма поэт Вячеслав Иванов. Через голову Пушкина он и хотел бы вернуться к допушкинским истокам русской поэзии, но Пушкин настолько широко

ощущал возможности русского языка и стиха, что указал путь и Вячеславу Иванову. Он дважды возвращался к истолкованию поэмы «Цыгане», не раз вводил в свои стихи прямые или скрытые отголоски пушкинских образов и почти вплотную приблизился к заветам Пушкина в своих стихах «У лукоморья дуб зеленый», «Медный всадник», «Первый пурпур», очень напоминающий пушкинское «Восстань, пророк, и виждь, и внемли».

Но я люблю другое стихотворение В. Иванова, которое мне кажется более пушкинским, нежели что-либо иное.

*Густой, пахучий вешины клей
Московских смольных тополей
Я обоняю в снах разлуки
И слышу ласковые звуки
Давно умолкиших окрест слов,
Старинный звон колоколов...*

Так писал В. Иванов из своего далека, из Франции.

Марина Цветаева всю жизнь преклонялась и благоговела перед Пушкиным. В автобиографии она написала «Наилюбимейшие стихи в детстве – пушкинское «К морю...». Пушкинских «Цыган» с 7 лет по нынешний день – до страсти. «Евгения Онегина» не любила никогда».

Первое стихотворение она посвятила Пушкину еще в 1913 году, много упоминала о нем в прозе, переписке, в творческих тетрадях. Перевела 18 его стихотворений на французский язык. Особенности своего восприятия Пушкина Марина Цветаева определила сама и определила очень точно: «Стихи к Пушкину... совершенно не представляю себе, чтобы кто-нибудь осмелился читать, кроме меня.

Страшно резкие, страшно вольные, ничего общего не имеющие с канонизированным Пушкиным...

Опасные стихи... Они – мой, поэта, единоличный вызов – лицемерам *тогда и теперь*» (выделено М. Цветаевой – Л.О.) Читая стихи М. Цветаевой, не будем забывать, что они написаны в 30-е годы... со всеми вытекающими отсюда по-

следствиями. Но такие оценки Пушкина, как «всех живучей и живее», «самый вольный, самый крайний», «бессмертный подарок России Петра, гиганта крестника правнук Петров унаследовал дух» говорят сами за себя.

Записные книжки А. Блока полны Пушкиным. Вот одна из записей: «Когда родное сталкивается в веках, всегда происходит мистическое. Так Пушкин столкнулся с Петром. Когда он заводит о Петре – сейчас же звучит тайное». (26.IX.1901).

«Перед Пушкиным открыта вся душа – начало и конец душевного движения. Всё до ужаса ясно, как линии на руке под микроскопом. Не таинственно как будто, а может быть, зато по-другому, по-«самоубийственному», таинственно». (10.XII.1913)

«Учить стихи наизусть! Пушкина, Брюсова, Лермонтова, все, что – хорошо». (Апрель, 1904.)

И так на протяжении всех 510 страницах записных книжек – статьи о Пушкине, исследование и, наконец, стихотворения. Одно из них называется «Пушкинскому Дому». Оно написано 14 февраля 1921 года, за несколько дней до того, как А. Блок выступил с речью «О назначении поэта» в день 84-й годовщины смерти Пушкина.

< ... >

*Пушкин! Тайную свободу
Пели мы волгед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!
Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?*

< ... >

*Вот зачем, в часы заката
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.*

Однако единственное в своем роде, почти уникальное стихотворение, связанное с именем великого поэта, принадлежит А.А. Фету. Оно посвящено памятнику Пушкина. Да, тому самому, работы скульптора Опекушина. Открытие памятника состоялось, как я уже говорила, в 1880 году.

В письме, адресованном Московскому Обществу любителей российской словесности, А.А. Фет писал: «Сердечно благодарю Общество за память обо мне и, не имея по нездоровью возможности присутствовать на его заседаниях, приношу к подножию поэта мое старческое слово». К письму было приложено стихотворение.

К памятнику Пушкина

*Исполнилось пророческое слово;
Наши старый стыд взглянул на бронзовый твой лик,
И легче дышится, и мы дерзаем снова
Всемирно возгласить: ты гений, ты велик!*

*Но, зритель ангелов, глас чистого, святого,
Свободы и любви живительный родник,
Заслыша нашу речь, наши вавилонский крик,
Что в них нашел бы ты заветного, родного?*

*На этом торжище, где гам и теснота,
Где здравый русский смысл примолк, как сирота,
Всех громогласней тать, убийца и безбожник,
Кому печной горшок всех помыслов предел,
Кто плюет на алтарь, где твой огонь горел,
Толкать дерзая твой незыблемый треножник...*

Очень, очень современное стихотворение, если вдуматься!

Игорь Смолянинов

Прошли суровые века,
Над Русью снова лихолетье!
Теперь, к концу тысячелетья,
Течёт кровавая река...

Был грех – российская элита
Не стала слушать Божий глас,
Но чаша не была допита,
И грянул гром – возмездья час!

И вот Святая Русь в неволе,
В кровавой, страшной кутерьме,
Но знают Пушкина «на воле»
И помнят Пушкина в тюрьме.

В тайге, в концлагерной ловушке,
Где жизнь не стоит и гроша,
Спасал людей Христос... и Пушкин –
Его бессмертная душа...

И Божий глас, поэта слово,
Творили чудные дела...
И там, в снегу, в стране суровой.
Россия страдная жила...

Но Пушкин с нами – он живёт,
И будет жить для поколений!
Его живой, нетленный гений
Не тронет времени полёт!

*Изобразительная
Пушкиниана*

Марьяна Александрова, С.-Петербург

Портрет Пушкина работы Горюнова

В коллекции ВМП* имеется небольшой портрет Пушкина, выполненный на меди масляными красками. Пушкин изображен в рост с тростью в руке, стоящим на набережной Невы, на фоне Петропавловской крепости. На портрете имеется подпись и дата: «Горюнов. 1835».

Ни в каких справочниках сведений о художнике Горюнове нет. Скорее всего, это художник-любитель, самоучка. Но все-таки это не мифическая личность (в отличие от Линева), т.к. имеются еще работы этого художника.

В ИРЛИ* находится портрет Гоголя, написанный явно как парный к портрету Пушкина. Гоголь изображен также в рост на набережной Невы на том же фоне, что и Пушкин. Портрет Гоголя подписан и датирован тем же 1835 годом. В Театральном музее им. А.А. Бахрушина имеется картина «Пушкин и Гоголь», холст, масло (без даты и подписи). Она является собой механическое соединение двух фигур, первоначально изображенных отдельно. Пушкин и Гоголь изображены в тех же поворотах, на фоне той же Петропавловской крепости. Разница лишь в небольших деталях (покрой сюртуков, положение руки у Гоголя, наклон трости у Пушкина).

В Театральном музее имеется еще картина, выполненная на меди масляными красками, «Гоголь на смертном одре» – изображен гроб с телом Гоголя, священник и группа людей рядом. Картина не датирована, но интересна подпись, которая проливает некоторый свет на личность художника: Иеромонах Тарасий (Горюнов). Эта подпись – единственный ис-

* Всероссийский музей А.С. Пушкина.

* Институт русской литературы (Пушкинский Дом).

Пушкин в Петербурге.
Портрет работы Горюнова.
1835 г. (?)

ем и в том и другом случае подпись: «Дата «1835», поставленная на портрете, неверна». И указана дата – 1850-е (?).

Что касается литературы о портретах Горюнова, имеется лишь одна статья Натальи Эфрос «Новые портреты Гоголя» в сб. «Гоголь. Статьи и материалы» Л., 1954. В этой статье автор аргументированно датирует портреты Гоголя не ранее середины 1850-х гг. Кроме названного портрета Гоголя Н. Эфрос анализирует еще несколько его портретов (погрудных), выполненных Горюновым. О самом художнике автор статьи никакими сведениями не располагает.

Эфрос доказывает, что оригиналом для Горюнова послужил портрет Гоголя работы Моллера 1841 г. Наиболее четко это сходство просматривается на погрудных портретах. Все три портрета, выполненные на холсте (не датированы), являются вариантами моллеровского оригинала. На одном из них Гоголь изображен даже в таком же сюртуке и с такой же цепочкой, спущенной на жилет, что и у Моллера, но только с цилиндром на голове. К этим изображениям близок и портрет, датированный 1835-м годом.

точник, дающий возможность говорить о художнике-любителе Горюнове, принявшем монашеский сан и имя Таасий.

Портрет Гоголя впервые был воспроизведен в 1951 году в книге «Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома, I». В 1952 г. – в академическом собрании сочинений Гоголя. В обоих случаях – с датировкой 1835 год. Правда, в том же 1952 г. в 58 т. Литературного Наследства портрет Гоголя был воспроизведен с другой датировкой. Там же впервые воспроизведен и портрет Пушкина. Под изображени-

К тому же внешность Гоголя на портрете Горюнова – длинные волосы, эспаньолка и усы – не соответствует внешности Гоголя первой половины 1830-х гг. (ср. автолитографию А.Г. Венецианова). Эти детали внешности Гоголя появляются во время его пребывания за границей в 1836–1839 гг., что подтверждается портретами тех лет.

«Перерисовав лицо Гоголя с портрета Моллера, – пишет Н.Эфрос, – для фигуры писателя Горюнов воспользовался, по-видимому, просто модной картинкой из какого-нибудь русского журнала начала 1830-х гг., таким образом и был сделан этот портрет».

Эфрос относит портреты Гоголя работы Горюнова к посмертным изображениям. Именно после смерти Гоголя появилось множество копий с оригинала Моллера, который до этого был малоизвестен. 22 февраля 1854 г. Шевырев писал в письме к матери Гоголя, что с портрета Моллера «было списано копий бесчисленное множество».

Поскольку совершенно очевидно, что портреты Пушкина и Гоголя создавались одновременно общим замыслом, то атрибуция портрета Гоголя помогает атрибутировать и портрет Пушкина. Более того, создается впечатление, что главным героем для автора портретов был именно Гоголь. Пушкин же появился среди горюновской серии портретов Гоголя как знакомый Гоголя, как факт биографии Гоголя. Кстати, Эфрос высказывает предположение, что дата «1835», поставленная на обоих портретах, означает не дату создания, а указывает год наибольшей близости обоих писателей. Вероятно, так и есть, тем более, что все остальные работы Горюнова не датированы.

Так же как в свое время смерть Пушкина вызвала появление огромного количества его портретов, так и смерть Гоголя послужила толчком для создания множества посмертных изображений. Для художников, современников Пушкина, самым популярным и широко известным был образ поэта, созданный Кипренским – Уткиным. Именно этот образ Пушкина и варьировался во множестве его посмертных изображений.

Гоголь очень болезненно относился к распространению своих портретов, их публикации. В этом плане характерно

письмо А.Иванова к Жуковскому после смерти Гоголя, в котором он упоминает о двух своих портретах Гоголя, «писанных в великой от всех тайне». Один из этих портретов Гоголь подарил Жуковскому, другой Погодину, подарил «как тайну», по словам того же Иванова. Погодин же отнёсся к портрету не как «к тайне», а заказал с него литографию и без ведома Гоголя приложил к одиннадцатой книжке «Москвитянина» за 1843 год. Этот поступок вызвал страшное возмущение Гоголя. «Большего оскорблении мне нельзя было придумать, – писал он. – Помещение моего портрета именно в таком виде... увеличило еще более неприятность» (изображен в домашнем халате).

В своем «Завещании», которым открывались «Выбранные места из переписки с друзьями», Гоголь просил читателей покупать после его смерти «только тот портрет, на котором будет выставлено: «гравировал Иорданов». Правда, он не указал оригинал, с которого должна быть сделана Иорданом гравюра. Это завещание Гоголя и пытался выполнить А. Иванов, обратившись с письмом к Жуковскому, в котором просил его переслать в Петербург портрет Гоголя его работы для гравирования Иордану. Письмо было послано из Рима 21 апреля, Иванов не знал, что Жуковский умер 12 апреля. У Погодина в это время тоже уже не было портрета Гоголя. Замысел Иванова не был выполнен.

В 1857 г. П.А. Кулиш заказал Иордану гравюру с портрета Моллера. Она была приложена к изданию Кулиша «Сочинения и письма. Н.В. Гоголь» 1857 г. Кроме того, на больших листах были сделаны и отдельные отпечатки. Гравюра Иордана приобрела огромную популярность и принесла славу портрету Моллера, как одобренному, завещанному самим Гоголем. Именно этот портрет чаще всего и служил оригиналом для художников при создании посмертных изображений Гоголя.

Портрет Гоголя работы Моллера и портрет Пушкина работы Кипренского были основой и для Горюнова. Причем портрет Пушкина создавался им явно не с гравюры Уткина, а с какого-либо литографированного портрета.

Сразу после смерти Пушкина, в 1837 году, появился ряд литографированных портретов, с разной степенью точности и мастерства передающих образ Пушкина, созданный Кипренским. На многих из этих литографий перевернутое по сравнению с оригиналом изображение Пушкина. Так, из 9 литографий, появившихся в 1837 г., на шести – изображение зеркальное по отношению к оригиналу Кипренского (поворот головы влево). На портрете Горюнова голова Пушкина также повернута влево.

Литографированные с Кипренского портреты служили основой и для других художников, работавших над посмертными изображениями Пушкина.

Так, явно с одной из таких литографий сделан портрет масляными красками, находящийся сейчас в нашей коллекции. Голова повернута влево, с левой стороны оказалась статуэтка музы и на другом плече, по сравнению с Кипренским шарф. Причем шарф голубого цвета, что подтверждает: художник не видел оригинала.

Многие художники, пользуясь широко известным портретом Кипренского, вносили в него свои изменения. Например, в «Альбоме пушкинской выставки», изданном по материалам московской выставки 1899 г., указано: живописный портрет «по Кипренскому, но вместо плаща шинель с бородовым воротником» (в 1887 г. появилась литография «Пушкин в шубе», возможно, с этого живописного портрета); литография – «голова, галстук по Кипренскому, но одет П. в халат». То есть вариации были самые разнообразные.

На портрете Горюнова Пушкин в сюртуке и цилиндре. Что касается одежды, то, как заметил Н. Машковцев, соглашаясь с Н. Эфрос по поводу всей серии Горюнова: «Портреты эти не что иное, как модные картинки 30–50-х годов XIX века с пририсованными к ним головами литературных и театральных знаменитостей».

Портрет Пушкина не является оригинальным не только по характеру созданного художником образа, но и по замыслу всей серии, исполненной как бы по единому трафарету. От этого снижается значимость и каждого из портретов серии, носящей несколько лубочного характер.

Владимир Крыжановский

**Дополнения к библиографии иконографии
А.С. Пушкина***

1. Азово-черноморская выставка памяти А.С. Пушкина. Путеводитель. – Азово-черноморское книгоиздательство, 1937.
2. Антонова Л. Пушкин в портретах // Татьянин день. – 2009. – 6 июня.
3. А у нас в Михайловском, или Домашняя история Пушкинского заповедника в письмах Семена Степановича Гейченко Василию Михайловичу Звонцову. – М.: Арбор, 2000. – С. 151.
4. Беляева Т. «Портрет А.С. Пушкина» работы О.А. Кипренского (1782–1836). М.: Гос. Третьяк. галерея, 1949.
5. Бондина Л. Легенды и были Пушкинского кольца// Литературная Россия, 1972. – 2 июня. – С. 5.
6. Воротынцева Е. Тайна Российского престола // Русский Север, 2001. – 19 окт.
7. Всесоюзная Пушкинская выставка. Краткий путеводитель по выставке, посвященной 100-летию со дня смерти великого русского поэта А.С. Пушкина. (1837–1937). М.: Изд. Всесоюз. Пушкинского комитета, 1937.
8. Всесоюзный Пушкинский комитет. Краткий путеводитель по выставке, посвященной столетию со дня смерти великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. 1837 – 1937. – М.: Изд. Всесоюзного Пушкинского комитета, 1937.
9. Гдалин А.Д. Филателистическая Пушкиниана. – М.: Радио и связь, 1981.

* Начало в «Пушкинском альманахе» № 2, 6, 7

10. Гдалин А.Д. Памятники А.С. Пушкину: История. Описание. Библиография. Т. 1. Россия. Часть 1. Санкт-Петербург, Ленинградская область. – СПб.: Академический проект, 2001.
11. Гдалин А.Д., Казаков Ю.В., Петров С.П., Побединский В.М. Пушкин и Петербург (памятники, фарфор, медали, знаки). – СПб.: Лениздат, 2009.
12. Гордин А., Гордин М. Путешествие в пушкинский Петербург. – Л.: Лениздат, 1983.
13. Грабарь И.Э. О внешнем облике Пушкина // Изв. Акад. наук СССР, М.: 1949. – № 4. – С.382–383.
14. Губер П. Дон- Жуанский список Пушкина. – СПб.: «Петроград», 1923. – С. 19.
15. Каталог Пушкинской выставки в Одессе (1799 – 1899), С портретом Пушкина с редкой гравюры Райта (1835 г.), видом Одессы времен Пушкина и шестью снимками. – Одесса, изд. комитета выставки, 1899.
16. Каталог фондов Государственного Литературного музея. Вып. 7. А.С. Пушкин. Рукописи, документы, иллюстрации. Под общей ред. В.Бонч-Бруевича. – М.: Изд. Гослитмузей, 1948.
17. Кинелев В. Пушкин на портретах // Алтайская правда, 2002. – 9 февр.
18. Козловский Я. «Мошенство копировщика» (В.А. Тропинин – Портрет А.С. Пушкина) // Дружба народов, 1999. – № 5.
19. Кривенко Н. Нахodka в библиотеке Тартуского университета. Посмертная маска А.С. Пушкина // Вечерняя Москва. – 1949. – № 128. – 31 мая. – С. 3.
20. Марков А.Н. «Любимец моды легокрылой...» (О.А. Кипренский в Царском Селе в 1813г.) // Пушкинский музей. Вып. 1. – СПб.: «Дорн», 1999. – С. 97–103.
21. Межов В.И. *Puschkiniana*. Библиографический указатель статей о жизни А.С. Пушкина, его сочинений и вызванных ими произведений литературы и искусства. – СПб.: изд. Александровского лицея, 1886. – С. 301–307.

22. Материалы из архива проф. Д.Н. Анутина о Пушкине. – А.С. Пушкин, А.Н. Островский. Западники и славянофилы / Под ред. Н.Л. Мещерякова. – М.: Гос.соц.- эконом. изд-во, 1939. – С. 157–174.
23. Митник М, Цырульникова В. Юбилейная Пушкиниана. – Одесса.: «Астропринт», 2004.
24. Никольская Е.А. Картина «Путешественники в предгорьях Кавказа». К пушкинской теме художников Чернецовых // Пушкинский музейм. Вып. 4–5. – СПб.: «Дорн», 2007. – С. 286 – 291.
25. Орест Кипренский. Переписка, документы, свидетельства современников. – СПб.: Искусство, 1994.
26. Осокин В. Лучший портрет поэта // Вечерняя Москва. – 1949. – № 69. – 23 марта. – С.3.
27. [Б.п] Портрет поэта // Вокруг света. – 1949. – № 6. – С.27.
28. ...портреты, мысли, имена... Мир Пушкина в гравюрах и литографиях коллекции Я.Г. Зака. – М.: Изд. «Ассоциация Экост», 2005.
29. Посмертная маска А.С. Пушкина в Тарту // Сов. Эстония. – Таллин, 1949. – 18 марта.
30. Пушкинская юбилейная выставка в Академии наук в С.-Петербурге (май 1899). Каталог. СПб.: Тип. Академии наук, 1899.
31. Пушкинская выставка в память 75-летия со дня смерти поэта (1837 – 29 января – 1912). Список предметов, имеющихся на выставке. – Смоленск, 1912.
32. Пушкинская выставка 1924 г. в Пушкинском Доме при Российской Академии наук. 20 воспроизведений с портретов и рукописей. – Л.: 1924.
33. Пушкинские музеи России и зарубежья: Путеводитель. – М.: «Фортуна ЭЛ», 2009.
34. Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. – Т. III. – СПб.: тип. Академии наук, 1888.
35. Русские деятели в портретах, изданных редакциею исторического журнала Русская старина. Собрание первое

во втором издании. СПб.: напечатано иждивением Д.И. Гиппиуса, 1886.

36. Сарабьянов Д.В. Орест Адамович Кипренский. – М.: Художник РСФСР, 1982.

37. Саратовская областная выставка памяти А.С. Пушкина 1937 г. (1837–1937). Путеводитель. – Саратов.: Сароблагиз, 1937.

38. Словцов Р. Схожи ли портреты Пушкина? // Тверская старина. – 2000. – № 20. – С. 35–36.

39. Солдатова Л.М. Поэт и толпа (Карикатуры на Пушкина // Пушкинский музей. Вып. 1. – СПб.: «Дорн», 1999. – С. 181–190.

40. Сорина Л.М. Подмена портрета Пушкина // Татьянин день. – 2009. – 6 июня.

41. Старкова З.С. Содружество искусств на уроках литературы: Кн. для учителя: Из опыта работы. – М.: Просвещение, 1988. – С. 8–10.

42. Строев М. «Пушкин в изобразительном искусстве» // Пролетарская правда. – Калинин, 1936. – 12 дек.

43. Художники братья Чернецовы и Пушкин. – 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. – СПб.: Русский музей, 1999.

44. Шимкевич К.А. Литературный обед у Смирдина с участием Пушкина // Пушкин и его современники. – Вып. 31/32. – Л.: Из-во АН СССР, 1927. – С. 111–118.

45. «Я к вам пишу...» Пушкиниана на открытках XIX – XX вв. – М.: Русский мів, 1999.

*Александр ГДАЛИН,
Маргарита ИВАНОВА,
С.-Петербург*

Первый памятник Пушкину

Нередко возникает вопрос, какой из множества установленных памятников А.С. Пушкину был **первым**? И, как это ни странно на первый взгляд, ответы – в прессе, на радио и телевидении и даже в статьях работников пушкинских музеев, пушкиноведов – звучат по-разному. Приведем наиболее характерные примеры.

Пример 1. Такая информация помещена во многих десятках (даже, вероятно, и сотнях) публикаций: первый памятник Пушкину открыт в 1880 г. в Москве. Такая формулировка имеет в виду Всероссийский памятник поэту на Тверском бульваре работы скульптора А.М. Опекушина и архитектора И.С. Богомолова. Отметим, что это, действительно, *первый* памятник Пушкину, но... но только в том случае, если задаётся вопрос о первом в *монументальной* скульптуре изображении поэта в полный рост, причем на памятнике, воздвигнутом именно в его честь.

Предметно заглянув в историю, нетрудно выяснить, что памятники А.С. Пушкину устанавливались и значительно раньше.

Пример 2. За два года до открытия памятника в Москве скульптурное изображение поэта появилось в архитектурном облике Петербурга – это бюст поэта на фасаде (в нише атти-

кового этажа) Театра Апраксина (1878, автор проекта и строитель архитектор Л.Ф. Фонтана); здание сохранилось до наших дней, в нем помещается широко известный БДТ – Большой драматический театр, ныне носящий имя Г.А. Товстоногова. Отметим, что это тоже *первый* памятник Пушкину, но... но только в том случае, если задаётся вопрос о первом памятнике поэту в *монументально-декоративной* скульптуре.

Пример 3. Ещё раньше предыдущего (причем на целых 16 лет!), в 1862 г., в Великом Новгороде воздвигнут памятник М.О. Микешина «Тысячелетие России», неотъемлемой составной частью которого стала фигура Пушкина в группе деятелей культуры, изваянная скульптором И.Н. Шредером. И хотя этот грандиозный монумент посвящен истории России, он в то же время является и памятником Пушкину, как и каждому из тех, кто на нём запечатлен как один из замечательных творцов истории страны. И как памятник Пушкину является *первым* в своём роде – с изображением поэта на памятниках или в скульптурных композициях в честь других деятелей или событий.

Пример 4. Этот памятник – бюст поэта в Пальне-Михайловке, в парке имения дворян Елецкого уезда Стаковицей, утраченный в 1917 г.¹ По имеющейся не очень качественной фотографии можно предположить, что это копия бюста работы И.П. Витали (1837). Не вдаваясь в подробности предстоящей атрибуции его как одного из потенциальных претендентов на «первый памятник Пушкину» (пока документально не установлено время его появления), отметим, что он может стать *первым* памятником монументальной скульптуры в виде бюста поэта на постаменте.

Пример 5. Наконец, «первым памятником» нередко называют мраморную плиту с надписью «*Genio loci*» (с латинского «Гению места»), которая была установлена на дерновом пьедестале в августе 1817 г. лицеистами – недавними

¹ Его изображение в 2000 г. нам удалось разыскать в Санкт-Петербурге, в фондах Музея ИРЛИ [11].

выпускниками первого (пушкинского) курса с согласия директора Лицея Е.А. Энгельгардта, в березовой роще у здания Царскосельского лицея. Но сведения об этом памятнике – это красавая легенда, в которой трудно отделить факты от предания, добрый (и, наверное, не всегда добрый!) вымысел от искреннего желания видеть в этом символическом знаке памятник не легендарному, а реальному «Гению места» – Пушкину.

Мы не случайно привели эти примеры. Из приведенного перечня видно, что в число «первых» попали самые различные по форме и цели установки памятники – фигура поэта в полный рост на пьедестале (Москва), фигура поэта на фризе другого памятника (Великий Новгород), бюст поэта на пьедестале (Пальна-Михайловка), бюст на фасаде здания (Петербург), памятная доска (Царское Село). Поэтому тезис, вынесенный в заголовок этой публикации, очень часто повторяемый, слишком общий и требует конкретизации – о каком памятнике (или о каких памятниках) идёт речь, ибо для суждения об определённых признаках или качествах памятников необходимо предварительно оговорить, хотя бы в общих чертах, терминологию и адекватность понятий [см., например, 11, с. 19]. В рамках настоящей публикации отметим, что в данном случае речь идёт о памятниках, установленных на открытом воздухе, независимо от цели их установки, типа (жанра) скульптурного произведения и наличия в композиции изображения поэта.

Александр Сергеевич Пушкин ушел из жизни 29 января 1837 г. В тот же день Василий Андреевич Жуковский, один из ближайших его друзей и человек, входивший в царское окружение, подготовил памятную записку императору Николаю I с предложениями о том, как почтить память Пушкина. Одним из пунктов в этой записке был обозначен тезис – «воздвигнуть трогательный, национальный памятник поэту». Предложения В.А. Жуковского тотчас же были приняты – все, кроме того, которое касалось памятника.

Увековечить великого поэта России достойным памятником – эта мысль сразу же после его смерти возникла в умах людей, хорошо понимавших величие пушкинского гения и его вклад в культуру Отечества. Тогда же К.П. Брюллов, потрясённый гибелью поэта, нарисовал эскиз «Монумента Славы» – прообраз всех тех памятников, которые впоследствии соорудят потомки, отдавая дань величайшего уважения к памяти Пушкина.

Первым монументальным памятником Пушкину в России стал мраморный обелиск над его могилой у стены Святогорского монастыря. Он был установлен по ходатайству вдовы, Натальи Николаевны Пушкиной, за её счёт летом 1841 г.² Но этот памятник, как оказалось, был уже не первым. **Страной, где воздвигнут первый в мире памятник Пушкину, стала Италия.** Его появлению мы обязаны неутомимому подвижнику русской культуры, человеку яркому и неординарному, – княгине З.А. Волконской (1789–1862)³. Зинаида Александровна – дочь дипломата, литератора и мецената А.М. Белосельского-Белозерского, одного из образованнейших людей своего времени. Отец очень многое сделал для воспитания дочери, рано оставшейся без матери, и сумел передать ей основы своего мироощущения, в частности, любовь к литературе и искусствам. Красота и обаяние, увлеченность натуры, высокая культура общения – очень многое привлекало в этой женщине. При этом Волконская была человеком самых разнообразных дарований: поэт и писатель-историк, актриса и певица, автор музыкальных сочинений.

В 1820–22 гг. Волконская жила в Риме, в центре «вечного города» – в палаццо Поли, к стене которого пристроен фонтан Треви. Живописная площадь, где он расположен, старинной архитектурой и величественным фонтаном неизменно притягивает к себе и римлян и туристов. Привлекало это место и русских людей. Волконская превратила свой дом в

² В 1837–1841 гг. мемориальным обозначением на могиле поэта был деревянный крест.

³ По другим сведениям, З.А. Волконская родилась в 1792 г.

З.А. Волконская.

Гравюра К. Майера с оригинала
К.П. Брюллова

своеобразный островок отечественной культуры – русский клуб, где читали стихи, пели, музиковали, ставили пьесы. Люди посещали палаццо Поли и русские художники, жившие и работавшие в Италии. Двери её гостеприимного дома всегда были открыты для людей, независимо от чина и титула.

В 1822 г. Волконская вернулась в Петербург, но не прижилась в нем. Два года спустя княгиня поселилась в Москве. И здесь, как и в Риме, ста-

ла покровительницей искусств – хозяйкой литературно-музыкального салона. У неё на Тверской постоянно бывали поэты и журналисты, художники и музыканты. В.А. Жуковский и А. Мицкевич, П.А. Вяземский и Н.М. Языков, А.А. Дельвиг, Е.А. Баратынский, Д.В. Веневитинов, П.Я. Чадаев, С.А. Соболевский, С.П. Шевырев, И.В. Киреевский, М.Н. Загоскин, М.П. Погодин, А.С. Хомяков – вот далеко не полный перечень её гостей.

А.С. Пушкин, возвратившийся в 1826 г. из ссылки, живет в Москве и неоднократно бывает в этом салоне, куда его ввел С.А. Соболевский. Волконская *привлекала Пушкина блеском культуры, тонким вкусом, любовью к музыке «упоительного Россинии»* [7]. Дружеские отношения с княгиней нашли отражение в творчестве поэта. Он посвящает хозяйке салона – царице муз и красоты – стихотворение «*Среди рассеянной Москвы...*».⁴ В письме Волконской, адресованном поэту, мы находим восторженный отзыв о его поэзии. Вот строки

⁴ Этот мадригал впервые опубликован в журнале М.П. Погодина «Московский вестник» (1827 г., №10) под заглавием «*Княгине З.А. Волконской, посылая ей поэму “Цыганы”*».

из этого письма: *От какой матери родился человек, гений которого весь сила, изящество, непринужденность, который... всегда оставаясь русским, умеет переноситься от лирики к драме, от песен, то полных любовной неги, то простодушных, то подчас даже суровых, то романтических, то едких, к важному и безыскусственному тону строгой истории!*⁵ О большом интересе З.А. Волконской к творчеству Пушкина говорит и такой факт: она была 12 октября 1826 г. среди тех, кто слушал чтение автором «Бориса Годунова» у Д.В. Веневитинова в Кривоколенном переулке.

З.А. Волконская проявила горячее участие к невестке (жена родного брата её мужа С.Г. Волконского), последовавшей в Сибирь вслед за своим мужем. Зинаида Александровна открыто приняла родственницу и, как вспоминала впоследствии М.Н. Волконская, *окружила заботами, вниманием, любовью и состраданием*. На её проводах у З.А. Волконской был Пушкин.

Родственные связи с семьёй сосланного в Сибирь «государственного преступника» и открытое сочувствие декабристам не могли не сказаться на её официальном статусе. За «неблагонадёжной» княгиней был установлен негласный надзор. В результате Волконская решает уехать за границу и в 1829 г. навсегда покидает Россию, уехав в Италию. В Риме княгиня снова поселилась в палаццо Поли, а вскоре приобрела на окраине города, неподалёку от базилики Сан-Джованни-ин-Латерано, дачный дом с большим участком земли, на котором ещё сохранились античные развалины – аркады акведука Клавдия. Дом был перестроен, и вилла с прекрасным живописным парком предстала в своём изысканном великолепии.

Вилла Волконской сохранилась до наших дней. Вот какая картина открылась перед историками Ю.П. Глушаковой и И.Н. Бочаровым в конце 1960-х гг.: *Волконская превратила виллу в настоящий музей под открытым небом. Увитые плющом развалины акведука, множество искусно расстав-*

⁵ Цитируется по книге: Глушакова Ю.П., Бочаров И.Н. Итальянская Пушкиниана. Москва: Изд. «Современник». 1991. – С. 219.

ленных на территории виллы античных статуй и барельефов, впечатляющие виды открывавшиеся отсюда на исторические архитектурные памятники Рима, расстилавшиеся перед глазами просторы римской равнины, синие Альбанские горы вдали – всё способствовало созданию особой атмосферы творческого подъёма, которую здесь испытывали многие замечательные русские люди, гости Волконской, и в частности Гоголь.

У Волконской в палаццо Поли и на её вилле бывали как соотечественники (В.А. Жуковский, Н.В. Гоголь, М.И. Глинка, К.П. Брюллов, О.А. Кипренский, А.А. Иванов, С.И. Гальберг, Ф.А. Бруни, С.Ф. Щедрин и др.), так и выдающиеся представители европейской культуры – А. Мицкевич, Вальтер Скотт, В. Гюго, Стендаль, Г. Доницетти, Б. Торвальдсен… Волконская прожила в Риме до конца своей жизни. Сюда же было перевезено её богатейшее собрание – обширная библиотека, архив писем, рукописей и нот, картины, альбомы. В одном из них было послание Пушкина. Волконская гордилась своей дружбой с поэтом и хранила его автограф как священную реликвию.

Волконская решила установить в парке своей виллы знаки памяти о родных и близких ей людях, о любимых поэтах и писателях. Такие знаки памяти составили «аллею воспоминаний» – так она будет названа позднее. Мы имеем свидетельство о реальном существовании таких памятников уже в 1831 г.: С.П. Шевырев (воспитатель сына Волконской Александра) сообщал 10 октября 1831 г. в письме к А.В. Веневитинову (брату поэта): она (З.А. Волконская. – А.Г., М.И.) пошла в «аллею воспоминаний», где воздвигает памятники всему утраченному милому.⁶

В 1832 г. на вилле Волконской побывал друг Пушкина А.И. Тургенев. Он собирался описать памятники «коими населила она римские развалины»⁷ и на этом материале подго-

⁶ Вестник Европы . СПб. 1896. № 1. – С. 27.

⁷ Цитируется его письмо П.А. Вяземскому.

товить статью для пушкинского «Современника». Однако сведений о написании им подобной статьи у нас нет.

Получив известие о смерти Пушкина, Волконская установила в «аллее воспоминаний» памятник ему. Он представлял собой невысокую античную стелу из белого мрамора, увенчанную сверху рельефным изображением орла. Бочаров и Глушакова посчитали, что во времена Волконской в городе нетрудно было найти такую плиту с символом военного могущества Древнего Рима [4]. На стеле высечено «А. Пушкинъ».⁸ В литературе можно встретить утверждение о том, что Волконская установила в парке своей виллы *бюст* Пушкина⁹, но это утверждение ошибочное и, судя по всему, стало результатом недоразумения.

Мы, к сожалению, не располагаем информацией о точной дате появления памятника в «аллее воспоминаний». Но, учитывая характер Волконской, её энергичность и пристрастия, можно с большой вероятностью считать, что памятник установлен в 1837 г., сразу же после того, как она узнала об уходе поэта. Стого говоря, мог быть и 1838-й год, но дата его установки не может быть позже 12 марта 1839 г., ибо в этот день посетивший Рим и видевший памятник М.П. Погодин сделал соответствующую запись в своем «Дорожном дневнике». Следовательно, все рассуждения в данном случае не меняют сути дела: римская стела была самым первым в мире памятником Пушкину, ибо, как указывалось, в России первый памятник появился лишь летом 1841 г.¹⁰

⁸ Позднее на этой стеле ниже были высечены ещё два имени: «Е. Баратынский» и «В. Жуковский».

⁹ См., например: *Черепский Л.А. Пушкин и его окружение*. Изд. второе, доп. и перераб. Л.: Изд. «Наука», Лен. отд. 1988. – С. 74.

¹⁰ Подробно с его историей можно ознакомиться в нашей книге: *Гдалин А.Д., Иванова М.Р. Памятники А.С. Пушкину на Псковской земле. Предисловие Г.Н. Василевича. Науч. редактор проекта С.А. Фомичев // Михайловская Пушкиниана. Вып. 27. Пушкинские Горы – Москва. 2003. С.80–161. Ил.*

Судьба виллы Волконской драматична. После смены нескольких владельцев она стала собственностью правительства Италии, а в канун 2-й мировой войны передана посольству Германии и оказалась местом размещения официальной резиденции немецкого посла в Риме. В период нацистской оккупации (1943–44) здесь была штаб-квартира римского гестапо, где в построенных бараках содержались узники – участники движения Сопротивления.¹¹ Ныне на вилле Волконской находится резиденция посла Великобритании. В одном из сообщений ИТАР-ТАСС нам встретилась информация о том, что в честь 200-летия А.С. Пушкина там были организованы юбилейные вечера и концерты.

Рим. Вилла
З.А. Волконской.
Памятная стела,
посвященная
А.С. Пушкину

Памятник Пушкину постепенно разрушался. Наши соотечественники, посещавшие территорию бывшей виллы Волконской, видели пушкинскую стелу, лежащую на земле [8], прислонённую к столетнему кипарису (уже барельеф орла оказался утраченным) и, наконец, вмурованную в ограду. Собственно, теперь это уже символический памятный знак, сохраняющий образ первого в мире памятника великому поэту России. А небольшая площадь перед зданием виллы на карте Рима и поныне значится как *площадь виллы Волконской*.

Первый памятник Пушкину, сохранившийся как важное историческое свидетельство – знаменательный факт истории общечеловеческой культуры и международных связей, – практически недоступен для посещения и существует в свя-

¹¹ См.: Букалов А. Пушкинская Италия: Записки журналиста. – <http://www.kreschatik.net/issues/25/kontext/bukalov.htm>

зи с этим лишь名义上. Вероятно, поэтому ещё в середине 1930-х гг., когда в СССР и в русском зарубежье действительно готовились отметить предстоявшую памятную годовщину столетия со дня смерти поэта, в среде русских эмигрантов возникла мысль о новом памятнике А.С. Пушкину в Риме.

Журналист А. Букалов писал, что встретил информацию об обсуждении и даже конкретном плане реализации в мраморе эскиза памятника Пушкину, выполненного К.П. Брюлловым в Италии в 1837 г., о котором мы упоминали выше. Графический набросок и эскизный проект памятника Пушкину хранится в рукописном отделе Государственного Русского музея (СПб.). Памятник задуман как аллегорическая композиция – Аполлон с Пегасом: гений поэзии, играющий на лире, стоит рядом с крылатым Пегасом на вершине горы Геликон. У их ног пробивается Иппокрена, источник вдохновения. Но такой проект осуществлён не был.

Наступили другие времена, другие взаимоотношения государств. Конец двадцатого века проходил в области культуры во многом под знаменем Пушкина. 1999-й год был объявлен ЮНЕСКО годом Пушкина. И давняя мечта – увековечить память гения России на земле бессмертного Данте – получила своё реальное воплощение. В порядке культурного обмена Россия передала Риму скульптуру Пушкина, а Рим – фигуру Данте для установки памятника ему в Москве.

Как и в Париже, в Риме имеется «Сад поэтов», где увековечены гении мировой литературы. Именно в такое почётное окружение и в Париже и в Риме попал бронзовый Пушкин. Для нового римского монумента избрана скульптурная композиция с изображением присевшего на скамью поэта. С пером в руке, он творит. Это работа известного российского скульптора Ю.Г. Орехова (1927–2001), народного художника России, почётного члена Итальянской Академии изящных искусств (г. Каппара).

Римский «Сад поэтов» расположен в знаменитом парке на Вилле Боргезе. Памятник Пушкину установлен на поля-

не, окружённой липами, напротив здания Национальной галереи современного искусства. Его «соседями» здесь являются Байрон, Гёте, Гюго... Памятник торжественно открыт в день рождения Пушкина, 6 июня 2000 года. Теперь его имя присутствует на картах Рима, призывая римлян и гостей «вечного города» увидеть бронзовое изваяние поэта, вдохновенно трудащегося *под мirtами Италии прекрасной* – в стране, где суждено было оказаться первому в мире памятнику великому поэту России.

Краткая библиография

1. Погодин М.П. Год в чужих краях (1839): Дорожный дневник. **М. 1844. Часть 2. С. 28** [Рим, 12 марта].
2. Полонский Я. Литературный архив и усадьба кн. Зинаиды Волконской в Риме // Временник Общества друзей русской книги, 4. Париж. 1938. С. 157. Ил.
3. Глушакова Ю.П., Бочаров И.Н. Русский клуб у фонтана Треви // Литературная Россия. М. 1976. № 49. 03 декабря. С. 22.
4. Бочаров И.Н., Глушакова Ю.П. Первый памятник Пушкину // Неделя. М. 1982. № 22. С. 8–9. Ил.
5. Фридкин В.М. «Под миртами Италии прекрасной...» // Наука и жизнь. М. 1983. № 12. С. 54–56. Ил.
6. Гдалин А.Д., Попелюхер И.Л. От Рима до Гаваны: Новые сведения о памятниках Пушкину за рубежом // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 22: Сб. науч. трудов. / АН СССР. Отд. лит. и языка. Пушкинская комиссия. Л.: Изд. «Наука». 1988. С. 177–178.
7. Глушакова Ю.П., Бочаров И.Н. Итальянская Пушкиниана. М.: Изд. «Современник». 1991. С. 215–221, 238, 285–287. Ил.
8. Фридкин В.М. Пропавший дневник Пушкина: Рассказы о поисках в зарубежных архивах. Изд. 2-е, доп. М.: Изд. «Знание». 1991. С. 126–132. Ил.
9. Пушкин в Риме // Культура. М. 2000. № 22. 15–21 июня. Ил.

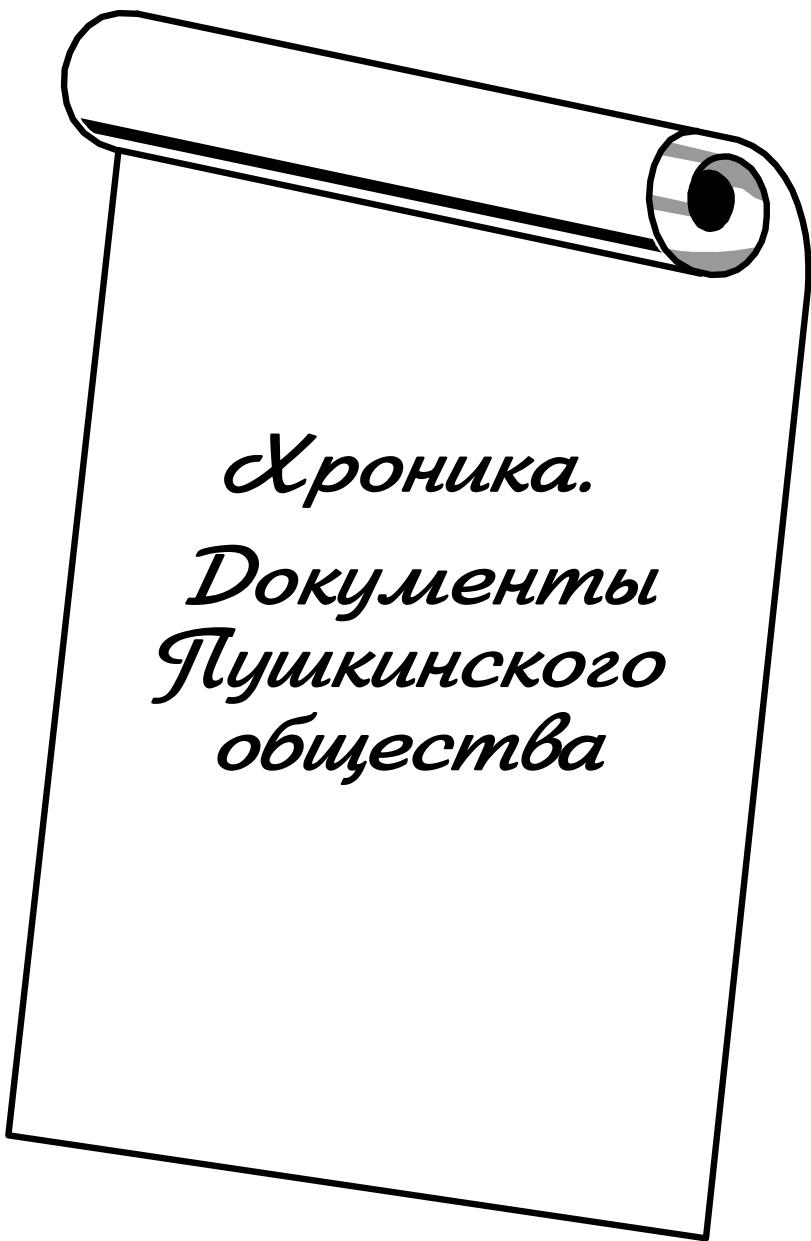
10. Платонова И. «Пушкин» поселился на вилле Боргезе // Юный художник. М. 2000. № 9. С. 3–4. Ил.

11. Гдалин А. Памятники А.С. Пушкину: История. Описание. Библиография. Том I. Россия. Часть 1. Санкт-Петербург, Ленинградская область. Сост. указателей М.Р. Иванова. Науч. ред. и автор предисловия С.А. Фомичев / РАН. Отд. лит. и языка. Пушкинская комиссия. СПб.: Изд. «Академический проект». 2001. С. 16–19, 334, 360–363. Ил.

12. Гдалин А.Д., Иванова М.Р. Свидетели мировой славы: Обзор сведений о памятниках А.С. Пушкину, установленных в 1990–2001 гг. // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 28: Сб. науч. трудов. / РАН. Ист.-филолог. отд. Пушкинская комиссия. СПб.: Изд. «Наука». 2002. С. 133.

13. Гдалин А.Д., Иванова М.Р. О первом памятнике первому поэту России // Всемирное слово: Международный журнал. СПб. 2005. № 17/18. С. 29–31. Ил. То же на итальянском языке. С. 14.

Памяти товарища

На 84-м году ушел из жизни Олег Петрович Кузьменков – один из основателей Новосибирского регионального Пушкинского общества, его руководитель в течение пяти лет – с 2004 по 2009 гг.

Выпускник Ленинградского высшего инженерного морского училища имени адмирала Макарова, он приехал в Новосибирск и 52 года проработал в Новосибирском институте инженеров водного транспорта (ныне Государственная академия водного транспорта). О профессиональной деятельности Олега Петровича можно сказать кратко, но емко: доцент, автор двух монографий, более 60 научных и методических работ.

Без малого шесть десятков лет прожил Олег Петрович в Новосибирске, и все эти годы он по-рыцарски служил великому русскому языку, был его родителем и защитником. С юных лет, находясь во власти музы Пушкина, он последовательно, бережно изучал и пропагандировал наследие гения русской литературы. И подвижническая деятельность Олега Петровича увенчалась созданием Новосибирского регионального Пушкинского общества.

О.П. Кузьменковым издано несколько книг прозы, он был составителем и редактором ряда сборников художественной литературы, публиковался в периодической печати, был главным редактором «Пушкинского альманаха» (вышло 7 номеров), членом Союза журналистов России, профессором Международной Славянской академии.

Олег Петрович содействовал присвоению имени Пушкина Новосибирскому городскому педагогическому лицею и созданию в лицее музея поэта. Благодаря его инициативе и настойчивости администрацией области и мэрией Новосибирска приняты решения о сооружении памятника А.С. Пушкину в г. Новосибирске. Проведены три тура конкурса на лучший проект и определен проект-победитель. Сооружение памятника Пушкину в ближайшее время станет достойным продолжением добрых дел Олега Петровича.

Светлая память об Олеге Петровиче Кузьменкове навсегда останется в сердцах пушкинистов и всех, кто знал этого бескорыстного, честного, глубоко порядочного человека.

Правление Новосибирского регионального
Пушкинского общества.

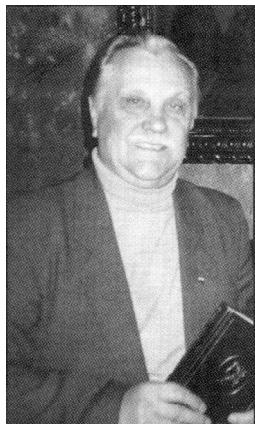
Памяти пушкиниста

Ушел из жизни большой друг и соратник новосибирских пушкинистов, активный автор и доброжелательный рецензент «Пушкинского альманаха», калининградец Феликс Зиновьевич Кичатов.

Выпускник Тюменского военно-инженерного училища и Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева, Феликс Зиновьевич долгие годы служил в строевых частях и закончил военное поприще в Калининградском училище инженерных войск в звании полковника.

По зову сердца Феликс Зиновьевич вел большую общественную культурно-просветительскую работу. В 1994–98 гг. возглавлял Калининградское областное отделение Российского фонда культуры. Являлся членом оргкомитета Пушкинской программы Российского фонда культуры. В 1988 г. Феликс

Кичатов основал в Калининграде областное «Общество почитателей А.С. Пушкина» и до последнего часа им руководил. Активно добивался установки в Калининграде памятника Пушкину, который и был открыт 6 июня 1993 г. По его инициативе одному из кораблей Балтийского флота присвоено имя «Александр Пушкин». Он организатор и участник публичных Пушкинских чтений в Калининграде, учредитель, составитель и редактор научного сборника «Внимая звуку струн твоих», автор более 30 пушкиноведческих работ. Он является одним из авторов «Онегинской энциклопедии». В 2006 году вышла в свет его прекрасная книга «Кофейный портрет», о событиях и людях, непосредственно связанных с име-

нем А.С. Пушкина. Страницы книги посвящены малоизвестным событиям из жизни людей пушкинского окружения.

Феликс Зиновьевич Кичатов в 1992–2000 гг. был членом Ассамблеи Российского Пушкинского общества. Удостоен звания «Заслуженный работник культуры РФ», награжден Пушкинской грамотой Российского фонда культуры и медалью Пушкина. Его имя вошло в энциклопедию «Лучшие люди России».

Новосибирские пушкинисты с большой благодарностью будут чтить светлую память о Феликсе Зиновьевиче Кичатове – прекрасном, умном человеке, дружбой с которым они гордятся!

Правление Новосибирского регионального Пушкинского общества.

Пушкинский альманах. Выпуск 8

**Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) Российской Академии наук
(статус государственного учреждения)**

199034, Санкт-Петербург,
наб. Макарова, д.4
Телефоны: (812) 328-19-01
Факс: (812) 328-11-40

**Уважаемый
Владимир Ефимович!**

Библиотека Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН сердечно благодарит Вас за переданные в дар Пушкинскому Дому материалы.

Наследие русской словесности является предметом наших собирательских и научных интересов. Библиотека Пушкинского Дома насчитывает около 1000000 печатных изданий, полно и всесторонне отражающих историю нашей литературы, и Ваш подарок займет в этой коллекции достойное место, а уникальная книга о Н.Н. Пушкиной украсит собрание редкостей.

Все присланные Вами издания:

- 1) Беляев М.Л. Н.Н. Пушкина в портретах и образах современников. Л., 1930
- 2) Пушкинский альманах. (Новосибирск). Вып. 1-7

будут находиться в Пушкинском кабинете, где собрана отечественная и зарубежная Пушкиниана от начала XIX в. и по настоящее время.

С уважением,
с пожеланиями здоровья
и творческих успехов

Зам. директора ИРЛИ РАН

С.Н. Гуськов

Зав. библиотекой
Пушкинского кабинета

Л.А. Тимофеева

Хроника. Документы Пушкинского общества

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
И ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК А.С.ПУШКИНА
“МИХАЙЛОВСКОЕ” (ПУШКИНСКИЙ ЗАПОВЕДНИК)
181370, Россия, Псковская обл., Пушкино-Горский р-н, село Михайловское
телеф/факс: 8(81146)-22560, 22641; тел.: 8(81146)-22319, 21762 (коммутатор)
E-mail: pgmuseum@ellink.ru WWW.pushkin.ellink.ru

№ 991
от 25.11.2009 г.

Новосибирское региональное
«Пушкинское общество»
Н.П.Трухиной

Здравствуйте, уважаемая Нэля Петровна!

Благодарю Вас за духовную поддержку и добрый отзыв о работе моей и всего нашего музейного коллектива. Мы, действительно, сегодня стоим, можно сказать, на боевых позициях по защите пушкинского наследия – того неповторимого природного ландшафта, что сохранил в себе живое звучание пушкинского слова. Это наследие ценны не имеет и не может быть собственностью отдельных людей.

В научной библиотеке Пушкинского Заповедника сегодня есть сборники «Пушкинского альманаха», выпускаемые вашим обществом. Мы готовы с будущего года получать от Вас для музейной библиотеки один экземпляр вновь изданного альманаха по почте наложенным платежом. К вопросу о приобретении модели памятника поэту и скульптурного бюста мы можем обратиться только в будущем году.

Поскольку в заповеднике не существует «копий материалов музея», предназначенных для рассылки, то отправляем Вам для использования в работе Пушкинского общества:

- Пушкинский Заповедник. Справочные материалы.
- Музейная почта Пушкинского Заповедника.
- Фотопутеводитель «Весь Пушкинский Заповедник»
- Диск с фильмами о Пушкинском Заповеднике, снятыми сотрудником музея-заповедника Н.А.Алексеевым.

Желаю всем членам Пушкинского общества, а также его друзьям и помощникам творческого вдохновения, успехов и доброго здоровья.

С уважением,

Г.Н.Василевич,
директор Пушкинского Заповедника

1

Перечень иллюстраций на обложке и вклейках

1-я стр. обложки:

Памятник А.С. Пушкину в Пушкинских Горах. Скульптор Е. Белашова;

4-я стр. обложки:

Часовня на Красном Проспекте г. Новосибирска.

Авантитул:

А.С. Пушкин. Рисунок М.К. Аникушина (Кофейный портрет), 1992 г.;

к стр. 10:

Саперы разминируют могилу А.С. Пушкина, 1944 г.

к стр. 104:

Н. Ульянов. Пушкин с женой перед зеркалом на придворном балу. 1936 г.

к стр. 166:

А.С. Пушкин. Неизвестный художник. 1831 г.

СОДЕРЖАНИЕ

65 лет Великой Победы

Анна Ахматова

Мужество 4

Лев Юрьев

«Александр Пушкин» в небе войны 5

Александр Смердов

Из поэмы «Пушкинские горы» 7

Феликс Кичатов

«Минувшее меня объемлет живо...» 9

Елизавета Стюарт

Отрывок из « обращения к старому городу» 13

Нэля Трухина

Сынок! 15

Времён связующая нить 16

Исаак Цейтлин

«Катюша» фронтовая 19

К освобождению Крыма 20

Прощание с кортиком 21

Олег Кузьменков

Физкультурный парад победы (воспоминания старого московского студента) 22

Под сенью Пушкина. Стихи и проза

Софья Шапошникова

Пушкин 40

Владимир Евдасин

Этюды о моём Пушкине 41

Иван Зайцев

Военное детство 61

Надежды зерно 62

Вячелав Небольсин

Ты прости меня, душа 63

Вера Зверева-Коренева

Пу-си-цзинь и Китай 64

Виктор Липчанский

Слава павшим 68

Пушкинский альманах. Выпуск 8

Владимир Романов

Стихи лауреатов 69

Нина Борисова

Женщины в русских шалях 69

Людмила Елисеева

Вдали война 70

Николай Тришин

Шепот на сеновале 72

Сергей Феденков

Великороссы 73

Татьяна Крышталева

Братья славяне 74

Сергей Турков

Атака 75

Люся Ли

Летний вечер 76

Очерк и публицистика

Валерий Болтунов

Пушкин. Прорыв в современность 78

Юрий Ключников

Венок поэту 86

Валентин Курбатов

Выше и вместе 88

Владимир Никифоров

Пушкинский час в лицее 92

Татьяна Шипилова

«Уроки русского» как свежий воздуха глоток 93

Марк Митник, США

Покорение «Карса» 98

Нэля Трухина

Вас приветствует салон «На Советской» 107

Ученые записки

Нина Меднис

“Стансы” (“В надежде славы и добра...”) и их отзвуки в русской
литературе 114

Страницы школьному учителю

Наталья Иванова

Болдинская осень 126

<i>Ирина Иванова</i>	
О конкурсе в Юниоре	145
Гости Пушкинского альманаха	
Пушкин в Австралии	149
Анатолий Карель	
Пушкину	149
Людмила Осьмакова	
Пушкин в движении эпох	150
Игорь Смолянинов	
Прошли суровые века...	158
Изобразительная Пушкиниана	
Татьяна Александрова	
Портрет Пушкина работы Горюнова	160
Владимир Крыжсановский	
Дополнения к библиографии иконографии	
А.С. Пушкина	165
Александр Гдалин, Маргарита Иванова	
Первый памятник Пушкину	169
Хроника. Документы Пушкинского общества	
Памяти О.П. Кузьменкова	182
Памяти Ф.З. Кичатова	184
Письмо Пушкинского Дома	186
Письмо директора Пушкинского Заповедника	187

Литературно-художественное издание

Пушкинский альманах, выпуск 8

**Составители: Владимир Михайлович Евдасин,
Владимир Ефимович Крыжановский,
Нэля Петровна Трухина**

Редактор – Крыжановский В.Е.

Корректор – Бондаренко В.В.

Компьютерная верстка – Логуновой Н.Н.

Подписано в печать с оригинал-макета

Бумага офсетная № 1, формат 60 × 84 1/16, печать

Усл. печ. л. , тираж 500 экз., заказ №